This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PROPERTY OF
The University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

8008. u.

Левъ Тихомировъ.

Tikhomirov, Lev Aleksandrovich

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Русская государственность.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1905.

DT. Fr[illegible]
4U
183

JC
375
.T57
1905a
v.3

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Предисловіе.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Выработка типа верховной власти.

Стр.

Глава I. Общія благопріятныя условія 1
Глава II. Древне-русскій князь 2
Глава III. Борьба демократическаго и аристократическаго начала 7
Глава IV. Національная борьба за существованіе 12
Глава V. Вліяніе церкви 15
Глава VI. Вліяніе религіозной идеи 18
Глава VII. Ростъ царской идеи 20
Глава VIII. Андрей Боголюбскій, какъ носитель идеи самодержавія 24
Глава IX. Выработка престолонаслѣдія 31
Глава X. Московскій царь 35

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Единеніе верховной власти и націи.

Глава XI. Единство идеаловъ Царя и народа. Ученіе Іоанна Грознаго 40
Глава XII. Единеніе народнаго идеала съ царскимъ 46
Глава XIII. Правильный ростъ государственныхъ учрежденій 55
Глава XIV. Общеніе царя и народа въ управленіи. Боярская дума. Земскіе соборы 58
Глава XV. Общеніе государства и народа въ церковномъ управленіи 62
Глава XVI. Царскій судъ 68
Глава XVII. Единеніе царя и народа въ управительной области. Самоуправленіе 74

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Слабыя стороны русской государственности.

Стр.

Глава XVIII. Недостатокъ сознательности 77
Глава XIX. Шаткость политическаго строенія 79
Глава XX. Появленіе бюрократіи 84
Глава XXI. Кризисъ московскаго міросозерцанія. Церковный расколъ 89
Глава XXII. Банкротство сознательности. Появленіе абсолютизма 94
Глава XXIII. Европейское умственное иго 97
Глава XXIV. Петръ Великій, какъ русскій человѣкъ.... 101
Глава XXV. Противорѣчіе принциповъ Петровской эпохи. 103

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Самосознаніе петербургскаго періода.

Глава XXVI. Сложность работы самосознанія..... 116
Глава XXVII. Инстинктъ и сознаніе 121
Глава XXVIII. Публицистическое сознаніе. М. Н. Катковъ. 127
Глава XXIX. Публицистическое сознаніе. И. С. Аксаковъ. 133
Глава XXX. А. Кирѣевъ, М. Юзефовичъ и др..... 138
Глава XXXI. К. Н. Леонтьевъ 143
Глава XXXII. Неясность научнаго сознанія..... 148

ОТДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

Управительная система и связь съ націей за Петербургскій періодъ.

Глава XXXIII. Подражательность управительной системы. Коллегіальная бюрократія. Петръ I. Екатерина II..... 156
Глава XXXIV. Бюрократія отъ Петра до Александра II. 163
Глава XXXV. Бюрократія въ Церкви..... 169
Глава XXXVI. Связь верховной власти съ націей. Элементъ идеократическій..... 182
Глава XXXVII. Значеніе дворянства..... 185
Глава XXXVIII. Сохраненіе типа верховной власти..... 191

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Современный моментъ русской государственности.

Глава XXXIX. Неясность момента 198
Глава XL. Историческая идея Россіи въ концѣ ученическаго періода..... 200
Глава XLI. Революціонный духъ новаго періода..... 206
Глава XLII. Соціальныя условія новаго періода..... 208
Глава XLIII. Состояніе народной массы..... 216
Глава XLIV. Историческій моментъ. Разобщеніе власти и народа.. 221
Глава XLV. Разслабленіе національныхъ силъ..... 229
Глава XLVI. Разслабленіе Государственнаго управленія. . 234
Глава XLVII. Заключеніе..... 238

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
11	4	Владиміръ	Владиславъ
43	24	хрестъ Честной	Крестъ Честной
60	9	1611	1613
68	13	расправа	расправы
88	22	въ XIII вѣкѣ	въ XVIII вѣкѣ
108	Формула присяги	„но инако толкую“	„не инако толкую“
116	Заголовокъ.	Сложность работъ	сложность работы
117	7	работу	работъ
125	13	его	ея
140	Примѣчаніе.	уже,	, уже
147	3	на диктаторіальное	не диктаторіальное
147	10	къ опредѣленіи	въ опредѣленіи
148	6	свойства	свойствъ
185	25	слово учительство	слово учительства
214	12	въ политической	къ политической

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задачей нижеслѣдующаго очерка «Русской Государственности» является разсмотрѣнія ея развитія на сложномъ фонѣ историческихъ условій, которыми обусловливалось возникновеніе и дѣйствіе верховной власти, выработанной русской націей.

Поэтому, въ обрисовкѣ каждой категоріи частныхъ условій, я могъ входить лишь въ тѣ подробности, какія мнѣ казались необходимы для того, чтобы дать въ нихъ ясную часть общей картины историческихъ условій. Входить въ подробности далѣе предѣловъ этой задачи значило бы лишь помѣшать уясненію основной мысли книги. Вотъ почему у меня не упомянуто объ очень многихъ дѣятеляхъ по развитію русскаго самосознанія, и почти совершенно не введены въ разсмотрѣніе дѣятели, приносившіе къ намъ европейскіе государственные идеалы. Изъ первой категоріи я выбиралъ лишь тѣхъ представителей національной мысли, которые вносили нѣчто своеобразное. Множество публицистовъ, имѣвшихъ значеніе лишь по распространенію этихъ идей, я оставляю въ сторонѣ, хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ предполагаю еще упомянуть въ четвертой части книги («Монархическая Политика»), въ связи съ вопросами о тѣхъ или иныхъ частныхъ мѣрахъ управленія. Что касается представителей европейской мысли,—я ставилъ себѣ задачей: обрисовать лишь общій духъ ихъ вліянія.

Разсмотрѣніе *современнаго момента* русской государственности, собственно говоря, не входитъ въ планъ моей работы. Тѣмъ не менѣе мнѣ казалось невозможнымъ совершенно устраниться отъ нѣкоторой обрисовки его. О неизбѣжной неполнотѣ этой части очерка излишне даже оговариваться. Въ разсужденіи о настоящемъ времени, для ясности обрисовки,

необходимо было бы говорить о лицахъ, нынѣ живущихъ, характеризовать ихъ способности, ихъ планы, ихъ борьбу. Но, кромѣ внѣшней невозможности производить такой судъ надъ современниками, нельзя не понимать, что, при даже величайшемъ стараніи быть добросовѣстнымъ, никто не можетъ, передъ своей совѣстью, поручиться въ томъ, чтобы былъ достаточно освѣдомленъ о личности и планахъ своихъ современниковъ, и, слѣдовательно, имѣлъ нравственное право производить относительно ихъ какое-либо окончательное сужденіе. Не говоря же о личностяхъ, нельзя достаточно обрисовать и эпоху.

Что касается до чисто устроительныхъ мѣръ, которыя мнѣ, съ общей точки зрѣнія монархической политики, кажутся полезными или необходимыми при современномъ положеніи русской націи и государственности, то объ этомъ предметѣ мнѣ придется сказать нѣсколько словъ лишь въ четвертой части книги *). Впрочемъ, подробное разсужденіе объ этомъ вообще не входитъ въ планъ книги, задача, которой стоитъ въ выясненіи общихъ принциповъ политики. Ихъ приложеніе, въ связи съ условіями времени и мѣста—это уже задача государственнаго дѣятеля. Одинъ и тотъ же принципъ можетъ прилагаться различными способами, и опредѣленіе того—какой изъ нихъ въ данномъ случаѣ является наилучшимъ—есть дѣло уже не теоріи, а политическаго искусства и практическаго глазомѣра.

8 Апрѣля 1905 г.

Левъ Тихомировъ.

---

*) Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ уже и рѣшена въ принципѣ. „На всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода о созваніи Собора епархіальныхъ епископовъ для учрежденія патріаршества и обсужденія перемѣнъ въ церковномъ управленіи, Его Императорскому Величеству благоугодно было 31-го Марта сего года собственноручно начертать „Признаю невозможнымъ совершить въ переживаемое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія, и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Предоставляю Себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего время, по древнимъ примѣрамъ православныхъ Императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и *созвать соборъ Всероссійской Церкви для каноническаго обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управленія*". „Церк. Вѣд." 2 Апр. № 14.

ОТДѢЛЪ I.

Выработка типа верховной власти.

I.

Общія благопріятныя условія.

Россія представляетъ страну съ особо благопріятными условіями для выработки монархической верховной власти. Въ древней Руси, среди племенъ, образовавшихъ собственно Русскую Землю, и до начала государственности и въ эпоху ея организаціи, существовали зародыши всѣхъ формъ власти: демократической, аристократической и монархической. Оба первые начала мѣстами имѣли тенденцію вырасти въ значеніе Верховной власти, но общая совокупность условій дала рѣшительную побѣду *Царской идеѣ*.

Въ числѣ этихъ условій особенно благопріятствовали выработкѣ идеальнаго типа монархіи—условія *религіозныя*, *соціально-бытовыя*, и условія *внѣшней политики* племенъ, соединившихся въ Русское государство. Наоборотъ, всѣ условія *политической сознательности* были въ Россіи за все 1000-лѣтіе ея существованія крайне слабы и, по своей спутанности и противорѣчивости, едва ли не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Русская монархія, своими первоначальными корнями, связана съ наиболѣе первобытнымъ родовымъ языческимъ строемъ, а косвенными условіями возникновенія—съ Имперіей Римской;

могущественными и прямыми вліяніями она связана съ христіанствомъ и Византійскимъ самодержавіемъ; а окончательно сложилась въ эпоху огромнаго внѣшняго вліянія на насъ Монгольскаго востока, а затѣмъ въ борьбѣ съ аристократически-польскимъ строемъ. По завершеніи же эволюціи въ этихъ сложныхъ условіяхъ, наша монархія подверглась всей силѣ вліянія западно-европейскихъ идей, какъ монархическихъ, такъ и демократическихъ, одновременно съ чѣмъ получила своей задачей устроеніе огромной Имперіи, составленной изъ весьма различныхъ обособленныхъ народностей, перейдя наконецъ въ эпоху усиленнаго промышленнаго развитія, до чрезвычайности осложнившаго задачи государства.

Переживъ тысячелѣтіе столь необычайно сложной исторіи, Русская монархія нынѣ стоитъ во главѣ государства, съ одной стороны связаннаго множествомъ условій съ государствами Японско-Китайскаго востока, съ—другой не менѣе тѣсно съ государствами и націями магометанскими, съ остатками и зародышами православныхъ греко-славянскихъ государствъ, съ вѣяніями славянской идеи и—еще болѣе могущественно со всей Европой, а по ту сторону океана—съ Америкой.

При такихъ условіяхъ, Русская монархія является учрежденіемъ, представляющимъ особый интересъ, какъ съ точки зрѣнія научной, такъ и въ отношеніи будущихъ судебъ міровой государственности. Условія развитія Русской монархіи, какъ въ благопріятныхъ, такъ въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ, требуютъ особенно подробнаго уясненія.

II.

Древне-русскій князь.

Въ отличіе отъ Византіи, Русь съ древнѣйшихъ временъ обладала опредѣленной національностью. Русскія племена имѣли, приблизительно, одинъ и тотъ же бытъ, одинъ и тотъ же родовой строй, одни и тѣ же колонизаціонныя стремленія.

У всѣхъ ихъ религіозныя языческія представленія были одинаково мало развиты и оформлены. Если въ положеніи племенъ въ Кіевѣ, у Вятичей и Новгородцевъ были различія, то все же племена, охранявшіе торговый путь, и племена, углублявшіеся въ колонизаціонный захватъ земель, являлись нужными другъ другу, какъ бы взаимно дополняли общіе интересы. Всѣ они поэтому имѣли потребность въ общей власти.

Родовой строй этихъ племенъ не выработалъ еще сильной клановой аристократіи, хотя уже создалъ различнаго рода старѣйшинъ, и кое гдѣ явилось уже понятіе о князѣ, какъ начальникѣ рода *). Это, любопытно отмѣтить, было особенно развито на мѣстахъ будущей аристократіи: «князья» древлянскіе, по словамъ народа, считались уже «добрыми» и «распасли Деревску землю».

Въ такихъ условіяхъ совершилось призваніе князей Рюриковичей **). Когда «возсталъ родъ на родъ» и собраніе родоначальниковъ, этихъ старѣйшинъ и мелкихъ князей, связанныхъ каждый съ узкимъ интересомъ *своего* рода, не могло создать общаго права, общей равно для всѣхъ близкой власти, и русскіе стали подпадать господству иноплеменниковъ (варяговъ на сѣверѣ, хазаръ на югѣ)—рядъ славяно-финскихъ племенъ совершилъ великое дѣло: основаніе русской государственности, призвавъ въ 862 г. князей, какъ власть для всѣхъ общую, высшую.

Смыслъ этой уже не родовой, а государственной власти, очень ясенъ изъ объясненій лѣтописи, во всякомъ случаѣ выражавшей понятія и точки зрѣнія народа IX столѣтія, т. е. въ самомъ

---

*) Слово „князь“, по словопроизводству, говоритъ С. М. Соловьевъ, значитъ *старшина въ родѣ, родоначальникъ*, отецъ семейства. Отсюда женихъ и невѣста называются „князь“ и „княгиня“, т. е. основатели рода. (Исторія Россіи, т. I, стр. 49—50).

**) Не считаю возможнымъ сомнѣваться въ точности этого историческаго преданія. Личныя воспоминанія лѣтописца начинаются 189 лѣтъ послѣ призванія Рюрика, Синеуса и Трувора. Возможно ли допустить, справедливо замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, чтобы князья за 189 лѣтъ забыли истинное свое происхожденіе?

Впрочемъ были ли призванные князья изъ Варяговъ, или нѣтъ,—это совершенно не измѣняетъ вопроса о княжеской власти.

началѣ нашей исторіи. Когда племена «начали *сами у себя* владѣть», то «возсталъ родъ на родъ» и «не было у нихъ правды». Тогда племена собрались и сказали: «Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ и судилъ нами *по правдѣ*». Такъ и было сказано Рюрику съ братьями: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Приходите княжить и владѣть нами».

Итакъ—прежде сами у себя владѣли, а затѣмъ передали это владѣніе князьямъ. Это былъ отказъ демократіи отъ государственной власти и передача ея князю. Всенародная воля сохранила свою власть внутри рода, но власть во всей землѣ, въ федераціи родовъ—передана была князю. Это была передача высшаго государственнаго управленія и притомъ въ то время, когда государство не было даже организовано, такъ что княжеской власти поручена была работа учредительная.

Былъ ли, однако, князь властью *Верховною*, или только высшимъ наслѣдственнымъ магистратомъ? Понятно, что точной и ясной мысли и формулы не могло быть у племенъ родовыхъ. Идея верховной власти не могла быть вполнѣ сознана. Несомнѣнно, что такой верховной властью надо всѣми родами и племенами не былъ въ то время и весь Русскій народъ. Воля всей совокупности обитателей Русской земли—совершенно не была обязательна для какого нибудь отдѣльнаго рода или племени. Этой идеи не замѣчается даже и признаковъ, да и воли такой не существовало.

Въ князьяхъ явился первый проблескъ идеи о верховной власти. Это видно изъ компетенціи князя. Разсматривая дѣятельность князя, С. М. Соловьевъ подводитъ такіе итоги *):

1) князь думалъ о строѣ земскомъ,
2) онъ былъ судьей,
3) онъ черезъ слугъ своихъ исполнялъ судебные приговоры,
4) отъ него происходилъ всякій новый уставъ,
5) князь собиралъ дань и распоряжался ею,
6) князь былъ вождемъ на войнѣ,

*) Исторія Россіи, т. I, гл. 8; т. III, гл. 1.

7) князь сносился съ чужими державами,

8) князь объявлялъ войну и заключалъ миръ.

Должно добавить, что личность князя была въ юридическомъ сознаніи народа неприкосновенна. Князей въ иныхъ случаяхъ изгоняли, но ихъ народъ не судилъ *). Князь вообще не подлежалъ смертной казни. По княжескому между собою уговору, князь даже за преступленіе не могъ быть лишенъ жизни, а наказывался (своими же собратьями-князьями) лишь отнятіемъ власти. Даже за ослѣпленіе Василька Давидъ не потерпѣлъ никакого наказанія противъ своей личности. Князей, случалось, убивали, въ качествѣ средства борьбы, но никогда не въ смыслѣ наказанія. То же самое должно сказать о заключеніи тюремномъ. Вообще личность князя была неприкосновенна.

Въ этомъ, очевидно, проявился переносъ на князя идеи родового старѣйшинства. Родовичи могли, по злобѣ, въ раздраженіи, убить родовладыку или прогнать его, но не судить, не наказывать.

Однако, атрибуты верховной власти, явившіеся для князей, еще не значатъ, чтобы въ княжеской власти у насъ была создана *монархія*.

Любопытную черту призванія князей составляетъ то, что власть получилъ *цѣлый родъ*. Родовой бытъ создалъ верховную власть по своей собственной идеѣ, т. е. сдѣлалъ ее достояніемъ какъ бы спеціализированнаго для этой цѣли дома Рюрика. Ни за кѣмъ, кромѣ членовъ этого дома, не признается такого права. «Вы не князья, вы не княжескаго рода», говоритъ, по преданію, Олегъ Аскольду и Диру, и на этомъ основаніи ихъ низвергаетъ. «Члены Рюрикова дома,

*) Христіанскія вліянія явились у насъ такъ скоро, что ихъ значенія тутъ нельзя выдѣлить. Но во всякомъ случаѣ неподсудность князя народу—проявляется на Руси издревле. Когда братья предлагали Олегу разобрать свои съ нимъ неудовольствія „передъ епископами, игумнами, передъ мужьми отцовъ нашихъ и передъ людьми градскими", Олегъ отвѣчалъ: „Неприлично судить меня епископу, либо игумну, либо смердамъ". (Соловьевъ, т. III, гл. 1).

Когда Галицкій боярин Владиславъ убилъ князя, якобы по суду, и самъ вокняжился,—это совершенно исключительное событіе было разсматриваемо, какъ преступленіе.

говоритъ С. М. Соловьевъ, носятъ исключительно, названіе князей; оно принадлежало имъ всѣмъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, пріобрѣтаемое только происхожденіемъ отъ Рюриковой крови, не отъемлемое, не зависящее ни отъ какихъ другихъ условій». Такимъ образомъ, *династичность* государственной власти являлась сама собою. Но о ея единоличности не было мысли. Управительная власть каждаго князя была единолична. Но *верховная* власть принадлежала всей ихъ совокупности, *цѣлому роду*.

Такимъ образомъ, по условіямъ нашего соціальнаго строя, государственная власть явилась сразу династичною. Тогда еще «на Руси не было одного Государя, говоритъ г. Соловьевъ, въ ней владѣлъ большой княжскій родъ». Соціальный строй далъ Руси сразу, безъ труда, безъ раздумыванья, по простой привычной аналогіи,—такую государственную династичность, какая въ Византіи явилась лишь подъ конецъ ея существованія, до и то въ менѣе благопріятныхъ формахъ.

Дѣйствительно, Комнины, Ангели, Дуки, Ласкарисы, Палеологи, всѣ между собой переродившіеся, считали за собою извѣстное право на Царскую власть, а за остальными гражданами—нѣтъ. Но среди претензій этихъ различныхъ наслѣдниковъ и носителей права невозможно было разобраться, да не существовало и твердой руководящей идеи для опредѣленія преимущественнаго права. На Руси же родовая идея—указывала совершенно ясно и порядокъ старшинства, по старшинству въ родѣ.

Такое происхожденіе нашей княжеской и Великокняжеской власти, само по себѣ, не предсказывало и не обусловливало развитія Самодержавія, и типичной Монархіи, какъ Верховной власти. Напротивъ, Великій Князь здѣсь являлся лишь primus inter pares. Размноженіе членовъ правящей династіи, коллективныхъ носителей Верховной власти, естественно, по внутренней логикѣ, должно было вести къ развитію строя правящей аристократіи. Родовая княжеская идея впослѣдствіи всегда являлась ограничительною для власти Великаго Князя,

и боролась противъ идеи Самодержавія, считая его узурпаціей родового права Рюриковичей. Чистая монархія на такой почвѣ не могла бы возникнуть, если бы не было другихъ благопріятныхъ для этого условій.

Но, тѣмъ не менѣе, родовое княженіе внесло свою лепту въ сложеніе антипатичнаго ему Самодержавія тѣмъ, что твердо установило идею династичности, столь трудно прививаемую къ народному сознанію. Въ Россіи идея династичности высшей власти, благодаря Рюриковичамъ, сложилась въ самомъ процессѣ рожденія націи, какъ составная часть національнаго развитія. Хотя удѣльное княженіе породило у насъ аристократію, съ которой монархіи впослѣдствіи не мало пришлось бороться, но прочно заложенная идея династичности высшей власти, впослѣдствіи преобразованная соціальными вліяніями въ династичность семейную, дала монархіи одно изъ необходимѣйшихъ свойствъ ея: прочную, ясную наслѣдственность, окончательно устраняющую всякую борьбу за верховную власть.

III.

Борьба демократическаго и аристократическаго начала.

Родовое княженіе, не создавая Самодержавія, все-таки составляло почву, изъ которой идея Самодержавія, если она чѣмъ либо порождалась, могла находить себѣ нѣкоторые питательные соки для развитія. Такъ и всѣ остальныя условія развитія русской націи, каждое по своему, доставляли назрѣвающей монархіи свои услуги, создавали то, или иное, необходимое для нея условіе.

Древняя Русь отличалась сильнымъ соціальнымъ строемъ, при чемъ первоначальные роды, вслѣдствіе колонизаціонныхъ требованій жизни народной, очень быстро разлагались на менѣе значительныя, но болѣе сплоченныя, *патріархальныя* семьи. Въ этомъ отношеніи исторія сложенія Русскаго народа весьма отлична отъ племенъ, колонизовавшихъ Европу.

Тамъ племена, на родовомъ началѣ, захватывали сравнительно небольшія территоріи, на которыхъ приходилось осѣдать прочно, безъ возможности такого колонизаціоннаго бродяжества, какъ въ Россіи. Въ Россіи—племена родоваго періода захватили безпредѣльно широкія пространства, которыя расширялись, почти безъ сопротивленія, во всѣ стороны передъ каждымъ желающимъ. Была и у насъ борьба съ первоначальными насельниками — финскими племенами. Но она не требовала большихъ силъ. Кое гдѣ ее вели князья (особенно Суздальско-Владимірскіе). Но вообще русскіе колонисты могли идти куда угодно, не въ большихъ силахъ, въ твердомъ расчетѣ найти новыя земли, рыболовли, звѣря, и вообще все имъ потребное для жизни. Натискъ южныхъ хищниковъ, отчасти и западныхъ, даже побуждалъ уходить на новыя мѣста, причемъ для этого вовсе не требовалось переселенія цѣлыми родами. Одинъ предпріимчивый человѣкъ съ семьей могъ идти куда угодно. Такъ и было. Въ нашихъ писцовыхъ книгахъ даже вообще не встрѣчаешь особенно большихъ семействъ.

Наши роды, поэтому, легко распадались и трудно возрождались. «Задруга», столь характеристичная для сербовъ—у насъ, по всѣмъ даннымъ историческихъ актовъ, осталась неразвитой. У насъ «брели врозь», куда кто хотѣлъ—небольшими семьями. Хотя онѣ и разрастались на новомъ мѣстѣ, но и тамъ всѣ желающіе уходили врозь. Посему у насъ главную силу получилъ отецъ семьи, домовладыка, а не родовой патріархъ. Въ свою очередь, эти домовладыки, сходясь изъ разныхъ мѣстъ на новой территоріи—естественно сплачивались въ *общину*, которая столь же характеристична для русскаго племени, какъ *задруга* для сербскаго. Община могла быть разросшейся семьей, но ни мало не необходимо, и—какъ правило—состояла не изъ родственниковъ.

Эта колонизаціонная исторія Русскаго народа, при которой наше земледѣльческо-охотничье населеніе постоянно мѣняло мѣста жительства, разбивала родовой строй, и возвышала строй семейный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общинный, ибо необходимость взаимной поддержки связывала въ общины цѣлыя волости.

Эти маленькія республики имѣли обширнѣйшій кругъ управительныхъ и распорядительныхъ функцій, и фактически представляли во множествѣ случаевъ даже единственную правительственную власть, какую имѣли надъ собой обыватели разныхъ заброшенныхъ въ глуши поселеній. Такъ развивалось обширное самоуправленіе и уваженіе къ общей волѣ.

«Міръ—великій человѣкъ», «куда міръ—туда и мы», «мы отъ міра не отметчики»—съ этими принципами Русскій народъ провелъ свою исторію, и издревле ему «на міру и смерть красна». Отсюда развивалось значеніе «схода», «вѣча». Такимъ образомъ, въ этой исторіи, требовавшей такъ много дружнаго сплоченія силъ, въ народной жизни повсюду кишѣли зародыши принципа «народнаго самодержавія», и если они не получили государственнаго преобладанія, то лишь по вліянію другихъ условій, давшихъ въ народномъ сознаніи перевѣсъ единоличной власти.

Народныя родовыя общины, становясь городскими центрами, еще шире развивали свое самоуправленіе, и разрастались въ цѣлыя государства, какъ Новгородъ. А рядомъ съ этими ростками демократіи, въ той же Руси могучій соціальный процессъ вырабатывалъ и чисто-аристократическіе элементы.

Профессоръ Романовичъ-Славатинскій отмѣчаетъ въ сложеніи Русской государственности три элемента: Князь, Вѣче и Дружина. «Эти элементы», говоритъ онъ, «находятся въ постоянномъ колебаніи, то борясь между собою, то уравновѣшивая другъ друга». Эта картина не спеціально русская, а всечеловѣческая. Всякая здоровая, сильная соціальная жизнь непремѣнно развиваетъ всѣ эти три элемента власти: единоличную, аристократическую и демократическую. Вопросъ государственнаго типа рѣшается тѣмъ, которая изъ нихъ будетъ признана народнымъ сознаніемъ за верховную, и какія отойдутъ на второстепенную управительную роль. У насъ вопросъ рѣшился въ пользу Самодержавія. Но и аристократія и демократія, въ частностяхъ, умѣли развивать огромную силу.

Вѣчевое демократическое начало, какъ сказано, мѣстами чуть не выросло въ Верховную Власть. «Междоусобія князей, говоритъ Иловайскій, и частая нужда искать поддержки

у мѣстнаго населенія способствовали развитію и укрѣпленію вѣчевыхъ обычаевъ». Появлялся обычай «ряда», т. е. *договора* съ князьями, при чемъ князей даже иногда заставляли присягать. Въ Новгородѣ это вошло въ постоянный обычай. *). Это уже начало признанія народа за власть верховную.

Въ 1218 году въ Новгородѣ посадникъ Твердиславъ очень ясно выразилъ принципъ, что Вѣче одинаково можетъ распоряжаться князьями и посадниками. Въ это время въ Новгородѣ происходили смуты, въ которыхъ былъ замѣшанъ посадникъ Твердиславъ. Князь Святославъ заявилъ вѣчу: «Не могу быть съ Твердиславомъ и снимаю съ него посадничество».— «А какая его вина?» спросили Новгородцы. «Безъ вины», отвѣчалъ Святославъ. Тогда Твердиславъ сказалъ: «Радуюсь тому, что на мнѣ нѣтъ никакой вины, а вы, братья, волны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ». Князь такимъ образомъ официально низводился въ разрядъ властей служебныхъ, которыми самодержавный народъ можетъ распоряжаться по усмотрѣнію. Чѣмъ же кончился споръ? Новгородцы послали сказать князю: «Ты намъ клялся ни у кого ни отнимать должности безъ вины, и мы не допустимъ, чтобы у Твердислава отняли безъ вины посадничество»... Святославъ уступилъ волѣ вѣча.

Это была, очевидно, уже вполнѣ республика. Впрочемъ у насъ была Вятка, которая и совершенно не знала князя, даже какъ учрежденія служебнаго.

Аристократическое начало со своей стороны достигало мѣстами не меньшей власти. Развитіе княжеской владѣтельной аристократіи шло объ руку съ развитіемъ боярскаго слоя изъ среды дружины, осѣдавшей въ вотчинахъ. Разбогатѣвшіе и усилившіеся бояре подходили весьма близко къ обѣднѣвшимъ и ослабѣвшимъ князьямъ, тѣмъ болѣе, что боярскій и княжескій слои постепенно родились между собою, несмотря на отвращеніе князей отъ этого. Со стороны дружины издавна замѣчалась тенденція, не посягая на верховную власть, смотрѣть на власть управительную, какъ на свое достояніе. «Ты, княже, это отъ себя замыслилъ», (не посовѣтовавшись

*) Д. Иловайскій, „Исторія Россіи", т. I, стр. 300.

съ дружиной), говорили служилые, и на этомъ основаніи отказывались отъ повиновенія волѣ князя. Претензіи бояръ въ Галичѣ на власть дошли до того, что тамъ былъ одинъ случай, когда бояринъ Владиміръ казнилъ князя и самъ «вокняжился» на мѣсто его. Правда эта попытка встрѣтила единодушный отпоръ князей...

Притязанія смѣшаннаго княжеско-боярскаго слоя проявлялись сильно даже въ Москвѣ, а въ Западной Руси, съ наступленіемъ благопріятныхъ условій—именно Литовско-Русская аристократія болѣе всего способствовала превращенію Польши въ шляхетско-магнатскую «Рѣчь Посполитую», съ одной тѣнью королевской власти. Вообще можно сказать, что если древняя Русь, однимъ теченіемъ своей государственности создала Московское Самодержавіе, то другимъ теченіемъ она же создала аристократическую Польшу.

Это одновременное сильное развитіе, какъ аристократическаго, такъ и демократическаго элементовъ, по совокупности, вносило очень много данныхъ для торжества именно самодержавнаго принципа. Наличность силъ, способныхъ подняться до высшей степени развитія, порождаетъ борьбу между ними, борьбу, которая требуетъ примирителя, третьяго судью. Такой третій судья можетъ быть допускаемъ борющимися сторонами лишь въ томъ случаѣ, если онъ смотритъ съ точки зрѣнія высшей справедливости, признаваемой обѣими спорящими сторонами. Такимъ судьей естественно является единоличная власть, такъ какъ въ личности человѣка можетъ находить наилучшее выраженіе голосъ высшаго нравственнаго начала. Но для возможности появленія такого третейскаго судьи необходимо существованіе въ націи сильнаго религіозно-нравственнаго идеала, дающаго исходные пункты высшей справедливости. Это условіе точно также давалось жизнью древней Руси.

Мы, дѣйствительно, видимъ очень рано обращеніе къ великому князю, какъ охранителю высшей справедливости, и посреднику между высшими и низшими, между аристократіей и демократіей. Значеніе Андрея Боголюбскаго было чрезвычайно поднято такими обращеніями къ нему со стороны ссорящихся князей и городовъ.

Борьба аристократическихъ и демократическихъ началъ, такимъ образомъ, сама способствовала возвышенію единодержавія. А въ то же время переходъ народа отъ родового строя къ семейному подготовлялъ для растущей Верховной власти наилучшій способъ сохраненія и осуществленія династичности посредствомъ наслѣдованія не родовой «лѣствицей», а семейной «нисходящей линіей». Эта новая идея наслѣдованія пробиваетъ себѣ дорогу особенно въ мѣстностяхъ наибольшаго развитія строя «земскаго», а не родового: въ Руси Суздальской, съ ея крестьянскими волостями-общинами и съ ея боярствомъ, осѣвшимъ въ вотчинахъ. Идея наслѣдованія, развивавшаяся въ народномъ быту, естественно отражалась въ политикѣ соотвѣтственнымъ типомъ наслѣдственности княжеской власти.

IV.

Національная борьба за существованіе.

Не менѣе благопріятными для побѣды Монархіи были въ исторіи Руси и условія внѣшней политики, условія международной борьбы за существованіе. Значеніе ихъ на Руси столь очевидно, что даже вообще преувеличивается. Происхожденіе нашей Монархіи охотно относятъ на счетъ необходимости вѣковой борьбы съ окружающими народами, отчасти нападавшими на Русь, отчасти ставшими предметомъ ея завоевательныхъ стремленій.

Никакъ нельзя согласиться, чтобы это само по себѣ вело къ монархіи. Борьба и Кіевскаго, и Московскаго періода ставила, конечно, потребность въ сильной единоличной власти, но ничуть не требовала возведенія единоличной власти въ значеніе *Верховной*. Римъ прожилъ весь періодъ труднѣйшей внѣшней самозащиты и завоеваній при полномъ расцвѣтѣ республики. Необходимую единоличную власть онъ находилъ въ служебныхъ властяхъ консуловъ и диктаторовъ, нимало

не передавая имъ власти верховной. То же самое могло быть и у насъ. Правда, что великое княженіе развилось именно въ Кіевѣ, на сторожевомъ посту, прикрывавшемъ Русь отъ южныхъ кочевыхъ хищниковъ. Но великій князь Кіевскій именно не былъ самодержцемъ. Идея монархіи развивается прежде всего въ Суздалѣ, укрытомъ отъ непосредственныхъ опасностей внѣшней войны.

Обыкновенно у насъ въ развитіи монархіи приписываютъ больше всего значенія временамъ Татарскаго ига. Говорятъ, будто бы мы взяли у татаръ и названіе и идею царя. Говорятъ, будто Московскіе великіе князья явились просто наслѣдниками ханской власти, ими отнятой, и такимъ образомъ, при сокрушеніи ига, стали самодержавными царями. Дѣло однако въ томъ, что татары сами вовсе не имѣли той власти, которая явилась въ видѣ царей на Руси. У Татаръ ханская власть была родовая, изъ которой внѣшними успѣхами выдвигались великіе ханы, съ самымъ неопредѣленнымъ содержаніемъ власти со стороны идеократической. Это были типичные образцы самовластительства, основаннаго на чистой силѣ. Быстрое разрушеніе Монгольской всемірной монархіи именно и зависѣло отъ междуусобій, порождаемыхъ самовластительскимъ характеромъ верховной власти, которой носители опредѣлялись успѣхомъ. Отсюда раздробленіе и междуусобицы. Въ смыслѣ же законности власти—татарская идея понимала лишь то же самое удѣльное начало, отъ котораго Русь именно освободилась во времена татарскаго ига.

Вліяніе Татаръ состояло такимъ образомъ не въ томъ, чтобы Русь усвоила себѣ *ихъ* идею власти, а, наоборотъ, въ томъ, что Русь, пораженная бѣдствіемъ и позоромъ, глубже вдумалась въ *свою* потенціальную идею и осуществила ее. Этимъ Русь и оказалась сильнѣе Татаръ.

Ханы поставили передъ Русскими только идею о необходимости сильной власти, но не дали ровно никакихъ идей власти. Фактически ханъ былъ надъ Русскими такой же неограниченный властелинъ, какъ вооруженный разбойникъ на большой дорогѣ надъ беззащитнымъ путникомъ. Но Москва не поста-

вила такой идеи въ основу своего Царства. Точно также никогда Русь не признавала нравственнаго права хана давать ей владыкъ и повелителей. Она подчинялась силѣ, ни на минуту не покидая надежду сбросить ея господство. Впрочемъ и со стороны хановъ никогда не было ясно заявлено и выдержано право давать Русское княженіе кому вздумается. Никогда ханы не заявляли претензіи давать Русскимъ областямъ правителей не изъ Русскаго княжескаго дома. Среди же Рюрикова дома татары за взятки, и по разнымъ случайнымъ соображеніямъ, то поддерживали родовое начало, то подрывали его, но вообще принципіально ничего у насъ не выдвигали.

Въ этомъ хаосѣ произвола Русскіе не почерпнули и не могли почерпнуть для себя никакой идеи власти. Эпоха порабощенія и борьбы съ татарами хотя и произвела огромное вліяніе на развитіе Московскаго царства, но совершенно иными путями, не имѣющими ничего общаго съ подражаніемъ или заимствованіемъ идей власти у побѣдителя.

Завоеваніе Руси татарами, хотя создало надолго фактическое господство силы, ловкости, хитрости и коварства, и тѣмъ породило множество рабскихъ пороковъ, жестокости, лживости и грубости нравовъ, но въ то же время во всѣхъ лучшихъ Русскихъ людяхъ породило жгучее сознаніе грѣховности, стремленіе къ покаянію, къ уразумѣнію воли Божіей и исполненію ея. Вліяніе религіозной идеи, а рядомъ съ нею—церковности, а рядомъ съ этимъ и Византійской идеи государственности—усилились до чрезвычайности. Въ то же время усилилось до жгучести сознаніе необходимости сплоченія, объединенія силъ. Въ общемъ рабствѣ усилилось сознаніе единства Русскихъ людей безъ различія областныхъ оттѣнковъ...

Таковъ рядъ обстоятельствъ, создавшихъ по всей Руси рядъ центровъ великокняжеской власти, весьма сходной по политикѣ въ Твери, Москвѣ, Рязани... Москва взяла верхъ по случайно болѣе благопріятнымъ условіямъ для скопленія силъ и стала центромъ русскихъ патріотовъ, которые повсюду мечтали о твердомъ объединеніи вокругъ сильной, единоличной власти. Борьба вооруженная, какъ и секретнѣйшая дипломатія — одинаково требовали единаго правящаго лица.

Это еще не создавало единоличной верховной власти. Но христіанская идея, воскресшая во всѣхъ душахъ съ потребностью въ Божіей помощи—подсказывала облеченіе единоличной власти значеніемъ Божьяго служителя. Быть можетъ—чѣмъ болѣе темныхъ дѣлъ возлагала на дѣятеля освобожденія его тяжкая миссія, гдѣ недостатокъ силы столь часто покрывался неразборчивостью въ средствахъ — тѣмъ сильнѣе народъ, проникнутый идеей покаянія, желалъ предоставить все дѣйствіе царю. Пусть дѣйствуетъ Божій служитель, какъ знаетъ, на свою совѣсть и отвѣтственность. Народъ жаждалъ отдать всю свою волю царю, Божію служителю, и не разсуждая дѣлать все, что онъ прикажетъ, подъ тѣмъ однимъ условіемъ, чтобы не человѣку подчиняться, а самому Богу.

Это психологическое состояніе націи, постигнутой страшнымъ игомъ, попиравшимъ ее ногами, оскорблявшимъ все дорогое и святое для народа—такое психологическое состояніе совершенно понятно. Оно раждало страстную потребность—отрѣшиться отъ своей власти и отдать ее надъ собой Богу, чтобы Господь спасъ родину ими же вѣсть путями.

Вотъ какимъ образомъ татарское иго могло способствовать появленію на Руси окончательно созрѣвшей идеи монархіи, какъ власти единоличной, верховной, Богу подчиненной, но безграничной для народа. Эта власть, по всему своему содержанію, не имѣла ничего общаго съ ханскою.

V.

Вліяніе церкви.

Вся совокупность условій, при которыхъ слагалась и росла Русская государственность, способствовала созданію благопріятной почвы, на которой единоличная власть могла стать верховною. Но самая монархія родилась изъ христіанскихъ идеаловъ жизни и изъ Византійскаго вліянія, шедшаго рядомъ съ проповѣдью христіанства.

Архіепископъ Никаноръ Одесскій погрѣшаетъ лишь въ оттѣнкахъ и степеняхъ, когда ярко набрасываетъ картину государственной заслуги Церкви въ Россіи.

«Рюрикъ съ братьями, говорилъ онъ, принесли съ собою собственно не государственное, а семейное и родовое удѣльное начало, которое должно было скорѣе раздробить, чѣмъ сплотить русскій народъ. Вотъ тутъ-то и началась благотворная миссія святой православной церкви для русскаго народа и государства».

«Православная церковь принесла на Русь, изъ православной Византіи, идею великаго князя, какъ Богомъ поставленнаго владыки, правителя и верховнаго судію подвластныхъ народовъ, идею государства. Церковь утвердила единство народнаго самосознанія, связавъ народы единствомъ вѣры. Церковь создала сперва одно, потомъ другое дорогое для народа святилище въ Кіевѣ и Москвѣ. Церковь перенесла на Русь грамоту и культуру, государственные чины и законы византійскаго царства. Единственно церковь была собирательницею разрозненныхъ русскихъ княжествъ. Церковь выпѣстовала, выростила Московскаго князя сперва до великокняжескаго, а потомъ до царскаго величія. Пересадивъ и вырастивъ на русской землѣ идею византійскаго единовладычества, церковь возложила и св. міропомазаніе древнихъ православныхъ греческихъ царей на царя Московскаго и всея Руси» *).

Церковно-византійское вліяніе было тѣмъ могущественнѣе, что упало на младенческую почву зарождающейся Руси сразу, въ наиболѣе сильныхъ и созрѣвшихъ формахъ.

Христіанство, какъ религія, и вліяніе Византіи проникли къ намъ въ такую эпоху, когда ученіе православной церкви получило уже свое полное раскрытіе, а Византійскій монархизмъ достигъ наибольшаго самосознанія.

Разселеніе славянъ на будущей территоріи Россіи еще и не начиналось, когда протекла эпоха вселенскихъ соборовъ

---

*) Церковь и государство, преосвящ. Никанора, архіепископа Херсонскаго и Одесскаго, 1888 г. Спб. стр. 50—52.

(325—786 года). Прошла и побѣждена была ересь иконоборческая и въ 842 году провозглашено торжество православія. Папскія притязанія уже были объявлены незаконными. Прошелъ 857 годъ, годъ перваго поставленія Фотія на патріаршество. Наступилъ 862 годъ, когда Фотій отлучилъ, на Константинопольскомъ соборѣ, папу Николая отъ церкви...

Въ этотъ то 862 годъ наша лѣтопись отмѣчаетъ призваніе Рюрика, Синеуса и Трувора.

Черезъ 5 лѣтъ въ Византіи началась эпоха Македонской династіи, самой долговѣчной изо всѣхъ, хотя въ концѣ-концовъ и низвергнутой, но сильно развившей чувство династичности и легитимности. Въ эпоху этой династіи, при Константинѣ VII Порфирородномъ, произошло въ 955 году крещеніе княгини Ольги. Въ то время, когда растущая династичность Византіи дала возможность царскимъ дочерямъ Зоѣ и Ѳеодорѣ быть хранительницами правъ самодержавія, въ 988 году произошло крещеніе Руси при Владимірѣ святомъ. При дѣтяхъ Владиміра, Катакалонъ въ Византіи произнесъ рѣчь о томъ что личныя доблести недостаточны для званія Императора, а нужно также происхожденіе. Вслѣдъ за Македонской династіей пошли династіи Дукъ, Комниновъ, Ангеловъ, Ласкарисовъ Палеологовъ, т. е. та вторая эпоха Византіи, когда наслѣдственное право на престолъ достигло наибольшаго развитія. Къ династіи Комниновъ относится у насъ правленіе Владиміра Мономаха (при наслѣдственномъ царѣ Іоаннѣ Комнинѣ) и Андрея Боголюбскаго (при Мануилѣ Комнинѣ). Эти два князя имѣли передъ своими глазами одну изъ славнѣйшихъ эпохъ Византіи.

Нашъ татарскій разгромъ начался почти одновременно съ первымъ паденіемъ Константинополя. Константинополь взятъ крестоносцами въ 1203 году. А когда наступила роковая для Руси Калка (1224 г.) и началось монгольское иго (1238 г.) въ это время Никейскіе Ласкарисы*) уже давали намъ примѣръ «собиранія» земель подъ единой мо-

*) Ѳеодоръ Ласкарисъ умеръ въ 1222 году, Іоаннъ Дука-Ласкарисъ и сынъ его Ѳеодоръ Ласкарисъ II царствовали отъ 1222 г. по 1255 г.

нархической властью. Нашъ Дмитрій Донской впервые потрясъ татарское иго на Куликовскомъ полѣ въ 1380 году, при наслѣдственномъ Мануилѣ Палеологѣ, когда 120 лѣтъ непрерывной династичности уже стирали въ Византіи воспоминаніе о беззаконномъ переворотѣ Михаила Палеолога, который, впрочемъ, по собственному мнѣнію, тоже имѣлъ наслѣдственное право на Византійское Самодержавіе.

Всѣ вліянія византійской доктрины, насколько они достигали до насъ—приносили намъ идею *самодержавной монархіи*. Подобно тому, какъ теперь вся доктрина «передовыхъ странъ», представляющихъ для современныхъ русскихъ идеалъ цивилизаціи, несетъ къ намъ идею народнаго самодержавія, такъ въ эпоху возникновенія Руси доктрина «передовая», доктрина наиболѣе «цивилизованной страны», несла теорію Царскаго Самодержавія. Духовенство, явившееся изъ Греціи, и въ дѣлѣ распространеніи христіанства работавшее на княжескую власть, не могло не приносить византійскихъ идей власти. Все книжное ученіе несло ихъ же.

VI.

Вліяніе религіозной идеи.

Но вліяніе Византійской государственности у насъ было могущественно болѣе всего потому, что оно шло объ руку съ распространеніемъ *христіанства*, т. е. одновременно съ выработкой общаго міросозерцанія народа на православно-церковной почвѣ.

Собственно, какъ политическая доктрина, самодержавіе и въ самой Византіи далеко не было выработано стройно, и никогда не могло освободиться отъ двойственности, завѣщанной смѣшеніемъ римской и христіанской идей. На Руси же—вліянія римской идеи первоначально совсѣмъ не замѣтно, и оно является лишь впослѣдствіи, вмѣстѣ съ вліяніями западной Европы. Въ первоначальномъ же сложеніи нашей монархической идеи,—Русь

усваивала самодержавную власть, какъ выводъ изъ общаго религіознаго міросозерцанія, изъ понятій народныхъ о цѣляхъ жизни. Съ этой точки зрѣнія у насъ не столько *подражали* дѣйствительной Византіи, сколько *идеализировали* ее, и въ общей сложности создавали монархическую власть въ гораздо болѣе чистой и болѣе строго выдержанной формѣ, нежели въ самой Византіи.

Христіанское воззрѣніе на власть, на Руси, развивалось Церковью чище и послѣдовательнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, именно потому, что православіе явилось къ намъ не въ процессѣ раскрытія, а уже вполнѣ выясненнымъ. Его вліяніе на умы народа налагалось стройно, безъ всякихъ колебаній, безъ тѣни противорѣчія, и всесторонне, такъ что одна и та же идея освѣщала русскому христіанину всѣ его отношенія, личныя, семейныя, общественныя и политическія.

Свѣтлый идеалъ, который носился надъ страной въ видѣ самодержца, вовсе не былъ только выводомъ политической доктрины Византіи. Онъ вытекалъ изъ источниковъ болѣе глубокихъ: изъ христіанскаго пониманія общихъ цѣлей жизни. Онъ соотвѣтствовалъ не однѣмъ цѣлямъ концентраціи силъ страны для внѣшней борьбы, или для поддержанія внутренняго порядка, но вообще цѣлямъ жизни, какъ ихъ понималъ русскій человѣкъ, проникнутый христіанскимъ міросозерцаніемъ.

Съ самаго перваго появленія у насъ христіанства, какъ князь, такъ и народъ, услышали опредѣленіе миссіи княжеской власти. «Ты, говорили церковные учители Владиміру святому, поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованье». Князь—поставленъ Богомъ. Это не сила толпы, не богатство и вліяніе «лучшихъ» людей: это власть, указанная свыше. Даніилъ Заточникъ характеристично различаетъ свѣтлое и благодѣтельное начало княжеской власти и своекорыстное начало власти слугъ его:

«Лучше пусть моя нога войдетъ въ лыкѣ въ твой дворъ, говоритъ онъ,—нежели въ червленомъ сапогѣ во дворъ боярскій; лучше мнѣ тебѣ въ дерюгѣ служить, нежели въ багряницѣ въ боярскомъ дворѣ; лучше мнѣ воду пить въ дому твоемъ,

нежели вино въ боярскомъ». Что такое князь? «Какъ дубъ крѣпится корнемъ, говоритъ Даніилъ,—такъ градъ нашъ твоею державой. Кормчій—глава кораблю, а ты, князь,—людямъ своимъ... Мужъ—глава жены, а князь—мужамъ, а князю—Богъ». Онъ поэтично сравниваетъ милость князя съ весной, украшающею землю цвѣтами, съ солнцемъ, обогрѣвающимъ землю. Но и гроза княжая страшна: «княже господине мой,—орелъ—царь надъ птицами, осетеръ—надъ рыбами, левъ—надъ звѣрями, а ты, княже, надъ переяславцами.*) Левъ рыкнетъ: кто не устрашится? Ты, князь, слово скажешь—кто не убоится?» «Тѣло крѣпится жилами, а мы, княже, твоею державой». Князь объединяетъ не только своихъ подданныхъ, но и иныя страны, прибѣгающія къ нему...

«Князю земли вашей, поучаетъ Златая Цѣпь XIV вѣка, покоряйтесь, не речите ему зла въ сердцѣ вашемъ, прямите ему головой своею и мечемъ своимъ, и всею мыслью своею, и не возмогутъ чужіе противиться князю вашему; если хорошо служите князю, обогатѣетъ земля ваша и соберете добрый плодъ». И въ то время, когда дружина еще полна была духомъ безгосударственной вольности «отъѣзда», Златая Цѣпь уже поучаетъ: «Если кто отъ своего князя отпадетъ къ иному, не будучи имъ обиженъ, подобенъ есть Іудѣ».

Это настроеніе мы можемъ прослѣдить черезъ всю исторію Россіи.

VII.

Ростъ царской идеи.

Стремленіе возвысить великокняжескую власть до значенія царскаго является у насъ очень рано. Съ самого появленія Церкви, она заявила Владиміру, что онъ есть власть поставленная Богомъ. Сознаніе своей Богомъ данной власти проявляется у Владиміра и въ крещеніи народа, при чемъ святой

*) Посланіе въ цитируемомъ спискѣ адресуется Ярославу Всеволодовичу.

князь дѣйствовалъ очень авторитарно, а въ Новгородѣ даже насильственно. За это Владиміръ снискалъ похвалы церковныхъ дѣятелей, а въ народѣ его популярность росла съ каждымъ поколѣніемъ.

Одно изъ древнѣйшихъ нашихъ литературныхъ произведеній — это «Похвала Кагану нашему Владиміру» — митрополита Иларіона, который былъ родомъ русскій, «мужъ благъ, и книженъ, и постникъ». Называя Великаго князя *Каганомъ*, митрополитъ восхваляетъ его, какъ «славнаго отъ славныхъ», «благороднаго отъ благородныхъ», «славнаго въ земныхъ владыкахъ» и «единодержца земли своей», который «заповѣдалъ землѣ своей креститься». При этомъ, говоритъ митрополитъ, «не было ни одного противящагося благочестному его повелѣнію», «понеже благовѣріе его со властью сопряжено»*).

Женитьба Владиміра Равноапостольнаго на Византійской принцессѣ создала у насъ мысль о *царственномъ* правѣ на верховную власть. Изъ всѣхъ дѣтей Владиміра Борисъ и Глѣбъ были младшіе, но они были сыновья отъ царевны Анны, и очевидно, что христіанская часть населенія придавала этому значеніе ихъ преимущественнаго права на власть. Очень можетъ быть, что и Владиміръ разсчитывалъ назначить своимъ преемникомъ Бориса. Иначе трудно объяснить себѣ, почему дружина сразу предложила Борису сѣсть на великое княженіе... Святополкъ поспѣшилъ убійствомъ отдѣлаться отъ предполагаемаго соперника, несмотря на отказъ Бориса отъ престола. Но совершенно такой же ореолъ царственности окружилъ нѣсколько спустя Владиміра Мономаха, который тоже былъ сынъ греческой царевны.

Этому очевидно придавалось большое значеніе. По его собственному объясненію — дѣдъ (т.-е. Ярославъ Мудрый) назвалъ его Василіемъ (по-русски Владиміромъ), а отецъ съ матерью назвали его Мономахомъ, въ честь дѣда (по матери),

---

*) А. И. Пономаревъ. „Памятники древне-русской учительной литературы", Сиб. I, стр. 69.

греческаго царя *). Сохранилось извѣстіе, что Алексѣй Комнинъ послалъ въ 1116 году къ Владиміру Мономаху съ мирными предложеніями Неофита, митрополита Ефескаго и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли ему богатые дары: крестъ изъ животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, златыя цѣпи и т. д. При этомъ Неофитъ возложилъ вѣнецъ на главу Владиміра и назвалъ его царемъ. Царемъ называютъ Владиміра и наши писатели **).

Знаменательно, что Кіевляне сразу пожелали, чтобы Владиміръ Мономахъ, помимо прямыхъ родовыхъ наслѣдниковъ занялъ великокняжескій престолъ отца. Митрополитъ Никифоръ (грекъ) говоритъ о Мономахѣ: «Его же Богъ издалече проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти помазавъ, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ»***). Однако Владиміръ не пошелъ противъ старшаго въ родѣ, Святополка Изяславича ****). Въ 1113 г. Святополкъ умеръ, и его прямыми наслѣдниками были Святославичи. Но Кіевляне снова потребовали Владиміра. Вѣче послало ему сказать: «Ступай, князь, на столъ *отцовскій и дѣдовскій*», и для успокоенія смутъ Мономахъ долженъ былъ согласиться, при чемъ и сами Святославичи не противорѣчили.

Съ той поры *Мономахово племя* у насъ начинаетъ затмевать всѣхъ Рюриковичей, и въ народномъ сознаніи получаетъ какое-то

---

*) И. М. Ивакинъ. „Князь Владиміръ Мономахъ и его поученіе". Москва, 1901 г. (стр. 37—57). Нельзя сказать, чтобы слова „Поученія" были вполнѣ ясны, но вообще предполагаютъ, что Владиміромъ онъ былъ названъ въ честь Владиміра Святаго, а Мономахомъ въ честь императора Константина IX Мономаха.

**) „Помилуй меня, сынъ великаго царя Владиміра", пишетъ Даніилъ Заточникъ.

***) Соловьевъ, т. II, стр. 317.

****) Дѣти Ярослава были:

1) Изяславъ (отецъ Святополка).
2) Святославъ.
3) Всеволодъ (отецъ Владиміра Мономаха).
4) Вячеславъ.
5) Игорь.

особое право на великое княженіе и окружается особеннымъ почтеніемъ. Во время послѣдовавшихъ за Мономахомъ смутъ, Кіевляне отвѣтили Изяславу: «На Владимірово племя рукъ поднять не можемъ». Тоже они повторили Мстиславу: «Рады биться за тебя противъ Ольговичей, но на племя Владимірово, на Юрьевича (это былъ братъ Андрея Боголюбскаго, Глѣбъ), не можемъ поднять руки».

И Мономаховичи, дѣйствительно, заслонили всѣ старшіе роды. Изъ 18 великихъ князей, отъ Мономаха до Іоанна Калиты, только трое, и то недолговременно, были не Мономаховичи. Остальные 15 принадлежали къ «Владимірову племени». Въ XIII вѣкѣ исторія русской государственности—есть исторія Мономаховичей. Самый старшій родъ Рюриковичей, т.-е. племя Вячеслава Полоцкаго, едва не изгнанный совсѣмъ съ Русской земли, удержался только въ части Бѣлоруссіи. Слѣдующая затѣмъ старшая линія (отъ Ярослава), т.-е. Святославичи, вытѣсненные изъ Волыни, удержали въ своихъ рукахъ только Черниговскія и Рязанскія области. Вся остальная Русь—Галицкая, Кіевская, Тверская, Суздальская скопилась въ рукахъ Мономаховичей, въ средѣ которыхъ хотя и продолжало жить старое родовое начало *), мѣшавшее объединенію земли и государства,—но развивалось также и противоположное монархическое начало, которое отъ Мономаха, черезъ Суздальскихъ князей (особенно Андрей Боголюбскій), Александра Невскаго и князей Московскихъ — дошло до твердаго сознанія царскаго самодержавія, въ томъ же духѣ, хотя безъ того же успѣха, проявлявшагося и у Галицкихъ потомковъ Мономаха.

---

*) Любопытное явленіе представляетъ то обстоятельство, что какъ раньше, такъ и въ средѣ потомства Мономаха—*родовое* начало поддерживается старшими линіями, а *единоличное* младшими.

VIII.

Андрей Боголюбскій, какъ носитель идеи самодержавія.

Идея единоличнаго самодержавія на Руси до монгольской созрѣвала настолько быстро, что уже при внукѣ Мономаха могла имѣть такого представителя, какъ знаменитый Андрей Боголюбскій.

Андрей Боголюбскій, сынъ Юрія Долгорукаго, втораго сына Владиміра Мономаха, родился около 1110 года. При кончинѣ дѣда, ему было уже около 15 лѣтъ, такъ что слава Мономахова, еще при жизни знаменитаго князя царской греческой крови, не могла не говорить впечатлительному чувству мальчика. Выросъ онъ въ удѣлѣ отца своего, въ Суздальской землѣ, гдѣ князь Юрій Владиміровичъ (Долгорукій) игралъ роль колонизатора и устроителя земли, населяемой почти заново сходцами со всѣхъ концовъ Руси.

Юрій Долгорукій былъ князь властный, энергичный и хозяйственный... Значеніе сильной власти, въ однихъ твердыхъ рукахъ, было видно Андрею на каждомъ шагу дѣлъ его родины. Книжное ученіе могло лишь развивать въ немъ идею византійскаго самодержавія. И вотъ мы видимъ во всей его жизни— несомнѣнную и упорную работу для осуществленія этой идеи *).

Личныя качества Андрея Боголюбскаго и обстоятельства его жизни исключаютъ всякую возможность объяснять его бурную исторію личнымъ честолюбіемъ. Одаренный огромнымъ способностями, онъ въ то же время отличался превосходными нравственными качествами. Его память не запятнана никакими

---

*) Хорошую сводку фактовъ, доказывающихъ это, дѣлаетъ В. Т. Георгіевскій въ своей книгѣ „Святый Благовѣрный Великій Князь Андрей Боголюбскій", Владиміръ, 1894 г. Авторъ, быть можетъ, преувеличиваетъ степень сознательности монархической идеи въ Андреѣ Боголюбскомъ, но нельзя сомнѣваться, что княземъ всю жизнь руководила именно эта идея, которую онъ понималъ, конечно, съ большой ясностью, нежели первые Московскіе князья, собиратели земли Русской, до самаго Іоанна III.

пороками, никакими низкими поступками, никакими даже случайными преступленіями. Его благочестіе, его искренняя вѣра, молитвы и посты, его широкая благотворительность—несомнѣнны. При рѣдкой храбрости и военныхъ талантахъ, онъ—пріобрѣлъ много военной славы, но не дорожилъ ею и не любилъ войны. Точно также, при огромныхъ трудахъ на пользу своей земли, онъ совершенно не дорожилъ популярностью. Всей своей жизнью онъ представляетъ человѣка идеи, который только ею дорожитъ, готовъ для нея все сдѣлать, всѣмъ пожертвовать и всѣмъ рискнуть.

Первоначально народъ Суздальскій очень любилъ его. Когда Юрій Долгорукій умеръ въ Кіевѣ, то, по словамъ лѣтописца, «Ростовцы и Суздальцы, одумавши всѣ, взяли Андрея, старшаго сына Юрія, и посадили въ Ростовѣ и въ Суздалѣ, зане же бѣ любимъ всѣми за премногую его добродѣтель». А между тѣмъ у Андрея никогда не видно ни одной черты заискиванья у народа и—во имя своей идеи—онъ не стѣснялся вооружить противъ себя всѣ силы, имѣвшія значеніе на Руси, князей, дружину, бояръ, и даже самый народъ!

Дѣти Юрія Долгорукаго получили самое лучшее, по тогдашнему, образованіе. О братѣ Андрея, Михаилѣ, извѣстно, что онъ «съ греками и латинами говоритъ ихъ языкомъ яко русскимъ». Самъ Андрей, по словамъ его «житія», отъ юнаго возраста ни о чемъ не заботился, кромѣ «книжнаго поученія» и «церковнаго пѣнія». Но все, чему учился Андрей, могло нести ему изъ Византіи лишь идеалъ самодержавія, власти «автократора», «базилевса». Вѣкъ Андрея былъ вѣкомъ Комниновъ, а среди его друзей и совѣтниковъ, при всей скудости біографическихъ извѣстій, мы встрѣчаемъ грековъ, какъ священникъ Никулица и діаконъ Несторъ. Понятно, что всѣ эти вліянія могли лишь развивать въ немъ идею единовластія, которая стала передъ нимъ великой цѣлью жизни особенно тогда, когда онъ воочію увидѣлъ бѣдствія удѣльнаго многовластія.

Андрей Боголюбскій провелъ жизнь до 40 лѣтняго возраста въ своей Суздальской землѣ, при фактическомъ единовластіи

своего отца, въ трудахъ земскихъ и воинскихъ, при общей любви всей своей родины. Но вотъ Юрій Долгорукій, ставъ великимъ княземъ Кіевскимъ, вызвалъ сына на югъ, въ Вышгородъ. Здѣсь то Андрею и пришлось увидѣть еще незнакомые нравы удѣльной распущенности и усобицы. Это оказалось невыносимо для него. «Князь Андрей, говоритъ лѣтопись, смущался о нестроеніи братіи своей и братаниковъ, и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ мятежѣ и волненіи всѣ бяху и мнози крови ліяше». Андрей «скорбяше о семъ и восхотѣ идти въ Суздаль и Ростовъ, яко тамъ, рѣче, спокойнѣе есть». Такъ онъ не взлюбилъ удѣльныхъ порядковъ, и—сначала удалился отъ нихъ, а затѣмъ, когда настала возможность, началъ ломать всѣ старые порядки съ послѣдовательностью и страстностью Петра Великаго.

Время для этого наступило по смерти Юрія Долгорукаго, когда Андрей сдѣлался великимъ княземъ Суздальской земли, а впереди у него уже являлась близкая кандидатура на Кіевскій столъ. Съ 1157 г. онъ начинаетъ круто сосредоточивать власть Суздальскую въ своихъ рукахъ, при чемъ даже изгоняетъ своихъ братьевъ. «Се же сотвори, желая быть самовладцемъ въ Суздальской и Ростовской землѣ», поясняетъ лѣтопись. Но стремленія Андрея къ «самовластію» шли гораздо дальше.

Десять лѣтъ онъ укрѣплялся въ своемъ Суздалѣ, а въ Кіевской Руси шли усобицы. Въ 1168 г. наступилъ любопытный моментъ опредѣленія правъ на первое мѣсто. О старшихъ линіяхъ—уже никто не думалъ. Разбирали до нѣкоторой степени только между Мономаховичами, и хотя въ Кіевѣ княжилъ любимый народомъ Мстиславъ Изяславичъ, но недовольная имъ коалиція князей (10 или 12), придравшись къ пустому случаю, провозгласила старшимъ въ родѣ Андрея Боголюбскаго *). Это было сдѣлано съ очевиднымъ участіемъ самого Андрея.

---

*) Соловьевъ т. II, стр. 476. Собственно съ Мономаховской мѣркой—тогда было три кандидата, имѣющихъ наиболѣе правъ: Владиміръ, Мстиславъ и Андрей.

долженъ былъ все таки подчиняться Андрею, который ни мало не отказался отъ своихъ правъ верховной власти почти до jus utendi et abutendi.

Заявляя такія права надъ вѣчемъ, Андрей столь же самовластно началъ распоряжаться и князьями. Онъ имъ приказывалъ также какъ новгородцамъ: «Не ходишь въ моей волѣ, заявилъ онъ Роману, такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ изъ Вышгорода, Мстиславъ изъ Бѣлгорода, ступайте всѣ въ Смоленскъ и дѣлитесь тамъ какъ хотите». На новыя проявленія непокорства, онъ объявилъ: «Не хóдите въ моей волѣ, такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину. Давиду скажи: ты ступай въ Берладъ, въ Русской землѣ не велю тебѣ быть, а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ; не велю тебѣ быть въ Русской землѣ».

Это преднамѣченное, подчеркнутое самовластіе вызвало жестокій бунтъ всѣхъ князей, какъ вызвало бунтъ Новгорода, какъ вызвало заговоры суздальскихъ бояръ. Князья объявили: «ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами не какъ къ князю, но какъ къ подручному и простому человѣку». Пусть же, объявили князья «Богъ насъ разсудитъ». Андрей послалъ огромную рать, — и она потерпѣла жестокое пораженіе.

Этотъ ударъ не сломилъ Андрея. Оно продолжалъ свою политику, и замышлялъ новыя войны на югѣ, когда его постигла смерть.

Бояре суздальскіе ненавидѣли Андрея за умаленіе ихъ власти и возвышеніе «мизинныхъ» людей. Но и сами разночинцы, окружавшіе Андрея, испытывали грозу съ его стороны. Повидимому, Андрей, за участіе въ заговорѣ противъ себя, казнилъ боярина Петра Кучковича, но среди приближенныхъ князя были другіе Кучковичи (его жена Улита, была тоже изъ Кучковичей). И вотъ они порѣшили убить Андрея, вовлекши въ заговоръ и разночинцевъ, вѣроятно, почуявшихъ что съ боярами будетъ выгоднѣе сойтись. Дѣло въ томъ, что у Андрея Боголюбскаго одинъ за другимъ умирали всѣ сыновья, способные быть продолжителями его дѣлъ. Въ 1164 году умеръ Изяславъ, въ 1172 г. не менѣе талантливый Мстиславъ, взяв-

шій Кіевъ, въ 1174 г. — его любимый сынъ Глѣбъ. Все это жестоко удручало Андрея, и дѣлало для окружающихъ сомнительнымъ, чтобы послѣ смерти его самого, нашелся продолжатель его политики. Какъ бы то ни было, 30 Іюня 1174 г. Андрей былъ злодѣйски убитъ заговорщиками.

Лѣтопись прямо говоритъ: «Князь Андрей слышалъ раньше, что враги угрожаютъ ему убійствомъ, но разгорался духомъ божественнымъ и ни мало не обратилъ вниманія». Онъ, вѣроятно, былъ въ удрученномъ состояніи отъ тяжкаго семейнаго горя, разрушавшаго и его политическія надежды... Можетъ быть онъ уже и усталъ въ борьбѣ, которую пришлось вести со всѣмъ свѣтомъ: съ князьями, боярами, вѣчами, Русью, Новгородомъ, и со старшими городами собственной земли.

Андрей Боголюбскій погибъ, и даже его слишкомъ юный сынъ не могъ удержаться въ послѣдующихъ волненіяхъ. Но память Боголюбскаго осталась передъ ближайшимъ потомствомъ идеаломъ, въ ореолѣ святости, а противники его были осуждены, какъ люди не вѣдающіе политической правды. Лѣтописецъ, говоря объ убійствѣ его и о мятежѣ черни, избившей за поборы и притѣсненія его подручныхъ, замѣчаетъ:

«Они не вѣдали глаголемаго: гдѣ законъ, тамъ и обидъ много. Пишетъ апостолъ Павелъ: всяка душа властямъ да повинуется, власти бо отъ Бога учинены суть. Естествомъ бо Царь земнымъ подобенъ всякому человѣку, властью же сана—высшій, яко Богъ. Рѣче великій Златоустецъ: кто противится власти—противится закону Божію. Князь бо не напрасно носитъ мечъ: Божій бо слуга есть» *).

---

*) Иловайскій, „Исторія Россіи“ т. I, стр. 292.

IX.

Выработка престолонаслѣдія.

Андрей Боголюбскій представляетъ лишь князя, значительно опередившаго свой вѣкъ, но идея, развитая имъ очень круто и послѣдовательно, была уже у Мономаха и у Юрія Долгорукаго, и точно также продолжала развиваться, только болѣе осторожно, у преемниковъ Андрея Боголюбскаго *). Это была политика объединенія земли и государственной власти въ рукахъ великаго князя и его семейства, вопреки требованіямъ родовой удѣльной системы.

Всеволодъ Великій, преемникъ Боголюбскаго, при кончинѣ, раздѣлилъ всю землю между своими сыновьями, совершенно не думая о родовыхъ требованіяхъ. Великаго князя онъ назначилъ самъ. Сначала онъ хотѣлъ назначить старшаго сына, Константина, но при этомъ давалъ ему только городъ Владиміръ. Константинъ же сказалъ: «Батюшка, если хочешь сдѣлать меня старшимъ, то дай мнѣ и Владиміръ и Ростовъ». Тутъ какъ будто видна мысль, впослѣдствіи легшая въ основу московской политики: что право того, кто объявляется старшимъ, должно поддержать дарованіемъ ему большей силы. Почему то Всеволодъ не принялъ этой просьбы, но свое самовластіе показалъ еще сильнѣе: онъ назначилъ великимъ княземъ не Константина, а младшаго сына своего, Юрія. Правда, что Константинъ поднялъ бунтъ противъ брата, во имя своего старшинства, и, при помощи Южной Руси, низвергъ его. Но идея права великаго князя *завѣщать* свою

*) У Андрея остался очень юный, 18-лѣтній сынъ Юрій, который не могъ удержаться въ жестокихъ смутахъ, возникшихъ по смерти этого великаго „единодержца". Изгнанный изъ Суздаля, Юрій извѣстенъ потомъ своими странными приключеніями въ Грузіи у царицы Тамары. Въ Суздальской же землѣ, на великомъ княженіи, все-таки удержался родъ Юрія Долгорукаго, въ лицѣ Всеволода, такъ называемаго Великаго, брата Андрея Боголюбскаго.

власть была все-таки заявлена уже, и это было въ 1212 году, т. е. за 23 года до покоренія Руси татарами.

Власть отца опредѣлять заслуги сыновей соединилась у насъ съ Византійскимъ обычаемъ назначенія царемъ своихъ наслѣдниковъ. Эта идея не родовая и не семейная, но чисто Византійская, и въ концѣ-концовъ у насъ не удержалась, и лишь нѣкоторое время служила полезнымъ подспорьемъ для развитія самодержавной идеи Царя.

Насколько эта семейно-самодержавная идея развивалась, показали смутныя времена Василія Темнаго.

Василій Дмитріевичъ (сынъ Дмитрія Донского) завѣщалъ великое княженіе своему сыну (Василію Темному) помимо своего брата, а его дяди—Юрія. Подъ предлогомъ этого, разыгрались послѣднія родовыя смуты на Руси. Но они же показали, что время родовыхъ счетовъ прошло. Самъ Юрій, захвативъ власть, хотѣлъ, чтобы ему наслѣдовали его собственные дѣти (Василій Косой и Дмитрій Шемяка), показывая тѣмъ, что новая идея престолонаслѣдія владѣла и имъ, и онъ, возставая во имя родовой идеи противъ Василія,—дѣйствовалъ узурпаторски, изъ личныхъ интересовъ. Сверхъ того, изъ этой попытки ничего и не вышло.

Должно вспомнить, что Василій (будущій Темный) остался послѣ отца безсильнымъ ребенкомъ. Его санъ и власть великаго князя отстояли не онъ самъ, а окружающіе, бояре и населеніе. Подъ ихъ охраной взросъ Василій. Затѣмъ уже въ 1433 году, Юрій лишь пользуясь случайностью, внезапнымъ набѣгомъ захватываетъ Москву, и потомъ беретъ въ плѣнъ Василія.

Въ этой крайности Василій согласился уступить Москву Юрію, а себѣ взять Коломну. Но какъ только онъ явился свободный въ Коломну,—къ нему со всѣхъ сторонъ стеклись князья, бояре, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, и Юрій, всѣми оставленный, уступилъ племяннику великое княжество, и уѣхалъ въ свой удѣлъ сопровождаемый всего 5 спутниками.

Затѣмъ, еще болѣе измѣннически, Юрій снова захватилъ Москву, во время отсутствія Василья; но вокняжился чисто

узурпаторски. Едва ли бы онъ усидѣлъ, но смерть избавила его отъ дальнѣйшихъ испытаній. Онъ завѣщалъ великое княженіе своему сыну, Василію Косому, но собственные братья Косого, Шемяка и Дмитрій Красный, не захотѣли служить ему, и призвали Василья. «Они знали, говоритъ Соловьевъ, что Василью Косому не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василія (Темнаго) получить его расположеніе и прибавку удѣловъ»*). Косой тщетно боролся, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ.

Въ 1445 году Василій Темный попался въ плѣнъ татарамъ (на войнѣ) и откупился за невѣроятную для того времени сумму (200.000 р.), и сверхъ того ходили слухи, что онъ обязался подчинить Русь татарамъ, и даже посадить татарскихъ намѣстниковъ на мѣсто удѣльныхъ князей. Это его скомпрометировало на Руси, и Шемяка, вмѣстѣ съ московскими недовольными, уже чисто по заговорщицки захватилъ ничего не подозрѣвавшаго Василія во время богомолья у Троицы. Василій былъ немедленно ослѣпленъ, сталъ «темнымъ», а дѣти его, бѣжавшіе было, тоже были схвачены Шемякою **), и посажены въ тюрьму. Вотъ какъ онъ вокняжился. Не несмотря на то, что у Василія были враги на самой Москвѣ, несмотря на то, что онъ былъ плѣннымъ и ослѣпленъ, а дѣти его сидѣли у Шемяки въ тюрьмѣ,—повсюду началось движеніе въ пользу Василія и противъ Шемяки.

Множество лицъ думали о его освобожденіи. Собирались отряды, были вооруженныя столкновенія съ войсками Шемяки. Шемяка пошелъ на уступки всенародному чувству. Онъ отпустилъ Василія съ дѣтьми и далъ ему удѣлъ, а Василій далъ на себя «проклятыя грамоты»... Но какъ только Василій былъ освобожденъ, приверженцы его кинулись къ нему толпами, игуменъ Трифонъ Бѣлозерскій взялъ на себя «проклятыя гра-

*) Соловьевъ, т. IV, стр. 1058.

**) Собственно обманомъ. Шемяка просилъ епископа Іону рязанскаго взять ихъ изъ ихъ убѣжища „на свою епитрахиль“, т. е. за своимъ священнымъ ручательствомъ, обѣщая не дѣлать имъ никакого зла. Но онъ обманулъ епископа и засадилъ дѣтей въ тюрьму.

моты». А между тѣмъ на выручку Василію уже шли, не зн о его освобожденіи, московскіе эмигранты изъ Литвы. Шемя выступилъ противъ нихъ, а въ его отсутствіе произошел переворотъ (боярина Плещеева) и Москва присягнула Васи лію Темному.

Василій вступилъ въ Москву. Шемяка просилъ мира. Но послѣ этого онъ еще долго бунтовалъ, пока въ 1453 году не былъ отравленъ.

Въ этой борьбѣ духовенство было за Василія. Увѣщаніе Шемякѣ писано цѣлымъ соборомъ: епископы Ростовскій, Суздальскій, Рязанскій, Коломенскій, Пермскій. Соловьевъ отмѣчаетъ «это единство русскаго духовенства: Іона, епископъ рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе московскаго князя, и московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная что рязанскій владыка не принесетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій» (стр. 1076).

Этотъ соборъ писалъ Шемякѣ. Духовенство «сравниваетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожства: сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжскаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ не дано, ни земскою изначала пошлиною»*).

Итакъ «земскою изначала пошлиною» объявляется здѣсь престолонаслѣдіе по нисходящей линіи!

Эта усобица лишь укрѣпила власть наслѣдственныхъ великихъ князей, и сдѣлала ихъ болѣе осторожными въ отношеніи старшихъ родовыхъ линій дома Калиты. Іоаннъ III держалъ по тюрьмамъ всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ старшихъ родственниковъ. Когда его просили объ освобожденіи его брата Андрея, Іоаннъ отвѣчалъ:

«Жаль мнѣ брата, но освободить его не могу, потому что не разъ онъ замышлялъ на меня зло. Да это бы еще ничего,

---

*) Соловьевъ, т. IV, стр. 1077.

но когда я умру, онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ *), и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ русскую землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская будетъ опять литься, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами татаръ» **).

X.

Московскій царь.

Одновременно съ правомъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи, съ правомъ великаго князя назначать себѣ преемника изъ среды этой нисходящей линіи, растетъ царское значеніе дома Калиты, который разсматривается, какъ носитель власти съ самого Владиміра. Вѣнчая на царство внука своего, Димитрія, Іоаннъ III говорилъ:

«Отецъ митрополитъ! Божіимъ промысломъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттоль и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я было сына своего перваго Ивана при семъ благословилъ великимъ княженіемъ, но Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при семъ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ» ***).

При этомъ торжествѣ митрополитъ и самого Іоанна III называлъ «Царемъ и Самодержцемъ». Впрочемъ это еще не было ходячимъ титуломъ Московскихъ великихъ князей. Они еще только приближались къ нему.

Іоаннъ III писалъ:

---

*) Тогда наслѣдникомъ считался не Василій Іоанновичъ, а внукъ великаго князя, сынъ старшаго его сына Димитрія, преждевременно умершаго.

**) Соловьевъ, т. V, стр. 1400.

***) Соловьевъ, т. V, стр. 1408.

«Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверскій, и Югорскій, и Пермскій и иныхъ».

Ливонцамъ и нѣмцамъ Іоаннъ III называетъ себя «Царь всея Руси».

Василій Іоанновичъ писалъ титулъ свой: «Великій государь Василій, Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь (слѣдуетъ перечисленіе около 20 земель)». Но у него разъ попадается и титулъ «царя» *).

Рѣшающее значеніе эпохи Іоанна III, въ смыслѣ торжества царской власти, было лишь заключительнымъ звеномъ въ развитіи этой идеи съ удѣльныхъ временъ. Единоличная неограниченная власть, и даже Божіею милостію, Божіимъ «предъизбраніемъ», наслѣдственность этой власти въ нисходящей семейной линіи: все это Русь знала издавна. Освобожденіе Россіи отъ Татаръ и бракъ съ Софіей Палеологъ, съ усвоеніемъ Русскимъ царямъ наслѣдства Византійской имперіи,—все это лишь заключало назрѣвавшій издавно процессъ развитія царской власти.

Древней Руси эта идея монархіи давалась сравнительно легко. Гораздо труднѣе давалась идея государственнаго единства, столь ясная для Византіи.

Въ Византіи самодержецъ могъ передавать свою власть почти произвольному наслѣднику. Но власть царя была неразрывна съ единствомъ государства. Раздробленіе государства было абсурдомъ для Византійца. Когда, уже послѣ западныхъ крестоносныхъ вліяній, царица Ирина, супруга Андроника Палеолога (сама родомъ изъ западной Европы), хотѣла дать своимъ дѣтямъ удѣлы въ Византіи, это было встрѣчено, какъ нѣчто необычайное. «Неслыханное дѣло, восклицаетъ Никифоръ Григора: она хотѣла, чтобы они управляли не монархически, по издревле установившемуся у Римлянъ обычаю, но по образцу латинскому, т. е. чтобы, раздѣливъ между собою римскіе города и области, каждый изъ ея сыновей управлялъ

*) Соловьевъ, томъ V, стр. 1502—1672.

особой частью, какая выпадетъ на его долю и поступитъ въ его собственное владѣніе, и чтобы по установившемуся закону объ имуществѣ и собственности простыхъ людей, каждая часть переходила отъ родителей къ дѣтямъ, отъ дѣтей къ внукамъ и т. д. Эта царица, поясняетъ Григора, была родомъ Латинянка, и отъ Латинянъ взяла эту новость, которую думала ввести между Римлянами» *).

Эта латинская «новость» была на Руси, какъ у европейцевъ, какъ вообще у народовъ родового періода,—стариною, глубоко вкоренившеюся въ общественномъ строѣ и подрывавшею начала государственности. Борьба съ нею и составляла у насъ прогрессъ государственности, въ которомъ единовластіе, начало монархическое, шло объ руку съ единствомъ государственнымъ.

То и другое началось еще при Мономахѣ, посредствомъ собиранія земли въ рукахъ одной семьи; раздѣленіе земли и власти между членами этой семьи подрывало начатый процессъ монархическаго сложенія. И вотъ одновременно со все большимъ облеченіемъ великаго князя царскими полномочіями, начинается со стороны великихъ князей забота о томъ, чтобы собранная земля и власть—при наслѣдствѣ доставались по преимуществу въ однѣ руки, а доли удѣльныя все болѣе уменьшаются. Затѣмъ самая власть удѣльныхъ князей все болѣе сокращается и они все болѣе подчиняются великому князю. Въ концѣ-концовъ—удѣлы, такимъ образомъ, совершенно исчезаютъ.

Для образчика можно указать распредѣленіе наслѣдства Іоанна III.

Онъ оставилъ великое княженіе Василію (сыну Софіи Палеологъ) и далъ ему 66 главныхъ городовъ. Остальнымъ 4 сыновьямъ онъ всѣмъ вмѣстѣ далъ только 30 городовъ, менѣе значительныхъ. Но сверхъ того и власть ихъ на удѣлахъ, была уже очень ограничена цѣлымъ рядомъ условій.

Іоаннъ приказалъ всѣмъ удѣльнымъ князьямъ считать Василія

*) Никифоръ Григора, Римская исторія книга VII, гл. 5, стр. 225.

за отца и слушаться во всемъ. Въ удѣлахъ чеканка монеты принадлежала Василію. Ему же принадлежало право откупа и торговыя пошлины; уголовный судъ былъ въ удѣлахъ также отданъ Василію; его же дьяки должны были писать «полныя» и «докладныя» грамоты. Удѣлы, оставшіеся безъ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола—переходятъ къ Василію. Братья, сверхъ того, по особому договору, обязаны считать его господиномъ.

Такимъ образомъ при Іоаннѣ III владѣтельныя права удѣльныхъ князей уже почти уничтожаются, и за ними остается лишь право собственности, вотчиннаго суда и «помирія».

Давно преслѣдуемое право отъѣзда тоже со всѣхъ сторонъ ограничивается и воспрещается иначе, какъ съ согласія великаго князя. Все это связывается съ стариннымъ правами великихъ князей. Іоаннъ III уничтожаетъ Новгородскую самостоятельность, основываясь на своихъ «извѣчныхъ» правахъ. Василій Іоанновичъ, умирая, говоритъ боярамъ:

«Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре» *).

Эта точка зрѣнія и не была невѣрною. Она выражала *преемственность самосознанія монархической власти*, отъ Владиміра Мономаха, черезъ князей Суздальскихъ, Андрея Боголюбскаго, Александра Невскаго и князя Даніила съ родомъ Калиты. Характеристично, что и Андрей Боголюбскій, и Александръ Невскій, и Даніилъ Московскій церковью и народнымъ сознаніемъ—причислены къ лику святыхъ.

Церковное благословеніе вообще, отъ Владиміра святаго до царей Московскихъ, освящало княжескую власть и внѣшними обрядами. «Первымъ знакомъ признанія князя владѣющимъ въ извѣстной волости было (издревле) посаженіе на столъ.—Этотъ обрядъ считался необходимымъ. Посаженіе происходило въ главной городской церкви. Признаніе князя со-

*) Соловьевъ, томъ V, стр. 1658.

провождалось присягой, цѣлованіемъ креста» *). Іоаннъ III вѣнчалъ на царство сына своего Димитрія уже съ подобіемъ Византійскаго обряда. Іоаннъ IV, 17 лѣтъ захотѣлъ «поискать прародительскихъ чиновъ»; «какъ наши, говоритъ онъ, прародители, цари и великіе князья, и сродникъ нашъ Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, на царство, на великое княженіе садились, и я также этотъ чинъ хочу исполнить и на царство и на великое княженіе сѣсть». 16 янв. 1547 г. совершено было царское вѣнчаніе, подобное вѣнчанію Димитрія при Іоаннѣ III, съ муропомазаніемъ **). Іоаннъ же IV окончательно принялъ и утвердилъ титулъ царя, какъ офиціальное и обычное наименованіе своего сана.

Такъ завершилось офиціальное оформленіе царской идеи, жившей уже цѣлыя вѣка на Руси, и строившей ея государственность.

Выросшая въ одномъ процессѣ съ Русской націей, царская власть представляетъ двѣ ярко типичныя черты:

1) Полное единство въ идеалахъ съ націей, какъ власть верховная,

2) Единеніе своего государственнаго управленія съ національными силами.

*) Соловьевъ, томъ III, стр. 672—673.

**) Соловьевъ, томъ V, стр. 40.

ОТДѢЛЪ II.

Единеніе верховной власти и націи.

XI.

Единство идеаловъ Царя и народа. Ученіе Іоанна Грознаго.

С. М. Соловьевъ замѣчаетъ по поводу Грознаго: «Іоаннъ IV былъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый созналъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ самъ, такъ сказать, ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически» *).

Правильнѣе было бы сказать, что Іоаннъ Грозный первый формулировалъ значеніе царской власти и въ ея формулировкѣ, благодаря личнымъ способностямъ, былъ болѣе точенъ и глубокъ, чѣмъ другіе **). Но идеалъ, имъ выраженный,—совершенно тотъ же, который былъ выражаемъ церковными людьми и усвоенъ всѣмъ народомъ.

Какъ же понимаетъ Іоаннъ IV государственную идею?

Государственное управленіе, по Грозному***), должно пред-

*) Соловьевъ, т. V, стр. 35.

**) Іоаннъ Грозный характеризуется современниками, какъ „мужъ чуднаго разумѣнія, въ наукѣ книжной почитанія доволенъ и многорѣчивъ, вѣло въ ополченіяхъ дерзостенъ и за свое отечество стоятель". (Хронографъ Кубасова, см. Буслаева Ист. Хр.

***) Нижеслѣдующее изложеніе составлено преимущественно по перепискѣ Іоанна съ Курбскимъ: Н. Устряловъ „Сказанія князя Курбскаго", изд. 3, Спб. 1868.

ставлять собою стройную систему. Представитель аристократическаго начала, князь Курбскій, упираетъ преимущественно на личныя доблести «лучшихъ людей» и «сильныхъ во Израилѣ». Іоаннъ относится къ этому, какъ къ проявленію политической незрѣлости, и старается объяснить князю, что личныя доблести не помогутъ, если нѣтъ правильнаго «строенія», если въ государствѣ власти и учрежденія не будутъ расположены въ надлежащемъ порядкѣ. «Какъ дерево не можетъ цвѣсти, если корни засыхаютъ, такъ и это: аще не прежде строенія благая въ царствѣ будутъ», то и храбрость не проявится на войнѣ. Ты же, говоритъ царь, не обращая вниманія на строенія, прославляешь только доблести.

На чемъ же, на какой общей идеѣ, воздвигается это необходимое «строеніе», «конституція» христіанскаго царства? Іоаннъ, въ поясненіе, вспоминаетъ объ ереси манихейской: «Они развратно учили, будто бы Христосъ обладаетъ лишь небомъ, а землею самостоятельно управляютъ люди, а преисподними— діаволъ». Я же, говоритъ царь, вѣрую, что всѣмъ обладаетъ Христосъ: небеснымъ, земнымъ и преисподнимъ и «вся на небеси, на земли и преисподней состоитъ его хотѣніемъ, совѣтомъ Отчимъ и благоволѣніемъ Святаго Духа». Это Высшая власть налагаетъ свою волю и на государственное «строеніе», устанавливаетъ и царскую власть.

Права Верховной Власти, въ понятіяхъ Грознаго, опредѣляются христіанскою идеей подчиненія подданныхъ. Этимъ дается и широта власти, въ этомъ же и ея предѣлы (ибо предѣлы есть и для Грознаго). Но въ указанныхъ границахъ безусловное повиновеніе царю, какъ обязанность, предписанная вѣрой, входитъ въ кругъ благочестія христіанскаго. Если царь поступаетъ жестоко или даже несправедливо, — это его грѣхъ. Но это не увольняетъ подданныхъ отъ обязанности повиновенія. Если даже Курбскій и правъ, порицая Іоанна, какъ человѣка, то отъ этого еще не получаетъ права не повиноваться божественному закону *). Поэтому Курбскій своимъ поступкомъ

*) „Не мни, праведно на человѣка возъярився, Богу приразитися: иное бо человѣческое есть, аще и порфиру носитъ, иное же божественное".

свою «душу погубилъ». «Если ты праведенъ и благочестивъ, говоритъ царь, то почему же ты не захотѣлъ отъ меня, строптиваго владыки, пострадать и наслѣдовать вѣнецъ жизни»? Зачѣмъ «не поревновалъ еси благочестія» раба твоего, Васьки Шибанова, который предпочелъ погибнуть въ мукахъ за господина своего?

Съ этой точки зрѣнія, порицаніе поступковъ Іоанна на основаніи народнаго права другихъ странъ (указываемыхъ Курбскимъ) — не имѣетъ, по возраженію царя, никакого значенія. «О безбожныхъ человѣцѣхъ что и глаголати! Понеже тіи всѣ царствіями своими не владѣютъ: какъ имъ повелятъ подданные («работные»), такъ и поступаютъ. А россійскіе самодержавцы изначала сами владѣютъ всѣми царствами (то-есть всѣми частями царской власти), а не бояре и вельможи».

Противоположеніе нашего принципа Верховной Власти и европейскаго вообще неоднократно замѣтно у Іоанна и помимо полемики съ Курбскимъ. Какъ справедливо говоритъ Романовичъ Славатинскій, «сознаніе международнаго значенія самодержавія достигаетъ въ грозномъ царѣ высокой степени». Онъ ясно понимаетъ, что представляетъ въ себѣ иной и высшій принципъ. «Если бы у васъ, говоритъ онъ Шведскому королю, было совершенное королевство, то отцу твоему архіепископъ и совѣтники и вся земля въ товарищахъ не были бы *). Онъ ядовито замѣчаетъ, что шведскій король—«точно староста въ волости», показывая полное пониманіе, что этотъ «не совершенный» король представляетъ, въ сущности демократическое начало. Такъ и у насъ, говоритъ царь, «намѣстники новгородскіе — люди великіе», но все-таки «холопъ государю не братъ», а потому шведскій король долженъ бы сноситься не съ государемъ, а съ намѣстниками. Такіе же комплименты Грозный дѣлаетъ и Стефану Баторію, замѣчая посламъ: «Государю вашему Стефану въ равномъ братствѣ съ нами быть не пригоже». Въ самую даже крутую для себя минуту Іоаннъ гордо выставляетъ Стефану превосходство своего принципа:

*) Соловьевъ, IV, 279.

«Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію». Какъ мы видѣли выше, представители власти европейскихъ сосѣдей для Іоанна суть представители идеи «безбожной», то-есть руководимой не божественными повелѣніями, а тѣми человѣческими соображеніями, которыя побуждаютъ крестьянъ выбирать старосту въ волости.

Вся суть царской власти, наоборотъ, въ томъ, что она не есть избранная, не представляетъ власти народной, а нѣчто высшее, признаваемое надъ собою народомъ, если онъ «не безбоженъ». Іоаннъ напоминаетъ Курбскому, что «Богомъ цари царствуютъ и сильные пишутъ правду». На упрекъ Курбскаго, что онъ «погубилъ сильныхъ во Израилѣ», Іоаннъ объясняетъ ему, что сильные во Израилѣ — совсѣмъ не тамъ, гдѣ полагаетъ ихъ представитель аристократическаго начала «лучшихъ людей». «Земля, говоритъ Іоаннъ, правится Божіимъ милосердіемъ, и Пречистыя Богородицы милостью и всѣхъ святыхъ молитвами и родителей нашихъ благословеніемъ, и послѣди нами, государями своими, а не судьями и воеводами и еже ипаты и стратеги».

Не отъ народа, а отъ Божіей милости къ народу идетъ, стало быть, царское самодержавіе. Іоаннъ такъ и объясняетъ. «Побѣдоносная хоругвь и крестъ Честной», говоритъ онъ, даны Господомъ Іисусомъ Христомъ сначала Константину, «первому во благочестіи», то-есть первому христіанскому императору. Потомъ послѣдовательно передавались и другимъ. Когда «искра благочестія дойде и до Русскаго Царства», та же власть «Божіею милостію» дана и намъ. «Самодержавіе Божіимъ изволеніемъ», объясняетъ Грозный, началось отъ Владиміра Святаго, Владиміра Мономаха и т. д. и черезъ рядъ государей, говоритъ онъ, «даже дойде и до насъ смиренныхъ скиптродержавіе Русскаго Царства».

Сообразно такому происхожденію власти, у царя должна быть въ рукахъ дѣйствительная сила. Возражая Курбскому, Іоаннъ говоритъ: «Или убо сіе свѣтло — пойти прегордымъ лукавымъ рабамъ владѣть, а царю быть почтеннымъ только предсѣдані-

емъ и царской честью, властью же быть не лучше раба? Какъ же онъ назовется самодержцемъ, если не самъ строитъ землю»? «Россійскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи».

Царская власть дана для поощренія добрыхъ и кары злыхъ. Поэтому царь не можетъ отличаться только одною кротостью. «Овыхъ милуйте разсуждающе, овыхъ страхомъ спасайте», говоритъ Грозный. «Всегда царямъ подобаетъ быть обозрительными: овогда кротчайшимъ, овогда же ярымъ; ко благимъ убо милость и кротость, ко злымъ же ярость и мученіе; аще ли сего не имѣетъ — нѣсть царь»! Обязанности царя нельзя мѣрить мѣркой частнаго человѣка. «Иное дѣло свою душу спасать, иное же о многихъ душахъ и тѣлесахъ пещися». Нужно различать условія. Жизнь для личнаго спасенія — это «постническое житье», когда человѣкъ ни о чемъ матеріальномъ не заботится и можетъ быть кротокъ, какъ агнецъ. Но въ общественной жизни это уже невозможно. Даже и святители, по монашескому чину лично отрекшіеся отъ міра, для другихъ обязаны имѣть «строеніе, попеченіе и наказаніе». Но святительское запрещеніе—по преимуществу—нравственное. «Царское же управленіе (требуетъ) страха, запрещенія и обузданія, и конечнаго запрещенія», въ виду «безумія злѣйшихъ человѣковъ лукавыхъ». Царь самъ наказуется отъ Бога, если его «несмотрѣніемъ» происходитъ зло.

Въ этомъ смотрѣніи онъ безусловно самостоятеленъ. «А жаловать есми своихъ холопей вольны, а и казнить ихъ вольны же есмя».

«Егда кого обрящемъ всѣхъ сихъ злыхъ (дѣлъ и наклонностей) освобожденнымъ, и къ намъ прямую свою службу содѣвающимъ, и не забывающимъ порученной ему службы, и мы того жалуемъ великими всякими жалованьями; а иже обрящется въ супротивныхъ, еже выше рѣхомъ, по своей винѣ и казнь пріемлетъ».

Власть столь важная должна быть едина и неограниченна. Владѣніе многихъ подобно «женскому безумію». Если управляемые будутъ не подъ единою властію, то хотя бы они въ

отдѣльности были и храбры и разумны, — общее правленіе окажется «подобно женскому безумію». Царская власть не можетъ быть ограничиваема даже и святительскою. «Не подобаетъ священникамъ царская творити». Іоаннъ Грозный ссылался на Библію, и приводитъ примѣры изъ исторіи, заключая: «Понеже убо тамо быша цари послушны эпархамъ и сигклитамъ, — и въ какову погибель пріидоша. Сія ли намъ совѣтуешь»?

Еще болѣе вредно ограниченіе царской власти аристократіей. Царь по личному опыту обрисовываетъ бѣдствія, нестроенія и мятежи, порождаемые боярскимъ самовластіемъ. Расхитивъ царскую казну, самовластники, говоритъ онъ, набросились и на народъ: «Горчайшимъ мученіемъ имѣнія въ селахъ живущихъ пограбили». Кто можетъ исчислить напасти, произведенныя ими для сосѣднихъ жителей? «Жителей они себѣ сотвориша яко рабовъ, своихъ же рабовъ устроили какъ вельможъ». Они называли себя правителями и военачальниками, а вмѣсто того повсюду создавали только неправды и нестроеніе, «мзду же безмѣрную отъ многихъ собирающе и вся по мздѣ творяще и глаголюще».

Положить предѣлъ этому хищничеству можетъ лишь самодержавіе. Однако же эта неограниченная политическая власть имѣетъ, какъ мы выше замѣтили, предѣлы. Она ограничивается своимъ собственнымъ принципомъ.

«Всѣ божественныя писанія исповѣдуютъ, яко не повелѣваютъ чадамъ отцомъ противитися и рабѣмъ господомъ»: однако же, прибавляетъ Іоаннъ, «кромѣ вѣры». На этомъ пунктѣ Грозный, такъ сказать, призналъ бы со стороны Курбскаго право неповиновенія, почему усиленно доказываетъ, что этой, единственной законной причины неповиновенія Курбскій именно и не имѣетъ. «Противъ вѣры» Царь ничего не требовалъ и не сдѣлалъ. «Не токмо ты, но всѣ твои согласники и бѣсовскіе служители не могутъ въ насъ сего обрѣсти», говоритъ онъ, а потому и оправданія эти ослушники не имѣютъ. Нѣсколько разъ Грозный возвращается къ увѣреніямъ, что если онъ казнилъ людей, то ни въ чемъ не нарушилъ

правъ церкви и ея святыни, являясь, наоборотъ, вѣрнымъ защитникомъ благочестія. Правъ или не правъ Іоаннъ фактически, утверждая это, но во всякомъ случаѣ его слова показываютъ, въ чемъ онъ признаетъ границы дозволеннаго и недозволеннаго для царя.

Отвѣтственность царя—передъ Богомъ, нравственная, впрочемъ для вѣрующаго вполнѣ реальная, ибо Божья сила и наказаніе сильнѣе царскаго. На землѣ же, передъ подданными, царь не даетъ отвѣта. «Доселѣ русскіе владѣтели не допрашиваемы были («не исповѣдуемы») ни отъ кого, но волны были своихъ подвластныхъ жаловать и казнить, а не судились съ ними ни передъ кѣмъ». Но передъ Богомъ судъ всѣмъ доступенъ. «Судиться же приводиши Христа Бога между мною и тобою, и азъ убо сего судилища не отмѣтаюсь». Напротивъ, этотъ судъ надъ царемъ тяготѣетъ больше, чѣмъ надъ кѣмъ-либо. «Вѣрую, говоритъ Іоаннъ, яко о всѣхъ своихъ согрѣшеніяхъ, вольныхъ и невольныхъ, судъ пріяти ми яко рабу, и не токмо о своихъ, но и о подвластныхъ мнѣ дать отвѣтъ, аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшаютъ».

XII.

Единеніе народнаго идеала съ царскимъ.

Такъ представлялъ себѣ царь отношенія Верховной Власти и народа. Такими же эти отношенія рисовались и самому народу.

Въ своей вѣковой мудрости, сохраненной популярными изреченіями поговорокъ и пословицъ *), нашъ народъ, совершенно по-христіански, обнаруживаетъ значительную долю скептицизма къ возможности совершенства въ земныхъ дѣлахъ. «Гдѣ добры

---

*) Нижеслѣдующее изложеніе составлено главнымъ образомъ по Далю.

въ народѣ нравы, тамъ храняться и уставы», говоритъ онъ, но прибавляетъ: «Отъ запада до востока нѣтъ человѣка безъ порока». При томъ же «въ дуракѣ и царь не воленъ», а между тѣмъ «одинъ дуракъ бросить камень, а десять умныхъ не вытащатъ». Это дѣйствіе человѣческаго несовершенства, нравственнаго и умственнаго, исключаетъ возможность устроиться вполнѣ хорошо, тѣмъ болѣе, что если глупый вноситъ много вреда, то умный, иногда, больше. «Глупый погрѣшаетъ одинъ, а умный соблазняетъ многихъ». Въ общей сложности приходится сознаться: «кто Богу не грѣшенъ,—царю не виноватъ»! Сверхъ того интересы жизни сложны и противоположны: «Ни солнышку на всѣхъ не угрѣть, ни царю на всѣхъ не угодить», тѣмъ болѣе, что «до Бога высоко, до царя далеко»...

Общественно-политическая жизнь такимъ образомъ не становится культомъ русскаго народа. Его идеалы—нравственно-религіозные. Религіозно-нравственная жизнь составляетъ лучшій центръ его помышленій. Онъ и о свой странѣ мечтаетъ именно, какъ о «Святой Руси», руководствуясь въ достиженіи святости материнскимъ ученіемъ Церкви. «Кому Церковь не мать, тому Богъ не отецъ», говоритъ онъ.

Такое подчиненіе міра относительнаго (политическаго и общественнаго) міру абсолютному (религіозному) приводитъ русскій народъ къ исканію политическихъ идеаловъ не иначе, какъ подъ покровомъ Божіимъ. Онъ ищетъ ихъ въ волѣ Божіей, и подобно тому, какъ царь принимаетъ свою власть лишь отъ Бога, такъ и народъ лишь отъ Бога желаетъ ее надъ собою получить. Такое настроеніе естественно приводитъ народъ къ исканію единоличнаго носителя власти, и притомъ подчиненнаго волѣ Божіей, т. е. именно монарха-самодержца.

Это психологически неизбѣжно. Но увѣренность въ невозможности совершенства политическихъ отношеній не приводитъ народъ къ униженію ихъ, а напротивъ, къ стремленію въ возможно большей степени повысить ихъ, посредствомъ подчиненія ихъ абсолютному идеалу правды. Для этого нужно, чтобы политическія отношенія подчинялись нравственнымъ, а для этого, въ свою очередь, носителемъ верховной власти долженъ быть одинъ человѣкъ, рѣшитель дѣлъ по совѣсти.

Въ возможность справедливо устроить общественно-политическую жизнь посредствомъ юридическихъ нормъ народъ не вѣритъ. Онъ требуетъ отъ политической жизни большаго, чѣмъ способенъ дать законъ, установленный разъ навсегда, безъ соображенія съ индивидуальностью личности и случая. Это вѣчное чувство русскаго человѣка выразилъ и Пушкинъ, говоря: «законъ—дерево», не можетъ угодить правдѣ, и поэтому «нужно, чтобы одинъ человѣкъ былъ выше всего, выше даже закона». Народъ издавна выражаетъ тоже самое воззрѣніе на неспособность закона быть высшимъ выраженіемъ правды, искомой имъ въ общественныхъ отношеніяхъ. «Законъ что дышло — куда поворотишь, туда и вышло». «Законъ что паутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ».

Съ одной стороны «всуе законы писать, когда ихъ не исполнять», но въ то же время законъ иногда безъ надобности стѣсняетъ: «Не всякій кнутъ по закону гнуть», и по необходимости «нужда свой законъ пишетъ». Если законъ поставить выше всякихъ другихъ соображеній, то онъ даже вредитъ: «Строгій законъ виноватыхъ творитъ, и разумный тогда поневолѣ дуритъ». Законъ по существу условенъ: «Что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», а между тѣмъ «подъ всякую пѣсню не подпляшешься, подъ всякіе нравы не подладишься». Такое относительное средство осуществленіе правды никакъ не можетъ быть поставлено въ качествѣ высшаго «идеократическаго» элемента, не говоря уже о злоупотребленіяхъ. А они тоже неизбѣжны. Иногда и «законы святы, да исполнители супостаты». Случается, что «сила законъ ломитъ», и «кто законъ пишетъ, тотъ его и ломаетъ». Нерѣдко виноватый можетъ спокойно говорить: «Что мнѣ законы, когда судьи знакомы»?

Единственное средство поставить правду высшею нормой общественной жизни состоитъ въ томъ, чтобы искать ее въ личности, и внизу, и вверху, ибо законъ хорошъ только по тому, какъ онъ примѣняется, а примѣненіе зависитъ отъ того, находится ли личность подъ властью высшей правды. «Гдѣ добры въ народѣ нравы, тамъ хранятся и уставы».

«Кто самъ къ себѣ строгъ, того хранитъ и царь, и Богъ». «Кто не умѣетъ повиноваться, тотъ не умѣетъ и приказать». «Кто собой не управитъ, тотъ и другаго на разумъ не наставитъ». Но эта строгость подданныхъ къ самимъ себѣ хотя и даетъ основу дѣйствія для верховной власти, но еще не создаетъ ее. Если верховную власть не можетъ составить безличный законъ, то не можетъ дать ее и «многомятежное человѣческое хотѣніе». Народъ повторяетъ: «Горе тому дому, коимъ владѣетъ жена, горе царству, коимъ владѣютъ многіе».

Собственно говоря, правящій классъ народъ признаетъ широко, но только какъ вспомогательное орудіе правленія. «Царь безъ слугъ, какъ безъ рукъ» и «Царь благими воеводы смиряетъ міра невзгоды». Но этотъ правящій классъ народъ столь же мало идеализируетъ, какъ и безличный законъ. Народъ говоритъ: «Не держи двора близъ княжева двора» и замѣчаетъ: «Неволя, неволя боярскій дворъ: походя поѣшь, стоя выспишься». Хотя «съ боярами знаться—ума набраться», но также и «грѣха не обобраться». «Въ боярскій дворъ ворота широки, да вонъ узки»: закабаливаетъ! Не проживешь безъ служилаго человѣка, но все-таки: «Помутилъ Богъ народъ—покормилъ воеводъ», и «Люди ссорятся, а воеводы кормятся». Точно также «Дьякъ у мѣста, что кошка у тѣста», и народъ знаетъ, что нерѣдко «Быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ». Вообще, въ минуту пессимизма народная философія способна задаваться не легкимъ вопросомъ: «Въ землѣ черви, въ водѣ черти, въ лѣсу сучки, въ судѣ крючки: куда уйти?»

И народъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, уходя къ установкѣ верховной власти въ видѣ единоличнаго нравственнаго начала.

Въ политикѣ царь для народа не отдѣлимъ отъ Бога. Это вовсе не есть обоготвореніе политическаго начала, но подчиненіе его божественному. Дѣло въ томъ, что «Судъ царевъ, а правда Божія». «Никто противъ Бога да противъ царя», но это потому, что «царь отъ Бога приставъ». «Всякая власть отъ Бога». Это не есть власть нравственно произвольная. Напротивъ: «Всякая власть Богу отвѣтъ дастъ». «Царь земной подъ Царемъ небеснымъ ходитъ», и народная мудрость

многозначительно добавляетъ даже: «у Царя царствующихъ много царей...» Но, ставя царя въ такую полную зависимость отъ Бога, народъ въ царѣ призываетъ Божью волю для верховнаго устроенія земныхъ дѣлъ, предоставляя ему для этого всю безграничность власти.

Это не есть передача государю народнаго самодержавія, какъ бываетъ при идеѣ диктатуры и цезаризма, а просто отказъ отъ собственнаго самодержавія въ пользу Божьей воли, которая ставитъ царя, какъ представителя не народной, а Божественной власти.

Царь такимъ образомъ является проводникомъ въ политическую жизнь воли Божіей. «Царь повелѣваетъ, а Богъ на истинный путь наставляетъ». «Сердца царево въ рукѣ Божіей». Точно также «Царскій гнѣвъ и милость въ рукахъ Божіихъ». «Чего Богъ не изволитъ, того и царь не изволитъ». Но получая власть отъ Бога, царь, съ другой стороны, такъ всецѣло принимается народомъ, что совершенно неразрывно сливается съ нимъ. Ибо представляя передъ народомъ въ политикѣ власть Божью, царь передъ Богомъ представляетъ народъ. «Народъ тѣло, а царь голова», и это единство такъ нераздѣлимо, что народъ даже наказуется за грѣхи царя. «За царское согрѣшенье Богъ всю землю казнитъ, за угодность милуетъ», и въ этой взаимной отвѣтственности царь стоитъ даже на первомъ мѣстѣ. «Народъ согрѣшитъ—царь умолитъ, а царь согрѣшитъ,—народъ не умолитъ». Идея въ высшей степени характеристичная. Легко понять, въ какой безмѣрной степени велика нравственная отвѣтственность царя при такомъ искреннемъ, всепредапномъ сліяніи съ нимъ народа, когда народъ, безусловно ему повинуясь, согласенъ при этомъ еще отвѣчать за его грѣхи передъ Богомъ.

Невозможно представить себѣ болѣе безусловнаго монархическаго чувства, бо́льшаго подчиненія, бо́льшаго единенія. Но это не чувство раба, только подчиняющагося, а потому не отвѣтственнаго. Народъ напротивъ отвѣчаетъ за грѣхи царя. Это, стало быть, переносъ въ политику христіанскаго настроенія, когда человѣкъ молитъ «да будетъ воля Твоя»

и въ то же время ни на секунду не отрѣшается отъ собственной отвѣтственности. Въ царѣ народъ выдвигаетъ ту же молитву, то же исканіе воли Божіей, безъ уклоненія отъ отвѣтственности, почему и желаетъ полнаго нравственнаго единства съ царемъ отвѣчающимъ передъ Богомъ.

Для не-христіанина этотъ политическій принципъ трудно понятенъ. Для христіанина — онъ свѣтитъ и грѣетъ какъ солнце. Подчинившись въ царѣ до такой безусловной степени Богу, нашъ народъ не чувствуетъ отъ этого тревоги, а, напротивъ, успокаивается. Его вѣра въ дѣйствительное существованіе, въ реальность Божіей воли выше всякихъ сомнѣній, а потому, сдѣлавъ со своей стороны все для подчиненія себя волѣ Божіей, онъ вполнѣ увѣренъ, что и Богъ его не оставитъ, а стало быть дастъ наибольшую обезпеченность положенія.

Вдумываясь въ эту психологію, мы поймемъ, почему народъ о своемъ царѣ говоритъ въ такихъ трогательныхъ, любящихъ выраженіяхъ: «Государь, батюшка, надёжа, православный царь...» Въ этой формулѣ все: и власть, и родственность, и упованіе и сознаніе источника своего политическаго принципа. Единство съ царемъ для народа не пустое слово. Онъ вѣритъ, что «народъ думаетъ, а царь вѣдаетъ» народную думу, ибо «царево око видитъ далеко», «царскій глазъ далеко сягаетъ», и «какъ весь народъ воздохнетъ—до царя дойдетъ». При такомъ единствѣ отвѣтственность за царя совершенно логична. И понятно, что она несетъ не страхъ, а надежду. Народъ знаетъ, что «Благо народа въ рукѣ царевой», но помнитъ также, что «До милосерднаго царя и Господь милосердъ». Съ такимъ міросозерцаніемъ становится понятно, что «Нельзя царству безъ царя стоять». «Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ царя земля не правится». «Безъ царя земля вдова». Это таинственный союзъ, непонятный безъ вѣры, но при вѣрѣ дающій и надежду и любовь.

Неограниченна власть царя. «Не Москва государю указъ, а государь Москвѣ». «Воля царская—законъ», «Царское осужденіе безсудно». Царь и для народа, какъ въ христіанскомъ

ученіи, не даромъ носитъ мечъ. Онъ представитель грозной силы. «Карать да миловать—Богу да Царю». «Гдѣ царь, тамъ гроза». «До царя идти—голову нести». «Гнѣвъ царя—посолъ смерти». «Близъ царя—близь смерти». Царь источникъ силы, но онъ же источникъ славы: «Близъ царя—близъ чести». Онъ же источникъ всего добраго: «Гдѣ царь, тамъ и правда», «Богатъ Богъ милостью, а государь жалостью». «Безъ царя народъ сирота». Онъ свѣтитъ какъ солнце: «При солнцѣ тепло, при государѣ добро». Если иногда и «Грозенъ царь, да милостивъ Богъ». Съ такими взглядами, въ твердой надеждѣ, что «царь повелѣваетъ, а Господь на истинный путь направляетъ», народъ стѣной окружаетъ своего «батюшку» и «надёжу», «вѣрой и правдой» служа ему. «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ», говоритъ онъ, и готовъ идти въ своей исторической страдѣ куда угодно, повторяя «Гдѣ ни жить, одному царю служить» и во всѣхъ испытаніяхъ утѣшая себя мыслью: «На все святая воля царская».

Эта тѣсная связь царя съ народомъ, характеризующая нашу монархическую идею, выработана собственно не аристократической и не демократической—Новогородско-казачьей Россіей, но Россіей земской, которая выросла вмѣстѣ съ самодержавіемъ. Эта идея и стала характеристично русской, глубоко засѣвъ въ народномъ инстинктѣ. Ни демократическая, ни аристократическая идея при этомъ не исчезли, но во всѣ критическіе, рѣшающіе моменты Русской исторіи голосъ могучаго инстинкта побѣждалъ всѣ шатанія политическихъ доктринъ, и возвышался до геніальной проницательности.

Замѣчательна память объ ореолѣ, которымъ русскій народъ окружилъ «опальчиваго» борца за самодержавіе, опускавшаго столь часто свою тяжкую руку и на массы, ему безусловно вѣрныя. На борьбу Іоанна IV съ аристократіей народъ смотрѣлъ, какъ на «выведеніе измѣны», хотя, строго говоря, «измѣнниковъ Россіи» въ прямомъ смыслѣ Іоаннъ почти не имѣлъ передъ собой. Но народъ чуялъ, что у его противниковъ была измѣна народной идеѣ верховной власти, внѣ которой уже не представлялъ себѣ своей «святой Руси».

Смутное время сдѣлало, казалось, все возможное для подрыва идеи власти, которая не сумѣла ни предотвратить, ни усмирить смуты, а потомъ была омрачена позорною узурпаціей бродяги самозванца и иноземной авантюристки. Съ расшатанностью царской власти, аристократія снова подняла голову: начали брать съ царей «записи». Съ другой стороны демократическое начало казачьей вольницы подрывало монархическую государственность идеаломъ общаго соціальнаго равенства, охраняемаго казачьимъ «кругомъ». Но ничто не могло разлучить народъ съ идеей, вытекающей изъ его міросозерцанія. Онъ въ униженіи царской власти видѣлъ свой грѣхъ и Божье наказаніе. Онъ не разочаровывался, а только плакалъ и молился:

Ты, Боже, Боже, Спасе милостивый,
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался,
Наслалъ намъ, Боже, прелестника,
Злого разстригу, Гришку Отрепьева
Ужели онъ, разстрига, на царство сѣлъ?...

Разстрига погибъ, и при видѣ оскверненной имъ святыни народъ вывелъ заключеніе не о какой-либо реформѣ, а о необходимости полнаго возстановленія самодержавія. Главною причиной непопулярности Василія Шуйскаго были уступки боярству. «Запись Шуйскаго и цѣлованіе креста въ исполненіи ея, говоритъ Романовичъ-Славатинскій, возмутили народъ, возражавшій ему, чтобы онъ записи не давалъ и креста не цѣловалъ, что того искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ не важивалось». А между тѣмъ «ограниченіе» состояло всего только въ обязательствѣ не казнить безъ суда и въ признаніи совѣщательнаго голоса боярства. То и другое каждый царь и безъ записи соблюдалъ, но монархическое чувство народа оскорблялось не содержаніемъ обязательствъ, а фактомъ превращенія обязательности нравственной въ юридическую.

Тушинско-Болотниковская приманка казачьей вольности тоже не получила торжества. Тушинцы и Болотниковцы были сознаны, какъ воры, столь же опасные, какъ враги иноземные,

какъ враги всего общественнаго порядка. Всеобщій бунтъ противъ королевича не менѣе характеристиченъ. Кандидатура Владислава сулила водворить порядокъ на началахъ «конституціонныхъ», въ которыхъ права русской націи были широко ограждены. Онъ принялъ обязательство ограничить свою власть не только аристократическою боярскою Думой, но также Земскимъ соборомъ. Подъ контроль земскаго собора онъ ставилъ свое обязательство не измѣнять русскихъ законовъ и не налагать самовольно податей. Съ современной либеральной точки зрѣнія восшествіе иностраннаго принца на такихъ условіяхъ не нарушало ни въ чемъ интересовъ страны. Но Россія московская понимала иначе свои интересы. Именно кандидатура Владислава и была послѣднею каплей, переполнившей чашу.

Поучительно вспомнить содержаніе прокламацій кн. Пожарскаго и другихъ патріотовъ, возбуждавшихъ народъ къ возстанію.

Прокламаціи призываютъ къ возстановленію власти царя.

«Вамъ, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную вѣру, совѣтывать со всякими людьми общимъ совѣтомъ, какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быть не безгосударными». Конституціонный королевичъ, очевидно, ничего не говорилъ сердцу народа. «Сами, господа, вѣдаете, продолжаетъ прокламація, какъ намъ безъ государя противъ общихъ враговъ, польскихъ, и литовскихъ, и нѣмецкихъ людей, и русскихъ воровъ—стоять? Какъ намъ безъ государя о великихъ государственныхъ и земскихъ дѣлахъ съ окрестными государями ссылаться? Какъ государству нашему впредь стоять крѣпко и неподвижно»?

Національно-монархическое движеніе стерло всѣ замыслы ограниченій самодержавія до такой степени, что теперь наши историки не могутъ даже съ точностью возстановить, что именно успѣли бояре временно выхватить у Михаила. Во всякомъ случаѣ ограничительныя условія были выброшены очень скоро въ періодъ непрерывнаго засѣданія земскихъ соборовъ (между 1620—25 годами). Народъ смотрѣлъ на пережитое бѣд-

ствіе, какъ на Божью кару, торжественно обѣщалъ царю «поисправиться» и заявляя Михаилу, что «безъ государя Московскому государству стояти не мочно»—«обралъ» его «на всей его волѣ» *).

Это торжество самодержавія характеристично тѣмъ, что оно было произведено земской Россіей въ борьбѣ противъ русскаго аристократическаго начала и русскаго же демократическаго. Россія земская, то-есть именно національная, выражающая типичныя особенности національности,—отвергла въ смутѣ всѣ другія основы, кромѣ самодержавной, и возсоздала его въ томъ же видѣ, въ какомъ рисовалось оно Іоанну Грозному и той земской Россіи, которая свою культурно-государственную жизнь строила на православномъ міросозерцаніи.

Возстановленіе самодержавія, потрясеннаго смутой, и было всецѣло дѣломъ земской Россіи **).

Обрисованное выше идейное единеніе и нравственная связь народа съ царемъ сопровождались такимъ же единеніемъ царя съ народомъ въ области управленія государствомъ.

XIII.

Правильный ростъ государственныхъ учрежденій.

Управительныя учрежденія Московской монархіи слагались въ тѣсной связи съ народнымъ соціальнымъ строемъ. По самому типу своему верховная власть принимала подъ свое покровительство всѣхъ подданныхъ, никому принципіально не отказывала въ довѣріи, и всѣхъ готова была признать, какъ болѣе или менѣе годную служебную для своихъ «государевыхъ дѣлъ» силу. Этотъ непосредственный голосъ самодержавнаго чувства и сдѣлалъ то, что развитіе царской власти не душило народнаго самоуправленія, но ободряло и развивало его.

---

*) Романовичъ-Славатинскій.

**) С. Ѳ. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣка. Спб. 1899.

Отсюда и вышло, что общій типъ управительныхъ учрежденій Московскаго государства, несмотря на массу частныхъ недостатковъ, происходящихъ отъ младенчески невѣжественнаго состоянія собственно юридическихъ знаній,—складывался въ нѣчто очень жизненное, въ полномъ смыслѣ идеальное, къ сожалѣнію не только оставшееся неразвившимся, но впослѣдствіи, по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, даже захирѣвшее.

Общая система власти въ Московскомъ царствѣ сложилась въ такомъ видѣ.

Надо всѣмъ государствомъ высился «великій государь», Самодержецъ. Его компетенція въ области управленія—была безгранична. Все, чѣмъ только жилъ народъ, его потребности политическія, нравственныя, семейныя, экономическія, правовыя—все подлежало вѣденію верховной власти. Не было вопроса, который считался бы не касающимся царя, и самъ царь признавалъ, что за каждаго подданнаго онъ дастъ отвѣтъ Богу, «аще моимъ несмотрѣніемъ согрѣшаютъ».

Царь—не только направитель всѣхъ текущихъ правительственныхъ дѣлъ, въ видѣ защиты внѣшней безопасности, внутренняго порядка, справедливости, и связанныхъ съ этимъ вопросовъ законодательныхъ и судебныхъ. Царь есть направитель всей исторической жизни націи. Это власть, которая печется и о развитіи національной культуры и объ отдаленнѣйшихъ будущихъ судьбахъ націи.

Царская власть развивалась вмѣстѣ съ Россіей, вмѣстѣ съ Россіей рѣшала споръ между аристократіей и демократіей, между православіемъ и инославіемъ, вмѣстѣ съ Россіей была унижена Татарскимъ игомъ, вмѣстѣ съ Россіей была раздроблена удѣлами, вмѣстѣ съ Россіей объединяла старину, достигла національной независимости, а затѣмъ начала покорять и чужеземныя царства, вмѣстѣ съ Россіей сознала, что Москва—третій Римъ, послѣднее и окончательное всемірное государство. Царская власть—это какъ-бы воплощенная душа націи, отдавшая свои судьбы Божьей волѣ. Царь завѣдуетъ настоящимъ, исходя изъ прошлаго, и имѣя въ виду будущее націи.

Отсюда, теоретически разсуждая, необходима полнѣйшая связь царя съ націей, какъ въ томъ, что касается общаго ихъ подчиненія волѣ Божіей, какъ и въ томъ, что касается самаго тѣла націи, ея внутренняго соціальнаго строя, посредствомъ котораго толпа превращается въ общественный организмъ.

Въ Русской царской власти эта связь практически была достигнута самимъ ея происхожденіемъ изъ 1) церковной идеи, и 2) родового—а затѣмъ 3) вотчиннаго—строя. Въ самомъ процессѣ своего развитія царская власть входила въ связь и съ церковнымъ и съ соціальнымъ строемъ.

Во всемъ этомъ было мало сознательности. Ея негдѣ было взять. Византійская доктрина скорѣе можетъ быть названа традиціей, нежели доктриной, а идея церковная лишь дѣлала строй религіозный направителемъ политическаго, но не изслѣдовала объективныхъ законовъ соціальной жизни. Теоретическаго сознательнаго строенія государственной власти—не могло быть. Но было очень сильное органическое сложеніе страны, которое давало возможность идеѣ верховной власти осуществиться на очень правильныхъ соціальныхъ основахъ.

Царская власть, упраздняя еще со временъ Андрея Боголюбскаго какъ аристократическую, такъ и демократическую власть, въ качествѣ верховныхъ, являлась посредницею между ними. Она, во имя религіозныхъ началъ, поддерживала справедливость въ отношеніяхъ между всѣми существующими въ странѣ силами, т. е. умѣряя чрезмѣрныя притязанія каждой, каждой давала справедливое удовлетвореніе.

Цари самодержцы явились охранителями правъ народныхъ. «Грозные государи Московскіе, Іоаннъ III и Іоаннъ IV, говоритъ Бѣляевъ, были самыми усердными утвердителями исконныхъ крестьянскихъ правъ, и особенно царь Иванъ Васильевичъ постоянно стремился къ тому, чтобы крестьяне въ общественныхъ отношеніяхъ были независимы и имѣли одинаковыя права съ прочими классами Русскаго общества» *). Если въ отношеніи крестьянъ политика Годунова нарушила царскія тра-

*) Бѣляевъ „Крестьяне на Руси".

диціи, то общественныхъ силъ—и при немъ не боялись, не исключали ихъ участія въ управленіи, а наоборотъ привлекали ихъ. Такъ какъ наша монархическая власть не создавала Русскаго народа изъ ничего, а сама возникла уже изъ готовыхъ соціальныхъ силъ родового строя, то этими силами она естественно пользовалась и для задачъ управительныхъ.

Для этого верховная власть не имѣла необходимости въ теоретическихъ соображеніяхъ, ибо соціальныя силы существовали фактически и съ усѣченіемъ ихъ поползновеній на верховенство—отъ нихъ сами-собой оставались элементы управительные. Такимъ образомъ изъ аристократическихъ элементовъ всѣхъ видовъ, княжескихъ владѣтельныхъ родовъ, боярства и низшей дружины—складывалось служилое сословіе, въ которомъ аристократія занимала важнѣйшія мѣста, какъ въ верхнемъ государственномъ управленіи, боярской думѣ и приказахъ, такъ и въ низшемъ. Многочисленныя организаціи демократической власти—вѣча—государственныя, городскія и деревенскія, точно также переходили въ разрядъ силъ мѣстнаго самоуправленія. А всѣ вмѣстѣ—управительныя силы страны являлись на помощь верховной власти въ видѣ земскихъ соборовъ.

Такимъ образомъ, съ утвержденіемъ монархіи, какъ власти верховной, аристократія и демократія получили широкое мѣсто въ системѣ власти управительной.

XIV.

Общеніе царя и народа въ управленіи. Боярская дума. Земскіе соборы.

Правительственныя учрежденія, черезъ которыя дѣйствовала верховная власть Московскаго государства, представляются въ слѣдующемъ видѣ.

Высшее учрежденіе, постоянно находившееся при государѣ, составляла Боярская Дума, членами которой были 1) бояре, 2) окольничьи, 3) думные дворяне и 4) думные дьяки.

Аристократическій элементъ имѣлъ въ этомъ учрежденіи господствующее мѣсто. У Іоанна III дума состояла изъ 13 бояръ, 6 окольничихъ, 1 дворецкаго и 1 казначея. У Іоанна IV— 10 бояръ, 1 окольничій, 1 кравчій, 1 казначей, 8 думныхъ дворянъ *). Были конечно и дьяки, которыхъ значеніе при способностяхъ, и довѣріи государя, иногда возрастало до огромной степени (Щелкаловъ и пр.). Аристократія имѣла особыя преимущества для поступленія въ думу. Наиболѣе знатные роды (бывшіе владѣтельные и старые боярскіе) имѣли право, обойдя низшіе чины, поступать прямо въ бояре. Менѣе знатные княжескіе и боярскіе роды назначались сначала въ окольничьи. Для низшаго служилаго и бюрократическаго элементовъ— открывался ходъ въ думные дворяне и думные дьяки.

Государь ежедневно принималъ бояръ, какъ думныхъ, такъ и завѣдующихъ приказами. Имѣя нужду въ совѣщаніи, государь призывалъ къ себѣ или нѣсколько ближнихъ бояръ и окольничьихъ, или выходилъ въ общее собраніе думы. Приговоръ по дѣлу писался дьякомъ по формулѣ: «Государь указалъ и бояре приговорили». Случалось, что государь поручалъ думѣ рѣшить дѣло безъ него, и тогда думскій приговоръ носили къ нему для одобренія и утвержденія.

Боярская дума въ чрезвычайныхъ, но впрочемъ очень частыхъ случаяхъ усиливалась новыми членами и превращалась въ Земскій Соборъ. Соборы возникли въ формѣ усиленнаго состава думы уже въ первыя времена объединенія Руси, но особенную торжественную и правильную форму выраженія мнѣнія всей земли имъ придалъ Іоаннъ Грозный.

На соборѣ 1550 года Іоаннъ Грозный, вступая въ дѣйствительныя права правленія, столь смутнаго въ его дѣтствѣ, всенародно каялся въ промахахъ прошлаго и обѣщалъ на будущее время править, какъ подобаетъ самодержцу. Соборъ 1566 г. созванъ былъ Іоанномъ по поводу войны съ Польшей. Въ немъ участвовали духовенство, бояре, дьяки, дворяне, дѣти боярскіе, западные помѣщики, гости, купцы московскіе и смоленскіе. Здѣсь мы видимъ всѣ «чины» Московскаго государства, съ

*) Иловайскій, т. III, стр. 415.

особеннымъ представительствомъ наиболѣе заинтересованныхъ по вопросу о войнѣ съ Польшей.

Вообще соборы въ составѣ своемъ включали всю боярскую думу, высшее духовенство и разныхъ «совѣтныхъ людей». Тутъ участвовали мѣстныя выборныя власти—отъ дворянъ, купцовъ, изъ слободъ, городовъ, посадовъ, а также бывали «уѣздные люди», то-есть вольные крестьяне. Не бывало только холопей и владѣльческихъ крестьянъ. Въ избирательномъ соборѣ 1611 года участвовали и казаки.

Для участія въ соборѣ депутаты призывались частью по силѣ должностей, ими занимаемыхъ, частью по выбору. Что касается числа ихъ—оно не было опредѣлено. Задача состояла въ томъ, чтобы слышать голосъ и рѣшеніе «всей земли», и важнымъ считалось не число лицъ, а степень представленія ими мнѣнія народа. Впрочемъ число депутатовъ бывало иногда очень значительно.

Такъ на соборѣ 1598 года, избравшемъ въ цари Бориса Годунова, всего участвовало 476 человѣкъ, въ томъ числѣ:

Духовенство	99
Бояре, дворяне, дьяки	277
Выборные отъ городовъ	33
Стрѣлецкіе головы	7
Гости	22
Старосты гостинныхъ сотенъ	5
Сотники черныхъ сотенъ	16

На соборѣ 1613 года, при избраніи Михаила Романова, участвовало, по предположенію С. Платонова не менѣе 700 человѣкъ. Изъ нихъ извѣстно однако лишь 277 подписей. Этотъ соборъ былъ обставленъ особенными стараніями выразить голосъ «всей земли». Онъ продолжался болѣе мѣсяца. Выборные хотя и имѣли полномочія, но свои рѣшенія все-таки разсылали на опросъ городовъ. Такимъ образомъ соборъ былъ въ высшей степени *національнымъ* *).

*) С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ“ Спб. 1899 г., стр. 561 и сл. См. также С. Соловьева „Исторія Россіи“, т. 8, стр. 1039 (изданіе наслѣдниковъ).

Компетенція соборовъ была точно также неопредѣленна и безгранична. Они говорили и о малыхъ, сравнительно, дѣлахъ и о самыхъ великихъ. Соборъ 1566 года имѣлъ предметомъ войну съ Польшей. Соборъ 1584 года созванъ Думой для ходатайства, чтобы Ѳедоръ Іоанновичъ поскорѣе короновался. Соборы 1593 и 1613 гг. избирали царей. Соборъ 1621 года (на которомъ участвовали всѣ сословія, въ томъ числѣ и казаки), тоже имѣлъ предметомъ войну съ Польшей. 1632 года—соборъ имѣлъ цѣлью изыскать финансовыя средства на войну съ Польшей. Соборъ 1634 года—тоже сборъ денегъ на военное дѣло. Соборъ 1642 года долженъ былъ рѣшить вопросъ о принятіи Азова, самовольно завоеваннаго казаками. Этотъ соборъ интересенъ въ томъ отношеніи, что хотя и соглашался на войну съ Турціей, неизбѣжную при принятіи Азова, но ходатайствовалъ объ уничтоженіи бюрократическихъ злоупотребленій. Вообще въ царствованіе Михаила—съ 1613 года по 1642 г. (Михаилъ скончался въ 1645 г.) произошло *пять* соборовъ, то-есть почти по одному въ пятилѣтіе, при чемъ иногда соборы бывали весьма продолжительны.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича всѣ важнѣйшія дѣла происходили съ соборными совѣщаніями. Въ 1649 году соборъ созывался по поводу составленія судебнаго уложенія. Въ 1650 г. въ Псковѣ произошелъ упорный мятежъ, и по вопросу—что дѣлать съ мятежниками, царь указалъ «быть собору на псковскомъ воровскомъ заводѣ»... На соборѣ указано быть боярамъ, окольничьимъ, городскимъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, московскимъ гостямъ, торговымъ людямъ гостинныхъ, суконныхъ и черныхъ сотенъ, старостамъ по пяти человѣкъ, а изъ черныхъ сотенъ по сотскому. Выборнымъ подробно разсказали все дѣло и предложенъ былъ вопросъ: «Если Псковичи Рафаила епископа и выборныхъ людей не послушаютъ,—то съ ними что дѣлать?» Отвѣта собора не сохранилось, но мѣры усмиренія были въ результатѣ приняты кроткія, рѣшено было не требовать выдачи зачинщиковъ, а стараться лишь бы какънибудь успокоить бунтъ *). Соборъ 1653 года имѣлъ предметомъ

*) Соловьевъ, Ист. Рос., т. X, стр. 1547.

вопросъ о принятіи въ подданство Малороссіи. При Ѳедорѣ Алексѣевичѣ въ 1681 году соборъ разсуждалъ о финансовомъ дѣлѣ, въ 1682—объ уничтоженіи мѣстничества. Соборы дѣйствовали еще въ юности Петра I-го. Въ 1682 году по поводу избранія Іоанна, а въ 1689 году Петръ собралъ соборъ для суда надъ Софьей.

Итакъ, компетенція соборовъ была, можно сказать, универсальная. Но ихъ рѣшенія имѣли только совѣщательное значеніе, за исключеніемъ, конечно, случаевъ междуцарствія, когда соборы становились властью верховною.

- Другимъ важнѣйшимъ средствомъ единенія верховной власти съ націей были установленныя отношенія царей и церкви.

XV.

Общеніе государства и народа въ церковномъ управленіи.

Тѣсную связь царской власти съ націей въ Московскомъ государствѣ еще болѣе усиливали его отношеніе съ церковью и церковнымъ управленіемъ. Въ этомъ отношеніи иногда жалуются, что и въ Московскомъ государствѣ церковное управленіе находилось все-таки въ большой зависимости отъ свѣтской власти. Такія жалобы странны. Невозможно ни представить, ни даже допустить, чтобы государство и церковное управленіе, живя совмѣстно, не вступали въ извѣстныя взаимообязанности. Правильныя отношенія государства къ Церкви вовсе не состоятъ въ подчиненіи государства церковной власти. Государство имѣетъ свои права, которымъ церковное управленіе въ свою очередь обязано подчиняться.

Точно также нельзя себѣ представить, чтобы, при самомъ правильномъ союзѣ государства съ Церковью, никогда не происходило никакихъ незаконныхъ посягательствъ государственныхъ властей на права церковной власти и наоборотъ. Это—какъ всякое нарушеніе нормы—неизбѣжно въ человѣческихъ дѣлахъ. Положеніемъ правильнымъ мы должны признать такое,

которое основано на правильномъ принципѣ и фактически успѣваетъ, въ общей сложности, достигать соблюденія его, хотя бы съ отдѣльными отклоненіями въ обѣ стороны отъ нормы. Въ Московской Руси именно и была достигнута такая правильность.

Вообще церковная жизнь въ Московской Руси была поставлена на правильныя основанія. Духовенство не было кастою, какъ впослѣдствіи. Низшее приходское духовенство избиралось мірянами и пополнялось въ значительной степени людьми непосредственно изъ народа. Монашество подбиралось изо всѣхъ сословій, и въ числѣ его членовъ видное мѣсто занимали люди изъ слоевъ княжескихъ и боярскихъ. Церковная іерархія, первоначально имѣвшая нѣсколько иноземный (греческій) составъ, скоро сдѣлалась вполнѣ національною. Она одинаково блещетъ именами аристократическими и людьми изъ массы народа. Такимъ образомъ, по составу своему, священство и іерархія вполнѣ составляли часть націи.

Дѣйствія церковной власти были проникнуты духомъ соборности. Управительная власть Церкви—митрополиты, а потомъ патріархи, имѣли огромное значеніе, и отдѣльные епископы находились у нихъ въ сильномъ подчиненіи. Въ этомъ отношеніи власть митрополитовъ едва ли уступала патріаршей. Но эта могущественная центральная власть Церкви дѣйствовала во всѣхъ важныхъ случахъ соборнѣ.

Соборы малые и большіе происходили часто, по всѣмъ запросамъ церковной жизни. Уже въ 1274 г. во Владимірѣ происходилъ соборъ «по исправленію церковному» (при митрополитѣ Кириллѣ). Отъ XIII вѣка имѣется уставъ о способѣ избиранія епископовъ. Согласно уставу, для этой цѣли митрополитъ долженъ созвать всѣхъ епископовъ, а отъ неявившихся получить записи на согласіе съ рѣшеніемъ собора. Засимъ соборъ избираетъ трехъ кандидатовъ, изъ числа коихъ уже митрополитъ постановляетъ одного, кого сочтетъ лучшимъ *).

Соборнѣ совершались всѣ важнѣйшія дѣла. Такъ при Ва-

*) Соловьевъ, „Истор. Россіи“ книга 1, стр. 258.

сліи былъ соборъ для изгнанія митрополита Исидора, принявшаго Флорентійскую унію. Соборомъ постановлено самостоятельное избраніе русскихъ митрополитовъ. Въ 1401 году митрополитъ Кипріанъ собралъ соборъ въ Москвѣ для отрѣшенія двухъ епископовъ. Въ 1498 и 1504 г.г. созывались соборы по поводу борьбы съ «жидовской ересью».

Въ 1551 году состоялся знаменитый Стоглавый соборъ. Въ 1554 г. соборъ по поводу ереси Башкина. Вообще по поводу ересей они возникали нерѣдко (какъ въ 1582 и 1698 г.г.), но собирались и по поводу всякихъ другихъ церковныхъ дѣлъ. Такъ было въ 1580 и 1573 г.г., а засимъ соборъ объ исправленіи книгъ, въ 1621 г. о крещеніи латинянъ, 1656 г. о крестномъ знаменіи, въ 1660 и 1666 г.г. по дѣлу патріарха Никона. Соборы происходили до самаго конца XVII вѣка (1684—1698 г.) и былъ даже одинъ въ XVIII.

Огромное значеніе соборовъ, какъ церковной власти, видно уже изъ ихъ столкновеній съ высшими властями іерархіи и государства. Такъ, напримѣръ, ересь жидовствующихъ въ свое время казалась необоримою. Ее усвоилъ даже самъ митрополитъ Зосима, она имѣла видныхъ членовъ при дворѣ, и уже успѣла окружить великаго князя сѣтью такихъ вліяній, что онъ былъ противъ всякой борьбы съ еретиками. Но соборы 1498 и 1504 годовъ справились со всѣми противодѣйствіями. Митрополитъ Зосима принужденъ былъ отречься отъ своего сана, а придворные сторонники ереси потерпѣли жестокую казнь. Конечно православный духъ не можетъ одобрить этихъ казней, но я указываю лишь на огромную силу соборовъ. Она очень наглядно показала себя и въ 1621 г. при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Соборъ 1621 года созванъ былъ въ связи съ вопросомъ о томъ, требуется ли перекрещивать жениха царевны Ирины Михайловны, королевича Вальдемара? Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ крайне желалъ этого брака по причинамъ и личнымъ, и политическимъ. Королевичъ же Вальдемаръ никакъ не хотѣлъ принять перекрещиванія, котораго требовали православные. При дворѣ была партія, убѣждавшая царя въ томъ, что нѣтъ необходимости крещенія, такъ какъ оно у ла-

тинянъ вполнѣ дѣйствительно. Но соборъ рѣшилъ иначе, и царь — счелъ необходимымъ покориться, какъ ни тяжко было ему отказаться отъ Вальдемара.

Современный лѣтописецъ намекаетъ, что даже преждевременная кончина Михаила Ѳеодоровича произошла отъ огорченія по тому дѣлу *).

Вообще соборы представляли вполнѣ реально высшую церковную власть, и государственная власть искренне это признавала, сама обращаясь къ соборамъ при всякихъ недоразумѣніяхъ.

Управительная власть Церкви, митрополиты и патріархи — пользуясь огромною силою, находились въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ царской властью.

Трудно подвести итогъ той пользы, которую это давало верховной власти. Митрополиты издревле старались прекращать удѣльныя распри. Въ 1270 г. митрополитъ Кириллъ писалъ ссорящимся князьямъ: «Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русской землѣ, а вамъ должно слушать Бога и меня. Не проливайте крови». И распря была дѣйствительно прекращена. Когда Борисъ отнялъ Нижній-Новгородъ у Димитрія Суздальскаго, митрополитъ Алексѣй послалъ въ Нижній преподобнаго Сергія уговорить князя возвратить похищенное, и Борисъ смирился. Митрополиты, какъ извѣстно, особенно поддерживали московскаго князя и старались всѣ русскія области стянуть къ Москвѣ; они же всячески поощряли московскимъ великихъ князей къ сверженію татарскаго ига. «Случаевъ, когда митрополиты являлись совѣтниками и помощниками великаго князя, было очень много, говоритъ профессоръ Доброклонскій. Митрополитъ Алексѣй, которому поручено было умирающимъ княземъ Симеономъ руководительство юными его братьями, былъ главнымъ руководителемъ Іоанна Іоанновича, а потомъ Димитрія Іоанновича, въ малолѣтствѣ же его онъ стоялъ во главѣ боярской думы». «Митрополитъ Даніилъ при Василіи Іоанновичѣ пользовался его неизмѣннымъ расположеніемъ».

*) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ. А. Голубцовъ. „Памятники преній о вѣрѣ". 1892 г. Книга 2-я.

Митрополитъ Макарій при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ имѣлъ большое вліяніе на государственную жизнь и на самого царя. Къ нему прибѣгалъ царь, когда нужно было защитить Воронцова отъ Шуйскихъ. У Макарія же царь спрашивалъ совѣта по поводу вступленія своего въ бракъ. Передъ нимъ далъ обѣтъ исправиться послѣ пожара 1547 года. Отправляясь въ походъ противъ Казани, Іоаннъ просилъ благословенія у Макарія и въ походѣ поддерживалъ съ нимъ переписку. На время удаленія изъ Москвы царь оставлялъ государство и семью на попеченіе митрополита. Зная силу митрополита у царя — литовскіе послы обращались неоднократно къ его посредничеству и т. д. *).

Безъ сомнѣнія — со своей стороны царь имѣлъ огромное вліяніе на дѣла церковныя, но этого нельзя разсматривать какъ явленіе ненормальное. Напротивъ: идея союза между государствомъ и церковью естественно требуетъ не какого-либо односторонняго, но взаимнаго вліянія. Особенно это относится къ царской власти, такъ какъ царь является представителемъ мірянъ при высшемъ церковномъ управленіи, въ которомъ міряне имѣютъ свою совершенно законную необходимую долю. Правда, у насъ бывали случаи насильственнаго сведенія митрополитовъ и ихъ заточенія. Но и это совершенно понятно при борьбѣ партій, если митрополиты, по необходимости или по неосторожности и властолюбію, въ нихъ вмѣшиваются.

Что касается случаевъ, въ родѣ столкновенія Іоанна Грознаго съ Митрополитомъ Филиппомъ—то это со стороны царя было не проявленіемъ нормальнаго положенія, а актомъ деспотизма. Но уже одна твердость митрополита въ обличеніи царя показываетъ, какъ глубоко сознавалось право церковной власти на

---

*) А. Доброклонскій „Руководство по исторіи Русской Церкви", часть 2-я. 107. Самъ авторъ не совсѣмъ доволенъ государственно-церковными отношеніями древней Руси, но это зависитъ отъ того, что онъ чрезмѣрно широко понимаетъ „права" церковнаго управленія въ гражданскихъ дѣлахъ.

Нельзя также не упрекнуть проф. Доброклонскаго въ чрезмѣрномъ отождествленіи „церкви" и „іерархической власти". Не должно забывать, что царь и его бояре были тоже членами Церкви.

обличеніе государственной власти и на печалованіе о нуждающихся и обиженныхъ.

Патріархатъ, увеличивая блескъ Церкви, мало измѣнилъ отношенія. Прежде сложившіяся отношенія между церковью и государствомъ не прерывались во весь патріаршій періодъ. Они выражались во взаимномъ вліяніи: государственная жизнь отражалась на церковной, гражданская власть принимала участіе въ дѣлахъ Церкви, подобнымъ же образомъ и церковная власть имѣла значеніе въ жизни государственной. Сферы дѣйствія не были разграничены со всей точностью. Отъ этого въ одно время государственная власть больше, въ другое время меньше вмѣшивалась въ дѣла Церкви; точно также была въ разное время неодинакова дѣятельность, какую церковная власть проявляла на политическомъ поприщѣ *).

Иногда роль церковной власти выростала до чрезвычайности. Такъ было при Гермогенѣ, когда патріархъ сталъ единственнымъ представителемъ націи. Такъ было при Филаретѣ Никитичѣ. Такъ было нѣкоторое время при Никонѣ. Эти отдѣльные случаи обусловливались обстоятельствами и личными качествами представителей государственной и церковной власти. Но въ общей сложности отношенія были самыя тѣсныя, проникнутыя сознаніемъ обоюдной необходимости и внутренней дополняемости. Сверхъ того, отношенія царя съ митрополитами и патріархами были непосредственными, безъ всякихъ «средостѣній». Голосъ церкви и ея іерархіи составлялъ также непремѣнную принадлежность царскаго совѣщанія съ боярами и земскими соборами, а право церковной власти на «печалованіе» о всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ давало новыя связи государя со всѣмъ народомъ.

---

*) Доброклонскій, часть 3-я, 124.

XVI.

Царскій судъ.

Однимъ изъ проявленій и орудій тѣсной нравственной связи государя съ народомъ было въ старой Руси право народа на царскій судъ. Какъ и всѣ отношенія того періода—это право не было осмыслено принципіально, но жило въ сердцахъ, въ чувствахъ князя и народа.

Княжеская власть явилась въ Россіи нераздѣльно съ правомъ и обязанностью суда. Даже самое призваніе князей было мотивировано усобицами и отсутствіемъ правды, почему славянскія племена «рѣша сами въ себѣ: поищемъ себѣ князя, иже бѣ владѣлъ и судилъ по праву».

«Князь, — говоритъ г. Хартулари *), былъ первымъ судьей въ народѣ и высшимъ источникомъ правды, при чемъ право суда и расправа было одновременно его личнымъ правомъ и личною обязанностью, а также одною изъ древнѣйшихъ прерогативъ княжеской власти».

Княжескій дворъ—былъ мѣстомъ суда, и выраженіе «вести на княжій дворъ» означало «вести на судъ». Воззрѣніе на князя именно какъ на судью было столь глубоко, что даже Новгородская республика, имѣвшая въ другихъ сферахъ столь широкое демократическое правленіе, считала необходимымъ удержаніе князя, какъ военачальника и судью.

Само собою разумѣется, что появленіе христіанства могло лишь усилить эту идею. Г. Хартулари оставляетъ безъ должнаго вниманія Византійское государственное право, и потому считаетъ чѣмъ-то специфически-русскимъ то воззрѣніе на царскую власть, которое на самомъ дѣлѣ было вообще христіанскимъ, а выработано яснѣе всего у нашей учительницы той эпохи—Византіи. Между тѣмъ именно это вліяніе христіанства

*) К. Ф. Хартулари. Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности. 2 тома, Спб, 1899 г.

и Византіи усиливало значеніе князя въ дѣлѣ суда. Еще Владиміра Святого греческіе епископы учили, что онъ «поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и добрымъ на милованіе».

Вообще, вліяніе христіанства и Византіи на наши государственныя отношенія состояло, несомнѣнно, въ томъ, что князь, признаваемый богоустановленною властью, тѣмъ самымъ изъ народнаго магистрата все болѣе превращался въ носителя власти верховной. Власть же верховная сама въ себѣ включаетъ право и обязанность суда. Это право и обязанность князя одинаково сознавались и народомъ, и самими князьями.

Въ договорѣ съ княземъ, говоритъ г. Хартулари, населеніе выговариваетъ себѣ прежде всего его личный и непосредственный судъ: «аще кому будетъ изъ насъ обида, то ты прави», говорятъ кіевляне князю Игорю. Высшій образчикъ безпорядка, во время болѣзни князя Всеволода, лѣтописцу представлялся въ томъ, что «людемъ не доходити княжей правды».

Точно также Владиміръ Галицкій заявляетъ о себѣ, что онъ «поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и добрымъ на милованіе». Въ свою очередь, тому же самому учило и духовенство, какъ, напримѣръ, Св. Кириллъ князя Андрея Можайскаго: «а крестьянамъ, господине, не лѣпись управы давать самъ; то, господине, отъ Бога тебѣ вмѣнится выше молитвы и поста».

Являясь высшимъ судьей, князь, конечно, не могъ всѣхъ судить постоянно самолично. Въ замѣну себя онъ назначалъ, поэтому, «мужей своихъ». Они сначала назывались посадниками, позднѣе намѣстниками и волостелями. Эти, въ свою очередь, не имѣя возможности всего рѣшать лично, назначали отъ себя тіуновъ. Но вся эта іерархія «судебнаго вѣдомства» сходилась въ центрѣ къ князю, какъ высшей судебной власти. При этомъ были и разграниченія компетенціи судебныхъ властей, по самому характеру судебныхъ дѣлъ. Такъ, «споры, возникавшіе при взаимныхъ столкновеніяхъ одного и того же рода, или одной и той же общины, предоставлялись княземъ непосредственному домашнему разбирательству старшинъ и начальниковъ рода». Къ числу дѣлъ, наоборотъ, подлежавшихъ личному суду князя, Русская Правда относитъ случаи поимки вора съ поличнымъ и всѣ споры о наслѣдствѣ.

Но во всякомъ случаѣ—высшею судебною инстанціей оставался самъ князь, который, «въ случаѣ какихъ-либо жалобъ на злоупотребленіе властью, требовалъ всякія дѣла къ своему собственному суду *).

Это коренное воззрѣніе на князя было перенесено впослѣдствіи на царей. Бить челомъ великому государю о судныхъ своихъ и иныхъ дѣлахъ является, по мнѣнію народа, его законнымъ и неотъемлемымъ правомъ. Иначе, конечно, не могло и быть.

Причина этого вовсе не въ томъ, кто «лучшій судья», какъ полагаетъ г. Хартулари, а въ томъ, гдѣ послѣдняя инстанція суда. Она всегда, по идеѣ, находится въ верховной власти. Въ демократической странѣ всякій имѣетъ право обратиться къ общественному мнѣнію, т. е. къ народной совѣсти, къ суду и поддержкѣ народа, хотя при этомъ гражданинъ часто вполнѣ сознаетъ, что «общественное мнѣніе» далеко не «лучшій» судья. Но онъ знаетъ также что это—послѣднее прибѣжище, единственный судъ, на который уже не можетъ быть аппелляціи. Такъ точно въ монархіи, пока народъ въ нее вѣритъ,—всякій сознаетъ, что только на царя нѣтъ аппелляціи, только царь есть послѣднее прибѣжище, а потому обиженный и не успокаивается и не покоряется судьбѣ, пока не дойдетъ до самаго царя.

Совершенно естественно, что московскіе цари сохранили свои функціи правосудія. Но по мѣрѣ роста страны, возрастали и трудности отправленія этихъ функцій. Съ одной стороны—обязанности верховной власти вообще усложнялись и увеличивались количественно, поглощая время и силы у государей. Съ другой стороны—непосредственная расправа государева не могла не вызывать пассивнаго отпора со стороны «подзаконныхъ» органовъ управленія, желавшихъ оставаться возможно болѣе самостоятельными.

Въ первой части настоящей книги уже указано было обычное стремленіе управительныхъ властей захватить на себя

*) Ibid, стр. 12.

представительство верховной власти, фактически присвоить ея самодержавіе. Эта точка зрѣнія совершенно проникаетъ и современнаго историка «Царскаго Суда», г. Хартулари.

«Вновь организованныя учрежденія, дѣйствовавшія именемъ государя, говоритъ онъ, по дѣламъ административнымъ и судебнымъ, не допускали (?) уже возможности одновременнаго существованія и параллельной съ ними дѣятельности, по тѣмъ же судебнымъ дѣламъ, отдѣльнаго и самостоятельнаго суда самого государя» (стр. 77). Въ этомъ взглядѣ автора выражается обычная тенденція бюрократіи, нынѣ столь заполонившая всѣ умы. Не трудно видѣть, что въ идеѣ, въ принципѣ, напротивъ, учрежденія, дѣйствующія именемъ верховной власти, по этому самому, непремѣнно, должны подлежать ея фактическому контролю, а ихъ рѣшенія—аппелляціи и кассаціи. Но управительные органы всегда увѣряютъ, будто бы ихъ авторитетъ подрывается правомъ гражданъ обращаться непосредственно къ верховной власти. Это происходитъ, какъ указано въ первой части книги, не въ однихъ монархіяхъ, а еще болѣе въ демократіяхъ. Что касается гражданъ и подданныхъ, они, наоборотъ, никогда не соглашаются стать на точку зрѣнія юристовъ, которые, сами состоя въ числѣ фактическихъ распорядителей «подзаконныхъ учрежденій, естественно склонны слишкомъ рьяно «охранять авторитетъ» ихъ, т. е., въ сущности, свой собственный, тогда какъ граждане и подданные столь же естественно желаютъ выше всего и прежде всего охранять авторитетъ верховной власти (при всякой формѣ правленія), ибо лишь она охраняетъ ихъ самихъ отъ узурпаціи со стороны «подзаконныхъ учрежденій».

Тѣмъ не менѣе, кромѣ этой обычной борьбы между «магистратами» и верховною властью, было, конечно, и вполнѣ основательное затрудненіе къ непосредственному суду царя—въ физической невозможности такого суда, по множеству дѣлъ. Казалось бы, что это затрудненіе устранимо путемъ устройства при государѣ высшей контрольной и аппелляціонной инстанціи по важнѣйшимъ дѣламъ. Но это задача далеко не легкая, и вмѣсто того на Руси явился сначала нѣкоторый компромиссъ.

Г. Хартулари обрисовываетъ его такимъ образомъ.

«Московскіе государи, въ сознаніи того политическаго значенія, какое имѣетъ, въ интересахъ власти, ихъ личный судъ по челобитнымъ народа, не рѣшаются отмѣнить его совершенно, но сохраняютъ за собою, въ смыслѣ послѣдняго вида государевой расправы, при чемъ придаютъ такому исключительному способу отправленія правосудія значеніе не обязанности, какъ это было прежде, а только личной прерогативы, которою располагаютъ по собственному усмотрѣнію, примѣняя ее въ точно-опредѣленныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, по дѣламъ лицъ и учрежденій, коимъ жалованными грамотами предоставлялась привилегія судиться у великаго князя, или по дѣламъ мѣстничества» и т. д., или «держать свой личный судъ, въ видѣ милости лицамъ, имѣющимъ наиболѣе правъ въ государствѣ».

Нельзя, конечно, согласиться съ такимъ объясненіемъ г. Хартулари. Въ дѣйствительности было нѣчто иное.

Государевъ судъ, въ силу требованій народа, не могъ быть упраздненъ принципіально, а въ силу несовершенства учрежденій не могъ быть организованъ правильно, т. е. именно «въ точно-опредѣленныхъ случаяхъ». Въ результатѣ и явился судъ случайный. Народу вообще было воспрещено обращаться съ челобитными непосредственно къ государю, но «ни воспрещеніе, ни административное воздѣйствіе, направленное къ побужденію народа подавать свои челобитныя не государю лично, а въ существующія учрежденія, не имѣли никакого успѣха» (стр. 78).

И вотъ Іоанну Грозному, въ трудную эпоху мятежей, пришлось впервые создать своего рода комиссію прошеній на высочайшее имя приносимыхъ.

Въ 1550 году, собравъ народъ на Красной Площади, Іоаннъ Грозный произнесъ рѣчь, въ которой очертивъ все, что, по его выраженію, вельможи «похитили моимъ именемъ», объявилъ, что отнынѣ «*я самъ буду вамъ, сколь возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать*» (стр. 87—88).

Въ этихъ видахъ, Алексѣю Адашеву было поручено «принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и разбирать ихъ внимательно». При Адашевѣ было назначено нѣсколько судей. О дѣлахъ докладывалось царю, который, такимъ образомъ, «самъ началъ судить многіе суды и разыскивать праведно». Г. Хартулари приводитъ въ приложеніяхъ любопытные образчики этой судебной дѣятельности государя, и справедливо усматриваетъ въ Алексѣѣ Адашевѣ перваго статсъ-секретаря у принятія прошеній (стр. 273).

Самое учрежденіе, по удаленіи Адашева, получило даже особое названіе *Челобитной избы*, или Приказа. Дѣятельность его вполнѣ очерчена запискою о царскомъ дворѣ: «Какъ государь куда пойдетъ, бьютъ челомъ всякіе люди, и предъ государемъ бояринъ и дьякъ того Приказу (Челобитнаго) принимаютъ челобитныя и по нимъ расправу чинятъ, а которыхъ не могутъ—тѣ къ государю вносятъ».

Челобитный Приказъ служилъ также органомъ царскаго надзора за всякими приказными людьми, и вообще представлялъ личную канцелярію государя, являясь «прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ однородныхъ съ нимъ учрежденій, начиная съ рекетмейстерской части, и кончая комиссіей прошеній и особымъ присутствіемъ при государственномъ совѣтѣ» *).

Съ этимъ замѣчательнымъ учрежденіемъ Россія пережила весь московскій періодъ до самаго Петра I, несмотря на то что послѣ Грознаго снова явились обычныя помѣхи непосредственному суду царя. Даже Алексѣй Михайловичъ, который угрожалъ наказаніями за обращеніе къ себѣ помимо законныхъ инстанцій, все-таки нерѣдко «судилъ самъ или его сынъ въ своихъ покояхъ» (стр. 89).

*) Хартулари, стр. 275.

XVII.

Единеніе царя и народа въ управительной области. Самоуправленіе.

Такимъ образомъ, царь находился съ націей въ непосредственномъ общеніи во всей области законодательства и суда. Но то же единеніе было проведено и во всемъ управленіи.

Въ качествѣ центральныхъ управительныхъ учрежденій, около государя имѣлись «приказы», нѣкоторое подобіе министерствъ. Они въ разное время носили разныя названія, ихъ компетенція не была, съ нашей точки зрѣнія, правильно спеціализирована. Возникли они изъ того, что государи приказывали кому нибудь изъ бояръ вѣдать дѣла извѣстной категоріи, при чемъ начальнику, конечно, придавался штатъ служащихъ, и возникало цѣлое учрежденіе — «приказъ». Приказы, вѣдавшіе рядъ дѣлъ, иногда потомъ раздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ, иногда нѣсколько приказовъ сливались въ одинъ. Каждый приказъ имѣлъ свои средства; на его содержаніе приписывались города и окладные люди, съ которыхъ онъ и получалъ доходы. Начальниками приказовъ бывали и члены боярской думы, и особо назначенныя лица, но всѣ они вели дѣла съ докладами государю и по его указаніямъ.

Въ многочисленныхъ канцеляріяхъ приказовъ было множество дьяковъ, которые иногда завѣдывали самими приказами, и подъячихъ трехъ «статей»: старшихъ, среднихъ и младшихъ. Это былъ элементъ чисто бюрократическій, игравшій огромную роль не только фактически («быть такъ, какъ помѣтилъ дьякъ», гласила пословица), но иногда занимавшій авторитетное положеніе и въ самой боярской думѣ.

Таково было управленіе центральное. На областное, мѣстное, посылались воеводы, но кромѣ нихъ существовали многочисленныя общественныя выборныя власти.

Компетенція воеводъ была сложна и обширна. Воевода, какъ представитель царя, долженъ былъ смотрѣть рѣшительно за всѣмъ: «чтобы все государево было цѣло, чтобы вездѣ были

сторожа; беречь накрѣпко, чтобы въ городѣ и уѣздѣ не было разбоя, воровства, убійства, бою, грабежа, корчемства, распутства; кто объявится въ этихъ преступленіяхъ, того брать, и, по сыску, наказывать. Воевода судилъ и во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ» *).

Воевода вѣдалъ вообще всѣми отраслями вѣдѣнія самого государя, но власть его не безусловна, и онъ ее практиковалъ совмѣстно съ представителями общественнаго самоуправленія.

Вторымъ лицомъ послѣ воеводы является губной староста **), вѣдавшій дѣла уголовныя. Его выбирали дворяне и боярскія дѣти. Иногда же онъ и назначался свыше.

Затѣмъ слѣдуетъ земскій головной староста—власть выборная городскимъ и уѣзднымъ населеніемъ. При немъ состояли выборные отъ уѣздныхъ крестьянъ совѣтники. Они составляли земскую избу. Дѣло земскаго старосты и совѣтныхъ его людей состояло въ раскладкѣ податей, выборѣ окладчиковъ и цѣловальниковъ (цѣловавшихъ крестъ). Въ дѣло распредѣленія оклада воевода не могъ вмѣшиваться, точно также и въ выборы, не могъ смѣнять выборныхъ лицъ, и вообще не имѣлъ права вступаться въ «мірскія дѣла». Кромѣ выборовъ, земская изба завѣдывала городскимъ хозяйствомъ, разверсткой земли и могла обсуждать вообще всѣ нужды посадскихъ уѣздныхъ людей, доводя о чемъ считала нужнымъ, воеводѣ или же въ Москву.

Земскій головной староста былъ представителемъ «міра» передъ правительствомъ, долженъ былъ защищать міръ отъ воеводы.

У крестьянъ уѣздныхъ, кромѣ общей съ городомъ земской избы, были и свои власти. Крестьяне выбирали своихъ общинныхъ старостъ, «посыльщиковъ» (для сношеній съ воеводою и его приказными людьми), выбирали земскаго пристава «для государева дѣла и денежныхъ сборовъ». Были волости, выбиравшія земскихъ судей, цѣловальниковъ (полицейскія власти) и сотскихъ. Приходы выбирали также священниковъ и церков-

*) Соловьевъ, т. XIII, стр. 700 и слѣд.

**) Терминъ „губной" у насъ имѣлъ двоякій смыслъ: были власти губныя, т. е. областныя (отъ слова губа), и власти и дѣла губныя въ смыслѣ уголовномъ (отъ слова губить, погубить).

ныхъ дьячковъ, которые имѣли значеніе сельскихъ писарей. По грамотамъ Грознаго, монастырскіе крестьяне выбирали у себя приказчиковъ, старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, а для «губныхъ дѣлъ» (уголовныхъ)— губныхъ приказчиковъ, губныхъ цѣловальниковъ и дьячковъ. Монастыри опредѣляли свои отношенія къ крестьянамъ «уставными грамотами» *).

По царскому судебнику всякіе правители, назначаемые въ города и волости, не могли судить дѣлъ безъ общественныхъ представителей: «на судѣ у нихъ быть—дворскому и старостѣ, и лучшимъ людямъ» **). Бѣляевъ замѣчаетъ, что законъ въ этомъ отношеніи не полагалъ различія между крестьянами вольными и владѣльческими.

Наконецъ, по всѣмъ вообще дѣламъ—весь народъ имѣлъ самое широкое право обращенія къ Государю. «Правительство, замѣчаетъ Соловьевъ, не оставалось глухо къ челобитьямъ. Просилъ какой нибудь міръ выборнаго чиновника вмѣсто короннаго—правительство охотно соглашалось. Бьютъ челомъ, чтобы городового приказчика (по нашему коменданта) отставить и выбрать новаго міромъ: государь велитъ выбирать»***) и т. д.

Въ общей сложности—система управительныхъ властей Московскаго государства отличалась множествомъ техническихъ несовершенствъ, случайностью складыванья учрежденій, отсутствіемъ ихъ спеціализаціи и т. д. Но въ этой системѣ управленія было одно драгоцѣнное качество: широкое допущеніе аристократическаго и демократическаго элементовъ, пользованіе ихъ общими силами, подъ верховенствомъ царской власти, со всеобщимъ правомъ челобитья къ царю. Это давало верховной власти широкое освѣдомленіе, сближало ее съ жизнью всѣхъ сословій, и во всѣхъ Русскихъ вселяло глубокое убѣжденіе въ реальности верховной власти, все направляющей и все устраивающей.

---

*) Соловьевъ, томъ VII, стр. 661.
**) Бѣляевъ, „Крестьяне на Руси".
***) Соловьевъ, томъ XIII, стр. 715.

ОТДѢЛЪ III.

Слабыя стороны русской государственности.

ГЛАВА XVIII.

Недостатокъ сознательности.

Если судить по чистотѣ и правильности государственныхъ основъ, заложенныхъ у насъ исторіей, то Россію должно бы признать самою типичною на свѣтѣ монархической страной. Можно было бы ожидать видѣть въ нашихъ учрежденіяхъ замѣчательные образцы монархической государственности. На самомъ дѣлѣ—ничего подобнаго не замѣчается. Причина этого состоитъ въ томъ, что въ отношеніи *политической сознательности* Россія всегда была и остается до крайности слаба. Отъ этого въ русской государственности чрезвычайно много смутнаго, спутаннаго, противурѣчиваго и слабаго.

Этотъ недостатокъ сознательности, самопониманія, бросается въ глаза уже въ «стихійности» нашей исторіи, которая отмѣчается всѣми историками, а иными даже считается чѣмъ то очень сильнымъ. На самомъ дѣлѣ это весьма печальная сторона нашего политическаго существованія.

Безъ сомнѣнія сила *инстинкта* въ русскомъ народѣ очень велика, и это само по себѣ цѣнно, ибо инстинктъ есть голосъ внутренняго чувства. Прочность чувства, создающаго идеалы нравственной жизни, какъ основы политическаго существованія—качество драгоцѣнное. Но имъ однимъ нельзя устраи-

вать государственныхъ отношеній. Для сильнаго, прочнаго и систематическаго дѣйствія, политическая идея должна *сознать себя, какъ политическая.* Она должна имѣть свою политическую философію и систему права. Этого у насъ никогда не было.

Въ политикѣ древняя Россія выработала общую идею самодержавнаго царя. Сообразно съ ней, царь имѣетъ всю власть, не можетъ быть ничѣмъ ограниченъ, кромѣ религіи, царь священно-неприкосновенъ въ своей личности, царская династія имѣетъ исключительныя права на престолъ, передъ царемъ всѣ равны, царь о всѣхъ равно заботится и т. д. Этими и тому подобными представленіями ограничивалась наша политическая философія. Но этого недостаточно: нужно знать, чѣмъ сохраняется такая власть, каковы удобнѣйшіе способы ея дѣйствія, каково должно быть устройство управительныхъ учрежденій, каковы удобнѣйшія отношенія подданныхъ къ верховной власти и гражданъ къ правительству, каковы права гражданъ и личности и т. д. Ничего этого у насъ не разбиралось, не опредѣлялось сознаніемъ.

За самодержавную власть народъ стоялъ твердо, какъ скала. Безъ царя онъ не представлялъ себѣ своей страны. Народъ вынесъ всѣ казни Грознаго, не только безъ протеста, но даже умѣлъ почувствовать въ этомъ царѣ то, чего и доселѣ не понимаютъ многіе ученые историки и юристы: дѣйствительно великаго устроителя земли русской.

Царской идеѣ верховной власти народъ не измѣнялъ съ тѣхъ поръ до сего времени никогда. Попытки явнаго ограниченія самодержавія у насъ доселѣ никогда не удавались. Но если такое убѣжденіе народа даетъ очень прочную опору государственности, то все же не создаетъ для государственной устроительной дѣятельности никакихъ ясныхъ путей. Царь можетъ дѣлать все. Но есть дѣйствія практичныя и непрактичныя, сообразованныя съ природой этой формы власти и несообразованныя, и даже ее подрывающія... Во всѣхъ этихъ вопросахъ русское политическое сознаніе не давало верховной власти никакихъ ясныхъ указаній, никакой помощи.

Этотъ недостатокъ политической сознательности, политиче-

ски просвѣщенной мысли, сказывался вредными послѣдствіями уже и въ Московской Россіи, главнымъ образомъ въ видѣ нестройности дѣйствія учрежденій, проникнутаго характеромъ оппортунизма во всемъ, что не касалось непосредственно правъ верховной власти. Ее одну мы оберегали систематически. Въ отношеніи управительномъ системы не было. Отъ этого въ Московской Руси административное управленіе отличалось крайней нестройностью. Въ отношеніи судебномъ верховная власть, по случайнымъ соображеніямъ удобства, чуть даже не подорвала своей основной идеи. Подъ прикрытіемъ того же оппортунизма—всегдашняго слѣдствія отсутствія ясной системы—уже въ Московской Руси широко развилась борьба бюрократіи противъ земства, и это обстоятельство, безъ сомнѣнія, угрожало бы очень опаснымъ послѣдствіями, если бы ихъ не устранила временно реформа Петра I.

Однако и въ новый періодъ, Петербургскій, недостатокъ политической сознательности не только не уменьшился, а сталъ угрожать еще большимъ зломъ: трансформаціей самодержавной власти въ абсолютистскую. Тутъ уже передъ русской государственностью явилась опасность принципіальнаго перерожденія, влекущаго за собою потрясеніе самаго монархизма.

На этомъ мы остановимся ниже. Сначала необходимо еще бросить взглядъ на политическую практику Московской Руси.

ГЛАВА XIX.

Шаткость политическаго строенія.

Петръ Великій говорилъ, что его задачу составляетъ «возстановленіе разрушенныхъ храминъ». Это было не пустое слово. Дѣйствительно, въ Московской Россіи, послѣ возстановленія самодержавія, съ окончаніемъ смутнаго времени, государственное строеніе, столь счастливо поставленное въ основаніяхъ, было далеко не гладко. То же самое можно сказать и о временахъ предшествовавшихъ. Но въ Россіи вре-

менъ Романовыхъ сложность государственныхъ функцій стала заявлять себя все болѣе настоятельно, а потому и недостатокъ продуманной политической системы сказывался болѣзненнѣе.

Вообще Россія Московскаго періода представляла лишь первые наброски государственности, въ которой ясно опредѣлились лишь характеръ верховной власти, да общинный бытъ народа. Все промежуточное, вся система управительныхъ органовъ, слагалась кое-какъ, по вдохновенію, по случайнымъ обстоятельствамъ текущаго дня.

Образецъ этого составляютъ даже тогдашнія «министерства», т. е. «Приказы». Спеціализація высшихъ управительныхъ учрежденій происходила или по случайнымъ историческимъ обстоятельствамъ, или по еще болѣе случайному приказу царя. Не существовало даже отдѣленія военнаго управленія отъ гражданскаго, по характеру тогдашней системы обороны государства. «Приказы» раздѣлялись не по разрядамъ дѣлъ, а по лицамъ, которымъ государь *приказывалъ* вѣдать свои государевы дѣла. Иногда совершенно различныя отрасли управленія сосредоточивались въ одномъ приказѣ такого то боярина, иногда отрасли одного и того же дѣла разбивались по разнымъ приказамъ. Такъ, напримѣръ, приказъ тайныхъ дѣлъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, вѣдалъ: 1—секретныя сношенія государя, 2—его переписку, 3—соколиную охоту, 4—изготовленіе грамотъ. Но леченіе царя относилось уже къ другому приказу, аптекарскому. Дѣло правосудія было раздроблено по нѣсколькимъ приказамъ: разбойный вѣдалъ уголовными дѣлами, а по гражданскимъ дѣламъ существовало два особыхъ приказа—московскій судный и владимірскій судный. Военное дѣло было разбито по множеству приказовъ, но за то приказъ разрядный одновременно вѣдалъ назначенія лицъ по военной и гражданской службѣ. Финансовое дѣло было разбито, можно сказать, по всѣмъ приказамъ, каждый изъ которыхъ долженъ былъ самъ добывать себѣ средства. Для этого приказамъ давались особые города или области, или спеціальныя доходныя статьи. Сверхъ такого общаго «порядка», по финансовымъ дѣламъ существовало еще четыре

особыхъ приказа: казенный дворъ, большая казна, большой приходъ, счетный приказъ. Наконецъ, особые приказы существовали для управленія нѣкоторыми областями.

Это несистематизированное, путаное управленіе сложилось случайнымъ нарастаніемъ функцій личнаго хозяйства великихъ князей, присоединеніемъ новыхъ областей, или просто случайными приказаніями великихъ князей и царей, поручавшихъ различныя дѣла лицамъ, которымъ они довѣряли. Понятно, что въ концѣ-концовъ управленіе 60 и болѣе приказовъ, столь случайнаго характера, дѣлалось почти недоступнымъ для контроля и давало обширное поле всевозможнымъ злоупотребленіямъ. Да особаго контроля и не существовало. Должности давались по довѣрію государя. Никому не воспрещалось жаловаться, и нарушители царскаго довѣрія иногда жестоко наказывались. Но во всей системѣ государственнаго управленія менѣе всего думали о предупрежденіи преступленій, не имѣли средствъ для пресѣченія ихъ, а усердно практиковали только кару. Наказанія были страшны, способы пресѣченія слабы, а способы предупрежденія совершенно отсутствовали. При такихъ условіяхъ, для всякаго преступленія всегда жила надежда, что дѣло до наказанія дойдетъ не скоро, или вовсе не дойдетъ.

Несовершенство управительныхъ учрежденій въ Москвѣ очень хорошо сознавалось правительствомъ, и оно ихъ безпрерывно передѣлывало. Но для этого не имѣлось руководящихъ административныхъ и юридическихъ принциповъ. Дѣйствовали ощупью, по глазу, по случайнымъ условіямъ.

У верховной власти, благодаря ея чисто самодержавному характеру, было одно драгоцѣнное свойство: готовность и даже особая наклонность пользоваться въ дѣлѣ управленія имѣющимися соціальными силами, посколько онѣ казались подходящими къ этому по своимъ свойствамъ. Но для оцѣнки свойствъ этихъ соціальныхъ слоевъ и силъ не существовало никакого принципа, никакой ясной системы. Отношеніе къ нимъ поэтому было очень неровно, непостоянно. А этимъ не

могли не подрываться способности соціальныхъ слоевъ къ государственному дѣлу.

Безъ сомнѣнія, лучшимъ государственнымъ слоемъ для дѣла управленія былъ княжескій и боярскій. Но несомнѣнно также, что въ этомъ слоѣ были сильны тѣ тенденціи, которыя въ сосѣдней Польшѣ подорвали королевскую власть и создали нѣчто вродѣ дворянской республики. Наши государи справедливо держались на сторожѣ противъ этихъ тенденцій знати. Но борьба Грознаго противъ аристократіи, при всей своей пользѣ по существу, несомнѣнно заходила за предѣлы необходимаго. Онъ замыслилъ не только смирить аристократію, но вырвать ее съ корнемъ изъ народа. Таковъ былъ смыслъ его опричнины, какъ хорошо выяснилъ пр. Платоновъ *).

Царь систематически бралъ въ опричнину именно тѣ области, въ которыхъ съ удѣльныхъ временъ была глубоко вкоренена аристократія, крѣпко сросшаяся съ народомъ. Этихъ извѣчныхъ владѣльцевъ своихъ земель и «подданныхъ», Іоаннъ Грозный выбрасывалъ изъ насиженныхъ гнѣздъ и надѣлялъ другими помѣстьями, но уже какъ своимъ жалованьемъ, и притомъ въ мѣстахъ, гдѣ эти аристократы не имѣли ничего общаго съ народомъ и даже падали къ нему на шею, какъ непривычная и нежелательная тягота. Особенно усердно переводились они на окраины, гдѣ народъ состоялъ по преимуществу изъ бѣглыхъ, вольницы, ненавидѣвшей «господъ», и ушедшей подальше именно для того, чтобы отъ нихъ избавиться. Тутъ уже Грозный не могъ бояться вліянія новыхъ владѣльцевъ, которые среди ненавидящаго ихъ населенія только и могли держаться помощью царя. На прежнія же мѣста царь сажалъ новыхъ людей, своихъ любимцевъ, большею частью не родовитыхъ, чуждыхъ населенію. Сверхъ того, Іоаннъ Грозный всемѣрно поощрялъ народное самоуправленіе.

Эта страшная система, дѣйствительно глубоко задуманная и выполненная съ желѣзной энергіей, сломала княжеско-бояр-

*) С. Ѳ. Платоновъ. „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ". Спб. 1899 г.

скую аристократію безповоротно. Но такая революція не могла не порождать страшнаго соціальнаго разстройства. Чрезвычайная неразвитость народной массы была причиною того, что народъ не могъ хорошо поставить своего самоуправленія именно съ той стороны, которая всегда особенно важна для государства. Народъ—демократія—не умѣлъ разумно согласовать своихъ мѣстныхъ интересовъ съ общегосударственными потребностями. Это искусство, можно сказать, спеціально принадлежало аристократіи, которую такъ радикально подорвалъ Грозный царь.

Что касается демократическаго самоуправленія, то его малую способность согласовать свои интересы съ общегосударственными тогда же показало казачество, которое превосходно сплачивалось для своихъ дѣлъ и цѣлей, но въ отношеніи государства и земщины сплошь и рядомъ являлось силой чисто разрушительной, почти анархической.

Россія земская, въ принципѣ глубоко государственная, фактически, по невѣжеству, не умѣла вести «дѣлъ государевыхъ». Множество возмущеній, потрясавшихъ Россію въ разныхъ мѣстахъ, постоянно связаны съ самыми дикими, фантастическими мотивами и стремленіями. Въ народѣ было слишкомъ мало людей, которые по своей развитости и кругозору, могли бы успѣшно служить дѣлу государеву.

Такимъ образомъ, подрывая аристократію, царская власть не могла находить въ земщинѣ достаточно силъ для исполненія соціальной роли аристократіи.

Правда, что на мѣсто крупной аристократіи московская власть очень охотно поддерживала среднее служилое сословіе, впослѣдствіи составившее главную массу нашего дворянства. Это помѣстное дворянство составляло и тогда важную часть земщины. Но и оно рѣдко стояло на высотѣ, достаточной для падежной мѣстной службы. Ляпуновы еще были рѣдкимъ явленіемъ, и только послѣ Петровской реформы дворянство развернуло всѣ свои силы.

Въ Московской Руси верховная власть не имѣла достаточно соображеній для того, чтобы разобраться въ сложномъ

вопросѣ о наилучшей комбинаціи аристократическихъ, демократическихъ и бюрократическихъ началъ въ постановкѣ управленія. А сами они, естественно, боролись между собою и готовы были на всякіе захваты каждый разъ, когда не замѣчали сдержки и регуляціи верховной власти.

Въ этой борьбѣ сословій въ XVII вѣкѣ и начала дѣлать видные успѣхи *приказная бюрократія.*

XX.

Появленіе бюрократіи.

При неразвитости земщины и недовѣрія власти къ аристократіи, бюрократическій элементъ приказовъ получилъ широкую почву для развитія. Въ XVII вѣкѣ бюрократія стала вытѣснять аристократію въ высшемъ управленіи, и земщину въ низшемъ. Дьяки начали играть огромную роль даже въ боярской думѣ, а въ то же время ослабѣвшія родовитыя фамиліи начали усвапвать бюрократическій характеръ. Въ этой бюрократіи уже тогда являются замашки сдѣлаться единственнымъ органомъ управленія.

Съ самаго смутнаго времени, бюрократія, съ одной стороны, стремится уравнять служилыя права знатныхъ и незнатныхъ, уничтожить мѣстничество, а въ то же время— уничтожить и мѣстное самоуправленіе. Ни аристократія, скомпрометированная въ смутное время, ни земщина, спасшая тогда Россію и самодержавіе, не уступали своихъ правъ безъ борьбы, но въ общей сложности перевѣсъ оставался за бюрократіей. Постепенно, каждое десятилѣтіе, возвышеніе приказнаго и чиновничьяго элемента насчетъ остальныхъ характеризуетъ нашъ семнадцатый вѣкъ.

Политика верховной власти была не одинакова. Поддержка самоуправленія, со временъ Грознаго, составляла традицію при Ѳеодорѣ, Борисѣ и даже при самозванцѣ. Царь Борисъ поддерживалъ въ ущербъ боярству и народнымъ массамъ

среднее служилое сословіе, но оно было не бюрократическимъ, а земскимъ сословіемъ. При Василіи Шуйскомъ началось возвышеніе знати, а вмѣсто губныхъ старостъ начали ставить воеводъ. Вѣроятно, необходимость считаться съ боярствомъ заставила и Михаила Ѳеодоровича, царя, поставленнаго земскими людьми, продолжить на первое время политику Василія Шуйскаго. По Соловьеву, извѣстно до 33 городовъ, въ которыхъ, при Михаилѣ, были назначены воеводы, вмѣсто губныхъ старостъ, выборныхъ судей и городовыхъ приказчиковъ. Извѣстны тоже многочисленныя жалобы царю на этотъ новый порядокъ, и Михаилъ, въ удовлетвореніе жалобщиковъ, возстановлялъ самоуправленіе.

Такъ въ 1614 году жаловались, что «Устюжны Желѣзнопольской посадскіе люди, старосты и цѣловальники, сотскіе и десятскіе и всѣ крестьяне лучшіе, средніе и младшіе люди отъ волостного суда и отъ его пошлинныхъ людей отставлены». На эту жалобу было приказано: «Быть у нихъ въ судьяхъ ихъ же посадскимъ людямъ, которыхъ выберутъ всѣмъ своимъ посадомъ».

Въ 1622 году Устьянскія волости жаловались на новоявленныхъ у нихъ приказныхъ людей и просили о самоуправленіи. Просьба также была уважена. «Въ 1627 году государь указалъ во всѣхъ городахъ устроить губныхъ старостъ, дворянъ добрыхъ...» Иногда города просили, чтобы воеводамъ у нихъ не быть, а быть однимъ губнымъ старостамъ. Государь обыкновенно соглашался и на это, и тогда губной староста получалъ наказъ, одинаковый съ воеводскимъ. Иногда города, напротивъ, сами просили о назначеніи воеводъ, но при этомъ указывали лицо, которое желали бы имѣть воеводой... Такъ сдѣлали Дмитровъ въ 1641 году, Угличъ въ 1641 году, Кашинъ въ 1644 году.

Но несмотря на это вниманіе Царя къ желаніямъ народа, процессъ утѣсненія земщины шелъ поступательно, и служилобюрократическіе элементы вызвали громкія жалобы собора

*) Соловьевъ, т. IX, стр. 1327.

1642 года. На соборѣ Никита Беклемишевъ и Тимофей Желябужскій говорили, чтобы сборъ денегъ совершался не приказными.

«Для сбора денегъ на жалованье ратнымъ людямъ пусть государь прикажетъ выбрать изъ всѣхъ чиновъ человѣкъ добрыхъ по два и по три, да чтобы государь пожаловалъ— сдѣлалъ при сборѣ денегъ разницу между богатыми и бѣдными: указалъ бы брать съ большихъ мѣстъ, съ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми помѣстій и вотчинъ много, а у иныхъ за окладами много лишней земли, да они же ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянуть».

Городскіе дворяне—суздальцы, юрьевцы, переяславцы, костромичи, смольняне, галичане, арзамасцы, новгородцы, ржевцы, зубцовцы, торопчане, ростовцы, пошехонцы, новоторжцы, гороховцы—просили брать людей съ «обогатѣвшихъ и отяжелѣвшихъ» и сказали:

«Твои государевы дьяки и подъячіе твоимъ денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами пожалованы, а будучи безпрестанно у твоихъ дѣлъ *и обогатѣвъ многимъ богатствомъ неправеднымъ, отъ своего мздоимства*, покупили многія вотчины, и дома свои построили многіе, палаты каменныя такія, что неудобь сказуемыя. При блаженной памяти, при прежнихъ государяхъ, у великородныхъ людей такихъ домовъ не было». Далѣе дворяне просятъ сдѣлать точную роспись вотчинамъ и помѣстьямъ у всякихъ чиновъ людей, въ томъ числѣ у дьяковъ и подъячихъ, и составить уложенье, со сколькихъ крестьянъ служить безъ жалованья, а у кого окажутся лишніе противъ этого крестьяне, то брать деньги за это въ казну на жалованье ратнымъ. Нужно также, говорили они, произвести учетъ приказнымъ, дьякамъ, подъячимъ, таможеннымъ, «чтобъ казна безъ вѣдомости не терялась». «А ту свою государеву казну вели собирать своимъ государевымъ гостямъ и земскимъ людямъ». «А которые люди теперь въ твоихъ городахъ по воеводствамъ и приказамъ—вели имъ быть на твою службу противъ басурмановъ».

Тоже самое сказали южные дворяне, прибавивши: «*А разорены мы пуще Турскихъ и Крымскихъ басурмановъ—московскою волокитою, отъ неправдъ и неправедныхъ судовъ*»...

Противъ той же бюрократіи, въ пользу самоуправленія, говорили на соборѣ и торговые люди:

«А въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца *отъ твоихъ государевыхъ воеводъ*... При прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились сами между собой. Воеводъ въ городахъ не было: воеводы посылались съ ратными людьми только въ украинскіе города для береженья отъ Турскихъ, Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ». Тоже самое говорили, и жаловались на разоренье, и «черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе и старостишки и всѣ тяглые людишки»... Земщина, отъ дворянъ до черни, вся жаловалась на бюрократію.

Но любопытно, что и тогда уже бюрократія умѣла подносить на Высочайшее воззрѣніе только то, что хотѣла пропустить ея цензура: «Въ выписяхъ, сдѣланныхъ изъ рѣчей, вѣроятно для государя, говоритъ С. Соловьевъ, *жалобъ на злоупотребленія не находится*»... *).

Эти жалобы земщины и стремленіе возстановить самоуправленіе въ прежнихъ размѣрахъ относятся уже къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича. Онъ скончался въ 1645 году. Но большихъ результатовъ жалобъ не замѣтно при «Тишайшемъ Царѣ». Уложенье Алексѣя Михаиловича, составленное въ 1649 году, вообще «враждебно самоуправленію»**), по выраженію С. М. Соловьева, и вполнѣ предоставляетъ судъ воеводамъ и приказнымъ людямъ, хотя для составленія Уложенія созывался особый земскій соборъ. При Алексѣѣ же Михайловичѣ было снова воспрещено обращаться къ царю съ челобитными, помимо установленныхъ учрежденій, хотя, несмотря на это, государь иногда производилъ и личный судъ ***).

---

*) Соловьевъ, томъ 9, стр. 1256—1259.

**) Исторія Россіи, томъ XIII, стр. 659.

***) Хартуларіи, стр. 89.

При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ бюрократія сдѣлала новые успѣхи. Въ 1679 году отмѣнены были всѣ городѣльцы, сыщики, губные старосты, ямскіе прикащики, сословные головы и всѣ дѣла ихъ велѣно сдать воеводамъ. Происшедшее тутъ же уничтоженіе мѣстничества, при всей разумности и пользѣ этого, усиливало бюрократію насчетъ аристократіи.

Впрочемъ, при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, знать со своей стороны сдѣлала попытку укрѣпить свое шатающееся положеніе путемъ созданія наслѣдственныхъ сатрапій. Попытка едва не увѣнчалась успѣхомъ, но Монархія была выручена Церковью. Возникъ, именно, проектъ учредить по областямъ намѣстниковъ изъ великородныхъ бояръ, и притомъ «навѣчно», давъ этимъ сатрапамъ «титла тѣхъ царствъ», то есть напримѣръ Казанскаго, Астраханскаго и т. п. Знать успѣла уже получить согласіе государя на свой проектъ, но дѣлу ея помѣшалъ патріархъ Іоакимъ, который сдѣлалъ государю представленіе объ опасности затѣи.

Какъ бы, говорилъ патріархъ, «по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши Московскихъ Царей Самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили» *).

Въ результатѣ изъ этой затѣи ничего не вышло, какъ не вышло ничего въ XIII вѣкѣ изъ замысловъ верховниковъ. Знать пропустила свое время, да впрочемъ времени для нея и никогда не было на Руси. Въ данную же эпоху росла болѣе всего бюрократія.

Господство воеводъ и приказовъ, какъ извѣстно, далеко не шло впрокъ управленію, которое при Алексѣѣ Михаиловичѣ и Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было весьма неудовлетворительно и вызывало самыя опасныя смуты въ странѣ. Царствованіе Алексѣя Михаиловича буквально наполнено бунтами—въ Москвѣ, въ Новгородѣ, въ Поволжьѣ (Стенька Разинъ), и всѣ эти мятежи повсюду находятся въ связи съ народнымъ протестомъ противъ воеводъ и приказныхъ. Недовѣріе и даже ненависть къ бюрократическому элементу проявлялись всюду, а между

*) Соловьевъ, томъ XIII, стр. 880—881.

тѣмъ эти бюрократическія учрежденія, немедленно же по кончинѣ царя Ѳеодора, при возникшихъ смутахъ, оказались ниже всякой критики, по малодушію бюрократіи, ея неумѣлости и своекорыстному забвенію государственныхъ интересовъ.

Такъ наступила эпоха неслыханнаго въ Россіи двоевластія Іоанна и Петра, и даже троевластія, если считать царевну Софію, время, когда горсть бунтующихъ стрѣльцовъ могла держать въ рукахъ носителей Верховной Власти. Несомнѣнно, что механизмъ управленія, унаслѣдованный Петромъ, былъ почти негоденъ къ употребленію и требовалъ радикальной ломки.

Но въ Московскомъ государствѣ за тоже время назрѣвали и болѣе глубокія явленія, ставившія Верховной Власти самыя серьезные и трудные запросы.

XXI.

Кризисъ московскаго міросозерцанія. Церковный расколъ.

Времена полнаго установленія Самодержавнаго принципа были въ Россіи—въ XVI и XVII вѣкахъ—эпохой также очень сложныхъ внутреннихъ духовныхъ запросовъ.

Россія, стертая съ лица земли татарами, возстала въ необычайной силѣ, почти чудесной, и не знавшей себѣ равной. Основами этого величія, основами спасенія Россіи, оказались православная вѣра и единоличная власть царя. Эти двѣ силы Россія свято чтила, какъ свой палладіумъ, какъ источникъ своего бытія, какъ основу своего долга и даже какой-то своей міровой миссіи. Россія тѣхъ временъ, подводя себѣ итоги, сознала себя *третьимъ Римомъ*, наслѣдницей миссіи Рима и Византіи...

Но въ чемъ эта миссія, въ чемъ смыслъ существованія страны, избравшей себѣ руководительство Божіе за высшій законъ, и чудесно возвышенный изъ праха на необычайную, неожиданную высоту? Русскій народъ не былъ бы достоинъ

ни настоящаго, ни будущаго, если бы въ такое время передъ нимъ не поднялся вопросъ самосознанія: что такое мы, какъ намъ жить, куда идти?

И дѣйствительно, съ освобожденіемъ и возвышеніемъ Россіи, возникаютъ вопросы вѣры отчасти на почвѣ еретической, отчасти на почвѣ споровъ православныхъ людей относительно идеаловъ вѣры, отношенія ихъ къ мірской жизни, отношеній Церкви и государства и т. д. Это были вѣка стригольниковъ, Башкиныхъ, святыхъ Нила Сорскаго и Іосифа Волоколамскаго, вѣка церковныхъ соборовъ, миссіи между инородцами, учрежденія патріаршества, возвеличенія патріаршества, споровъ боярства съ патріархами, это были вѣка Филиппа митрополита и патріарха Никона, начала сближенія съ Европой и наконецъ—вѣчно памятнаго прискорбнаго раскола Церкви Русской.

Множество вопросовъ національнаго самосознанія не могли не возникнуть въ эпоху національнаго воскресенія, какъ они возникли въ эпоху національнаго крушенія. Но эпоха татарщины требовала рѣшеній болѣе простыхъ: требовалось покаяніе, крѣпкое единеніе около вѣры и царя, и—борьба съ басурманами. При освобожденіи, приходилось понять—*какъ жить* достойно великой милости Божіей? Этотъ вопросъ сталъ передъ Россіей XVI и XVII вѣковъ съ страстной настойчивостью. Сверхъ того—освобожденіе отъ татаръ привело Россію и волей, и неволей въ немедленное соприкосновеніе съ Европою. Мы искали Европы, но она и сама къ намъ шла, и передъ русскими возникало сопоставленіе цивилизаціи и точекъ зрѣнія своихъ и чужихъ—сопоставленіе, которое не могло не возбуждать работы мысли и критики.

Это послѣднее обстоятельство, то-есть критика своего, не могла не явиться очень скоро.

Въ Россіи было очевидно поразительное противорѣчіе: она глубоко вѣрила въ свои основы, имѣя явное доказательство ихъ спасительной силы. Она считала себя выше всѣхъ народовъ, третьимъ Римомъ, послѣ котораго уже не будетъ четвертаго. И однако малѣйшее наблюденіе показывало русскому

человѣку полное несоотвѣтствіе его наличной культурной силы съ этимъ идеальнымъ величіемъ. При всѣхъ столкновеніяхъ не только съ Западной Европой, но и съ Польшей, и даже съ Турціей, Русскіе не могли не видѣть, что они круглые невѣжды, дикари, не имѣютъ ни техническихъ, ни философскихъ знаній, ничего не умѣютъ сдѣлать, оказываются даже плохими организаторами, и не понимаютъ глубоко даже тѣхъ основныхъ истинъ, обладаніе которыми давало Россіи претензію на значеніе третьяго Рима.

Русскіе были крайне отсталы, но они не были неспособными, а готовность къ самокритикѣ и самоосужденію составляетъ даже черту Русскаго характера. И вотъ у насъ является стремленіе къ *просвѣщенію*. О томъ, что у насъ явилось тогда стремленіе къ улучшенію своей жизни на основахъ просвѣщенной вѣры и точнаго знанія—свидѣтельствуетъ вся внутренняя исторія Россіи XVII вѣка. Особенно это стремленіе проявилось послѣ Смутнаго времени, неожиданно низвергшаго Россію въ такую пучину бѣдствій и позора, съ которой едва ли могла сравниться и былая татарщина.

Смутное время завершилось рѣшимостью возстановить во всей полнотѣ наши основы, то-есть самодержавіе и церковность, а сверхъ того развить русское просвѣщеніе, къ чему намъ дали нѣкоторыя новыя средства кіевскіе русскіе, въ эту эпоху съ Москвой все болѣе сближавшіеся.

Однако, въ общей сложности, стремленіе къ сознательному и просвѣщенному существованію давалось Россіи очень туго. Въ своихъ основныхъ идеалахъ она пришла къ тяжкому раздвоенію.

Православіе, кромѣ чистоты догмата, въ глубочайшей своей сущности состоитъ въ правильномъ пониманіи церковности. Въ этомъ состоитъ отличіе Церкви православной — отъ римско-католической и протестантской. Православна и оживотворяюща та Церковь, которая представляетъ организованное единство іерархіи и мірянъ, при чемъ міряне составляютъ живую часть церкви, но въ то же время нравственно неразрывны съ іерархіей *).

*) Объ этомъ см. мою книжку „Личность, Общество и Церковь“.

Но русскіе, въ своемъ церковномъ существованіи, не умѣли разобраться въ вопросѣ объ этихъ соотношеніяхъ. Въ іерархіи явились тенденціи господства надъ мірянами. Явился даже вопросъ о томъ, какая власть выше — свѣтская или духовная? Съ другой стороны міряне, несомнѣнно, не сумѣли уважать авторитета пастырей, и чтя ризы, да благословенія, не чтили достаточно самаго учительнаго слова. Отсюда возникъ расколъ на небывалой въ христіанствѣ почвѣ: вопросъ объ исправленіи книгъ и обрядовъ, казалось бы, столь простой, и во всякомъ случаѣ не такой, чтобы изъ-за него расходиться, вызвалъ ожесточенный расколъ, взаимныя проклятія и т. п. Въ русскомъ народѣ, какъ православной, такъ и старообрядческой стороны, проявилось здѣсь очень грубое пониманіе вѣры. На первомъ мѣстѣ поставили не догматъ, вѣру, любовь и единеніе, а ту или иную формулу, знакъ, матеріальный элементъ вообще. Сложеніе перстовъ или число просфоръ сочтено болѣе важнымъ, нежели вѣра и любовь. Это конечно — было проявленіемъ страшной религіозной неразвитости. Насильственныя же измѣненія того, что слѣдовало бы терпѣть, пока умы не просвѣтятся, — это, конечно, означало забвеніе того, что іерархія вовсе не «начальство», какъ у римско-католиковъ, и не можетъ требовать безсознательнаго повиновенія мірянъ. Если міряне, по невѣжеству, стоятъ за внѣшность съ упорствомъ фетишистовъ, то дѣло пастырства—развивать ихъ, учить, а не приказывать и оскорблять хотя бы и воображаемую святыню. Да впрочемъ и патріархъ Никонъ обнаружилъ такое же преувеличенное преклоненіе передъ «греческимъ обрядомъ». Вообще эпоха раскола обѣ стороны спорящихъ показала не въ идеальномъ свѣтѣ.

Апологеты обѣихъ сторонъ стараются теперь оправдать, одни новообрядныхъ, другіе старообрядныхъ, отъ обвиненія въ религіозной неразвитости. Они стараются вложить въ ссоры того времени болѣе осмысленную идею. Павелъ Любопытный (старообрядецъ) пустилъ въ ходъ мысль, будто дѣло іерархіи — догматъ, а обрядъ—дѣло мірянъ. Само собою, это совершенно невѣрно вообще. И догматъ, и обрядъ совершенно одинаково

составляютъ достояніе всей Церкви. Академическіе защитники раскола говорятъ о его національности, а Никона обвиняютъ въ подражательности. Все это показываетъ лишь плохое пониманіе вѣры и церковности. Да сверхъ того никакихъ такихъ идей и не было въ тѣ времена. Вотъ каковы были религіозныя понятія того времени: «Егда же Никонъ на новгородской митрополіи утвердися, повѣствуетъ старообрядецъ *)—первѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы *необычнымъ новшествомъ*... пача крестное знаменіе на себѣ *неистово тремя персты* изображати... и народъ *пятью перстами благословляти*... Видя же сіе его дѣйство, діаконъ Пимепъ весь *страхомъ и ужасомъ объятъ бысть* и т. д.». Всѣ обличенія старообрядцевъ были такого рода: «Никонъ уставы и обычаи премѣни: трисоставный крестъ отложи, небывалое пятиперстное сложеніе на всероссійское народа чело воздвиже, пятипросфорное служеніе дерзостно устави, пресладкое Христа Спасителя имя Ісусъ — Іисусомъ преименова», и т. д. Далѣе идутъ поклоны земные въ постъ, молитва Іисусова и прочее...

Служители Церкви и православные міряне не рѣдко обнаруживали такую же неразвитость, какъ и раскольники. А между тѣмъ расколъ раздробилъ силы православнаго народа какъ разъ въ самое трудное время, когда Россія сошлась лицомъ къ лицу съ европейскими вліяніями такъ близко, такъ интимно, какъ никогда.

Въ такую-то минуту мы, расколомъ своимъ, обнаружили, что сами не знаемъ во что вѣруемъ, и чтя однихъ и тѣхъ же святыхъ, одну и ту же Апостольскую церковь—считаемъ другъ друга погибшими, отлученными, преданными анафемѣ или Антихристу... Это было роковое обстоятельство для эпохи петровской реформы. Можетъ быть, оно именно и дало ей столь подражательный, почти рабскій характеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ—плачевный расколъ въ церкви не могъ не отразиться очень вредными послѣдствіями и на характерѣ государственной власти.

*) „Исторія Выговской старообрядческой пустыни". Рукопись Ивана Филиппова. Спб. 1862.

Самодержавная власть имѣетъ свой источникъ въ вѣрѣ; ея нравственнымъ регуляторомъ является только вѣра, которая свой голосъ оформливаетъ въ церкви. И вотъ русскіе именно въ вѣрѣ увидѣли въ себѣ рознь, то-есть потеряли безспорное, абсолютное мѣрило правды.

Но поскольку это мѣрило вѣроисповѣдной правды затуманивалось для Россіи—постольку и власть царская становилась уже не руководимой имъ, а это придавало ей характеръ не выразительницы народнаго идеала, не Божія служителя, а просто абсолютной власти.

Власть царя въ церковныхъ дѣлахъ не могла не возрастать до чрезмѣрности, когда церковь сама раскололась, не находила въ себѣ единой власти, и когда положеніе нѣкоторое время имѣло даже такой видъ, какъ будто церковь раскололась на іерархію и народъ. Новый, Никоновскій, обрядъ—имѣлъ на своей сторонѣ царскую власть, іерархію и верхніе служилые слои, а старый обрядъ — народную массу. Во время стрѣлецкихъ волненій, при Софіи Алексѣевнѣ,—не святительство стало опорой царской власти, какъ бывало прежде, а царская власть—опорой архипастырства. Естественно, что власть царская могла принимать значеніе очень преувеличенное.

XXII.

Банкротство сознательности. Появленіе абсолютизма.

Объ этомъ критическомъ моментѣ очень сильно высказывался Владиміръ Соловьевъ *). «Основной вопросъ, надъ которымъ пришлось и нынѣ работать религіознымъ мыслителямъ Россіи, говоритъ онъ, былъ поставленъ здѣсь уже болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ. Великая въ этомъ отношеніи важность того церковнаго раскола, который возникъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка, не подлежитъ сомнѣнію...

*) В. Соловьевъ. Исторія и будущность теократіи. Собраніе сочиненій, т. IV, стр. 215 и слѣд.

«Въ нашемъ домашнемъ расколѣ дѣло шло не о тѣхъ частныхъ пунктахъ, которые выставлялись (впрочемъ совершенно искренне) спорящими сторонами, а объ одномъ общемъ вопросѣ весьма существеннаго значенія. Чѣмъ опредѣляется религіозная истина: рѣшеніями ли власти церковной или вѣрностью народа древнему благочестію? Вотъ вопросъ величайшей важности, изъ-за котораго на самомъ дѣлѣ произошла жестокая и доселѣ непримиренная распря между «никоніанами» и старовѣрами. Обѣ стороны признавали истину только въ церкви, но спрашивалось: гдѣ же сама церковь, гдѣ заключается ея сила, гдѣ у нея центръ тяжести—во власти или въ народѣ? Старообрядцы, обвиняя всю іерархію въ отступничествѣ отъ истиннаго благочестія православной церкви, тѣмъ самымъ признавали, что вся церковь въ нихъ самихъ—въ благочестивомъ и правовѣрномъ народѣ. Греко-россійская іерархія, помимо народнаго согласія и даже противъ воли народной измѣняя прежній образъ благочестія и жестоко преслѣдуя всѣхъ непокорныхъ этому измѣненію, тѣмъ самымъ заявила, что вся сила церкви сосредоточивается въ ней одной, что власти церковной принадлежатъ безусловно и исключительно всѣ права, а народу только обязанность послушанія». На жалобы старообрядцевъ отвѣчали: преслѣдуютъ за то, «что не повинуетесь церкви». «Очевидно, говоритъ Владиміръ Соловьевъ, здѣсь подъ святой церковью разумѣлась только мѣстная церковная власть»...

«Нашъ церковный споръ, продолжаетъ онъ, неразрѣшимый на узко національной почвѣ, произошелъ какъ разъ передъ появленіемъ Петра Великаго и заранѣе оправдывалъ (?) его преобразованія». Обѣ стороны ошибались. Обѣ были наказаны послѣдствіями: старообрядцы дошли до полной безцерковности, съ признаніемъ только невидимой церкви, или къ самымъ фальшивымъ способамъ добыванія священства. Точно также «правда Божія обнаружилась въ судьбѣ исключительныхъ и безпощадныхъ защитниковъ іерархическаго начала. Во власти своей полагали они всю силу церкви: власть ихъ была у нихъ отнята»... «Едва успѣлъ Стефанъ Яворскій въ своемъ богословскомъ трактатѣ съ такою рѣшительностью присвоить церкви два меча,

какъ уже долженъ былъ отдать ихъ оба въ руки «мірского начальника». Изъ блюстителей празднаго престола патріаршаго онъ волей-неволей дѣлается безправнымъ предсѣдателемъ учрежденной Петромъ Великимъ духовной коллегіи, въ которой наше церковное управленіе явилось, какъ отрасль государственнаго управленія, подъ верховною властью Государя — «крайняго судіи сей коллегіи» и подъ непосредственнымъ начальствомъ особаго государственнаго сановника, избраннаго «изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бъ имѣлъ смѣлость и могъ управленіе синодскаго дѣла знать»...

Дѣлая эту жестокую характеристику церковнаго переворота, В. Соловьевъ рѣшается даже защищать его.

«Безпристрастный и внимательный взглядъ на историческія обстоятельства, предшествовавшія учрежденію синода и сопровождавшія его, говоритъ онъ, не только удержитъ насъ отъ несправедливыхъ укоровъ великой тѣни Преобразователя, но и заставитъ насъ признать въ сказанномъ учрежденіи одно изъ доказательствъ провидѣнціальной мудрости, которая никогда не измѣняла Петру Великому въ важныхъ случаяхъ. Упраздненіе патріаршества и установленіе синода было дѣломъ не только необходимымъ въ данную минуту, но и положительно полезнымъ для будущаго Россіи. Оно было необходимо, потому что нашъ іерархическій абсолютизмъ обнаружилъ вполнѣ ясно свою несостоятельность и въ борьбѣ съ раскольниками, и въ жалкомъ противодѣйствіи преобразовательному движенію: патріаршество, послѣ раскола лишенное внутреннихъ основъ крѣпости и оставшееся при однихъ чрезмѣрныхъ притязаніяхъ — неизбѣжно должно было уступить мѣсто другому учрежденію, болѣе сообразному съ истиннымъ положеніемъ дѣла»... (стр. 220).

Въ этомъ «вердиктѣ» проявляется обычное свойство Владиміра Соловьева—все доводить до крайности. Нашу іерархію и народъ онъ порицаетъ съ преувеличенной страстью апологета Римскаго первосвященства, какимъ онъ въ то время былъ. Но основныя черты ошибокъ обѣихъ сторонъ въ пониманіи церкви намѣчены имъ правильно.

Отсюда, дѣйствительно, шло обезсиленіе церкви и смута міро-

воззрѣнія, отсюда податливость на подражаніе. Отсюда и страстно-подражательный характеръ реформы Петра. Что касается ломки церковнаго управленія съ подчиненіемъ церкви государству—то это была идея протестантской Европы, которой во всемъ подражалъ Петръ. Оправдать его ни въ какомъ случаѣ нельзя. Но фактъ исторіи состоитъ въ томъ, что безъ церковной смуты такая ломка была бы невозможна даже и для Петра. Въ данную же минуту она стала возможна, во-первыхъ, психологически—такъ какъ пониманіе церкви подорвалось и у самого Петра; и у него, какъ у множества другихъ сталъ вопросъ: гдѣ церковь? Ломка стала возможна, во-вторыхъ, и матеріально, ибо раздѣлившійся въ вѣрованіяхъ народъ, растерявшійся въ понятіяхъ,—не могъ защищать энергично управленіе церкви, понятіе о которой было въ немъ столь потрясено.

Для самой же верховной власти ломка церкви создала страшную опасность: эволюцію въ абсолютизмъ.

XXIII.

Европейское умственное иго.

Какъ бы то ни было, въ концѣ XVII вѣка, Россія представляла зрѣлище, которое сулило какой-то большой переворотъ. Съ одной стороны, она чувствовала себя нѣкоторой огромной силой, имѣющей передъ собой великія цѣли. Въ то же время она никакихъ цѣлей, которыя бы ей предлежали,—не понимала и не представляла. Она сознавала себя единой носительницей какого-то идеала, но какого—сама не знала. Раньше она сознавала себя выше всѣхъ, какъ единственная страна свободнаго православія, но къ концу XVII вѣка сама не могла опредѣлить, что такое православіе.

Люди, чтимые какъ архипастыри и какъ цвѣтъ Русскаго православнаго просвѣщенія—проклинались страстнымъ защитниками старины, какъ служители антихриста, какъ живое воплo-

щеніе апокалиптическаго дракона. Въ свою очередь эти люди анафематствовали массу вѣрующихъ, называли ихъ грубыми невѣждами и бунтовщиками. Въ чемъ же православіе? кто правъ—клиръ или міряне? И пока стоятъ такіе вопросы—то, какъ правильно говорилъ В. Соловьевъ, является еще болѣе тяжкій: гдѣ же церковь? А если является такой вопросъ, то руководство церкви становится спорнымъ.

Итакъ, въ самой основѣ своего величія Русскій народъ почувствовалъ полное шатаніе. Если неизвѣстно въ чемъ православіе, то нельзя считать заблуждающимися ни «лютеровъ и кальвиновъ», ни «папежниковъ». Нельзя считать себя выше ихъ.

А между тѣмъ эти «люторы и кальвины», да отчасти и «папежники», жили тутъ же въ Москвѣ и учили насъ всему, что только было похитрѣе и понужнѣе. Они представляли собою всѣ знанія, всю технику. Мы видѣли рѣшительно во всемъ, что они умнѣе насъ, и не было рѣшительно ничего, въ чемъ мы могли бы считать себя выше ихъ. Послѣдняя, или точнѣе—первая опора нашей самобытности—вѣра—подверглась раздранію и сомнѣнію. Разъ мы дошли до этого—грядущій періодъ подражательной европеизаціи становился неизбѣженъ.

Моментъ критики и самосомнѣнія могъ бы, конечно, вызвать у насъ и самостоятельную работу мысли. Мы могли бы и сами постепенно разобраться во всѣхъ вопросахъ вѣры, управленія, знанія и техники. Но въ данныхъ условіяхъ это было невозможно, ибо мы стояли лицомъ къ лицу съ Европой. Люди доходятъ до потребнаго имъ своимъ умомъ только тогда, когда некого спросить. Среди равныхъ себѣ можно развиваться самостоятельно. Среди высшихъ—низшему возможно только ученичество.

Въ отношеніи науки, техники, — и даже въ отношеніи вѣры — стоило спросить Европейца, и онъ открывалъ такое множество свѣдѣній, о существованіи какихъ мы даже и не догадывались. Пробуя отыскать что-либо сами, мы могли только каждый разъ убѣждаться, что открываемъ вещи давно извѣстныя Европѣ и менѣе совершенныя, чѣмъ у нея. Потому заимствованіе являлось вполнѣ неизбѣжнымъ, его подсказывалъ

самый простой здравый смыслъ и практичность. Если при этомъ у насъ кое-что выходило своеобразно, то только само собой, по невозможности избѣжать вліянія своей натуры.

Но заимствуя частности, и убѣждаясь, что во всѣхъ этихъ частностяхъ иностранцы выше насъ, все понимаютъ и устраиваютъ лучше насъ—возможно ли удержаться отъ мысли, что и *основныя понятія*, исходя изъ которыхъ иностранцы дошли до столь всесторонняхъ преимуществъ передъ нами—что и эти основныя понятія тоже выше нашихъ? Если же они выше нашихъ, то очевидно нужно усвоить и ихъ.

«Самая сильная опасность при переходѣ Русскаго народа изъ древней исторіи въ новую, говоритъ С. М. Соловьевъ, изъ возраста чувствъ въ область мысли и знанія, изъ жизни домашней, замкнутой, въ жизнь общественную народовъ—главная опасность при этомъ заключалась въ отношеніи къ чужимъ народамъ, опередившимъ насъ въ дѣлѣ знанія, у которыхъ поэтому надобно было учиться. Въ этомъ-то ученическомъ, относительно чужихъ живыхъ народовъ, положеніи и заключалась опасность для силы и самостоятельности Русскаго народа, ибо какъ соединить положеніе ученика со свободою и самостоятельностью въ отношеніи къ учителю, какъ избѣжать при этомъ подчиненія, подражанія» *)?

Но отсюда вытекали огромныя политическія послѣдствія. Заимствовать у Европы просвѣщеніе, и въ то же время признавать свое самодержавіе и свою церковь выше европейскихъ — это было бы противорѣчиво. А между тѣмъ Россія конца XVII и всего XVIII вѣка очутилась именно въ этомъ противорѣчіи. Фактически она не могла отречься отъ своей вѣры религіозной и политической, потому что то и другое крѣпко жило въ тайникахъ народной психологіи. Но развивать эти основы стало невозможнымъ. Вся сознательная работа мысли могла ихъ только понемногу подрывать и «европеизировать»

Итакъ, все время, что Россія находилась въ ученическомъ положеніи у Европы—задача просвѣтительная стояла въ пол-

*) С. Соловьевъ, Исторія Россіи, томъ XXI.

номъ противурѣчіи съ задачами философско-религіозной и государственно-правовой самобытности.

Все, выражавшее эту самобытность, казалось Русскому въ противорѣчіи съ точными знаніями и просвѣщеннымъ разумомъ, то есть казалось знаменемъ невѣжества и отсталости. Такъ было, такъ остается для множества нашихъ «образованныхъ» людей и понынѣ. Это презрительное отношеніе къ «своему», «старому», стало типичнымъ для «интеллигенціи», сформировавшейся на этомъ историческомъ процессѣ. Для того, чтобы понять, что русскій «типъ» гораздо выше, но только находился на низшей ступени «развитія», нежели европейскій—для этого нужно было быть гораздо болѣе развитыми, нежели мы были и остаемся до сихъ поръ.

Такимъ образомъ, въ историческій процессъ нашего «просвѣщенія» естественно вошло чрезвычайно сильной струей также отрицаніе православія и самодержавія. Мы какъ въ религіозномъ, такъ и въ государственно-правовомъ отношеніи искали принциповъ «на западѣ». Съ конца XVII вѣка къ намъ стали привходить понятія протестантскія и римско-католическія, въ религіозномъ отношеніи, а въ политическомъ отношеніи сначала идеи *абсолютизма*, на которомъ была построена монархія въ западно-европейскихъ государствахъ, а потомъ впослѣдствіи—*конституціонныя*.

Между тѣмъ, въ силу того, чѣмъ оно было, а не въ силу того, чѣмъ себя считало — самодержавіе явилось водителемъ націи даже и въ этомъ просвѣтительномъ стремленіи.

Задача пріобщенія Россіи къ европейскому образованію поставлена была еще Грознымъ, который изъ-за этого воевалъ за Ливонію и давалъ льготы англичанамъ. Борисъ Годуновъ, Алексѣй Михайловичъ—вели ту же политику. Когда стремленіе достичь европейскаго просвѣщенія назрѣло до страстности—выразителемъ его явился точно также самодержавнѣйшій Петръ Великій, который сталъ не колеблясь на почву подражанія Европѣ во всемъ — въ образѣ жизни, въ костюмѣ, даже въ языкѣ, не остановился передъ переносомъ къ намъ учрежденій буквально списанныхъ съ Шведскихъ, и даже заставилъ плѣнныхъ Шве-

довъ организовывать ихъ у насъ, а для другихъ учрежденій руководствовался рецептами Лейбница, не имѣвшаго о Россіи ни малѣйшаго понятія. Не остановился Петръ даже передъ ломкой церковнаго строя и своей собственной власти, поскольку въ своей подражательно-просвѣтительной ревности могъ отрѣшиться отъ власти своей глубоко Русской природы, по которой онъ, вопреки всѣмъ стараніямъ своимъ, оставался Русскимъ, православнымъ и уже особенно Самодержцемъ.

Такимъ образомъ наступила эпоха, въ которую коренныя Русскія основы уже держались окончательно только инстинктомъ, только тѣмъ, что было въ сердцѣ. Сознаніе національное отрѣшилось отъ всего «своего»...

XXIV.

Петръ Великій, какъ русскій человѣкъ.

Чувствую потребность оговориться, что, представляя себѣ ошибки Петра Великаго, я глубоко почитаю его геній и нахожу, что онъ, не въ частностяхъ, а по существу, дѣлалъ въ свое время именно то, что было нужно.

Ни человѣкъ, ни нація не могутъ жить однимъ инстинктомъ. Недостаточно имѣть великіе задатки: нужно ихъ понимать. А мы въ Московской Руси ихъ только имѣли, но не сознавали. Мы ихъ и не могли сознать, не сравнивъ себя съ другими. Мы не могли ничего сознать, какъ должно, ни въ своемъ православіи, ни въ своемъ самодержавіи, не достигнувъ умственнаго развитія, достойнаго ихъ.

Развитой человѣкъ Московской Руси, задавая себѣ вопросъ, почему онъ долженъ быть православнымъ, а не католикомъ или протестантомъ, почему нужна самодержавная власть, а не республика—не могъ отвѣтить себѣ на это убѣдительно. Онъ растерялся въ понятіяхъ о правдѣ. Но онъ не потерялъ любви къ истинѣ, онъ хотѣлъ жить не «своимъ», а тѣмъ въ

чемъ «правда», настоящая правда. Онъ готовъ былъ откинуть все свое, если оно не есть истина. И вотъ въ этомъ-то и былъ онъ вѣренъ себѣ, своему величайшему достоинству русскаго человѣка, достоинству, которымъ русскій обязанъ православію.

Русскій того времени, вмѣстѣ съ Петромъ, кощунствовалъ въ комедіяхъ «всепьянѣйшаго собора», онъ порабощалъ мірской власти управленіе своей церкви, онъ насильствовалъ надъ народомъ, вызывая раскольничьи самосожженія и т. д. Но онъ дѣлалъ все это потому, что хотѣлъ уважать только правду, и если не замѣчалъ ее хотя бы и въ самомъ святомъ мѣстѣ—не хотѣлъ лицемѣрить и преклоняться предъ тѣмъ, что, хотя бы глубоко-ошибочно, пересталъ считать правдою. И во всемъ этомъ былъ залогъ будущаго воскресенія...

Въ священномъ писаніи сказано, что Богъ отдаетъ людей въ жертву «Духа лестча», духа гибели, за то что они «любви къ истинѣ не приняли». Вотъ—при всѣхъ частныхъ заблужденіяхъ, этого то и не было у русскихъ. Они—наоборотъ—«приняли любовь къ истинѣ», не видѣли ея, но любили, были увѣрены, что она есть, и что на свѣтѣ жить стоитъ только истиной. Петръ былъ величайшимъ выразителемъ русскаго человѣка въ этой рѣшимости жить только истиной, хотя бы она была «люторская», голландская и какая угодно. Онъ готовъ былъ отречься отъ всего, въ чемъ не видѣлъ истины, и прилѣпиться къ чему угодно, если усматривалъ въ немъ истину.

Петръ и партія реформы, вокругъ него сплотившаяся, хотѣли истины и были полны увѣренности, которую выразилъ 200 лѣтъ позднѣе ихъ интеллигентный потомокъ, да еще въ переводномъ, стихѣ:

Мнѣ послышался завѣтъ
Бога самого:
Знанье вольность, знанье свѣтъ—
Рабство безъ него...

И они пошли къ знанію, пошли какъ могли идти полуварвары, принимая за брилліанты грошовыя стеклышки, но

желая найти «бисеръ многоцѣнный», и готовые продать все свое имѣніе, чтобы пріобрѣсти средства на покупку этого искомаго ими «бисера многоцѣннаго».

Въ Петрѣ—величіе русскаго духа—въ Петрѣ жалкая отсталость Россіи, бѣдность ея умственныхъ средствъ. Но средства наживаются, если сохраняется величіе духа. Впослѣдствіи стали появляться у насъ искры уже просвѣщеннаго сознанія и просвѣщенной вѣры. Если Россія настоящаго и будущаго сохранитъ свою лучшую черту «любовь къ истинѣ», рѣшимость жить только правдой, что было у Петра—то Петровская реформа и станетъ исходнымъ пунктомъ того, что говорилъ самъ преобразователь въ словахъ: «А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія въ чести и славѣ...»

А если у насъ исчезнетъ любовь къ истинѣ—то не Петръ будетъ виноватъ въ этомъ...

Но при всемъ привлекающемъ величіи своего генія, давшаго нашей монархіи повый моментъ самодержавнаго водительства народа въ его величайшихъ, по времени, задачахъ, мы, въ отношеніи политическаго самосознанія, именно въ моментъ этой реформы вступили въ опаснѣйшій кризисъ—смѣшиванія самодержавія съ абсолютизмомъ.

XXV.

Противорѣчіе принциповъ Петровской эпохи.

Государственные принципы всякаго народа тѣсно связаны съ его національнымъ самосознаніемъ, съ его представленіями о цѣляхъ своего существованія. Въ Россіи эти цѣли національнаго существованія представлялись въ очертаніяхъ недостаточно ясныхъ, хотя окутанныя сознаніемъ нѣкотораго великаго назначенія «третьяго Рима». У самаго Петра стремленіе къ реформѣ появилось въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ мечты собрать силы для крестовыхъ походовъ и освобожденія св. гроба.

Нашему самодержавію вообще предносились какія-то религіозно-освободительныя цѣли, нѣкоторая борьба за христіанство, и стѣны Казани, перваго разрушеннаго магометанскаго царства, пали при чтеніи словъ: «Будетъ едино стадо и единъ Пастырь». Но въ этихъ смутныхъ очертаніяхъ значенія нашей верховной власти мы немногое различали сознательно какъ до Петра, такъ и послѣ него.

Даже до настоящаго времени, несмотря на появленіе славянофиловъ и ряда близкихъ къ нимъ умовъ, какъ Данилевскій, Достоевскій, Катковъ, Леонтьевъ, Владиміръ Соловьевъ, несмотря на официальное признаніе формулы «православіе, самодержавіе, народность», въ нашей философіи государственнаго права монархія и самодержавіе остаются ничуть не болѣе ясны, нежели въ Западной Европѣ. Такъ было и раньше.

У насъ рѣшительно нѣтъ ни одной эпохи, въ которую бы насъ не уродовала недостаточная сознательность нашего политическаго принципа. Не говоря ужъ о первыхъ вѣкахъ, когда монархическій принципъ затемнялся могучей аристократіей, мѣстами уступавшей мѣсто демократіи,—даже въ эпоху національной реставраціи, послѣ 1612 года, мы видимъ неумѣнье разобраться не только въ управительной системѣ, но даже въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ отношенія церкви и государства.

У такого замѣчательнѣйшаго государственнаго человѣка, какъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, государственно-церковная политика складывается, видимо, лишь подъ вліяніемъ случайныхъ условій личнаго положенія. Эпоха Никона ни со стороны церковной, ни со стороны гражданской власти не обнаружила большаго умѣнья разобраться въ вопросѣ, столь важномъ для самодержавія. Даже у такого проницательнаго теоретика, какимъ былъ Іоаннъ Грозный, случайныя условія плохо различаются отъ принципа.

Такъ извѣстный совѣтъ Вассіана: «Если хочешь быть самодержцемъ—не держи совѣтниковъ умнѣе себя»—былъ принятъ Грознымъ, какъ нѣкоторое откровеніе, хотя въ немъ нѣтъ даже и тѣни самодержавнаго сознанія. Это пріемъ дѣйствія Маккіаве-

левскаго «Принца», ловкаго тирана, а вовсе не царя. Точно также совершенно несообразны съ самодержавіемъ мѣры Іоанна для отдѣленія государства отъ «земщины», въ родѣ назначенія особаго «земскаго царя», Симеона Бекбулатовича... Соловьевъ, между тѣмъ, приводитъ любопытныя свидѣтельства о вѣнчаніи на царство Симеона, и челобитную ему самого «Иванца Васильевича съ дѣтишками, съ Иванцомъ да съ Ѳедорцомъ...» («Ист. Рос.», кн. II, стр. 130). Если челобитная была, предположимъ, шуткою, то вѣнчаніе уже ни съ чѣмъ не сообразно.

Эпоха Петра Великаго представила особенно наглядный примѣръ несознательности основного нашего принципа государственности.

Самодержавный инстинктъ Петра поистинѣ великъ, но повсюду, гдѣ требуется самодержавное сознаніе—онъ совершаетъ иногда поразительные подрывы своего собственнаго принципа. Инстинктъ рѣдко обманывалъ Петра въ чисто личномъ вопросѣ: какъ *онъ* долженъ поступить, какъ монархъ? Но когда ему приходилось намѣчать дѣйствіе *монарха вообще*,— т. е. въ видѣ постоянныхъ учредительныхъ мѣръ, Петръ почти всегда умѣлъ рѣшить вопросъ только посредствомъ увѣковѣченія своей временной частной мѣры...

Принципъ есть отвлеченіе того общаго, что объединяетъ частныя мѣры, и что, слѣдовательно, приложимо ко всѣмъ разнообразнымъ случаямъ практики. Этого-то принципа у Петра и не видно. Онъ геніальнымъ монархическимъ чутьемъ зналъ, что долженъ сдѣлать онъ, и оказывался безпомощенъ въ опредѣленіи того, что должно дѣлать вообще. Поэтому-то онъ своимъ личнымъ примѣромъ укрѣпилъ у насъ монархическую идею, какъ, можетъ-быть, никто, и въ то же время всѣми дѣйствіями, носившими принципіальный характеръ, подрывалъ ее безпощадно.

Излишне повторять, что въ основной задачѣ своей Петръ Великій былъ безусловно правъ и былъ великимъ русскимъ человѣкомъ. Онъ понялъ, что какъ монархъ, какъ носитель царскаго долга, имѣлъ обязанность безтрепетно взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россію возможно быстрѣе къ

возможно полному обладанію всѣми средствами европейской культуры. Это составляло для Россіи вопросъ «быть или не быть». Страшно даже подумать, что было бы если бы мы не сравнялись съ Европою до конца XVIII вѣка. Мы и при Петровской реформѣ попали въ доселѣ длящуюся кабалу къ иностранцамъ. Но безъ этой реформы, конечно, утратили бы національное существованіе, если бы дожили въ варварскомъ безсиліи своемъ до временъ Фридриховъ Великихъ, Французской революціи и эпохи экономическаго завоеванія Европою всего міра. Петръ желѣзною рукой принудившій Россію учиться и работать—былъ, конечно, спасителемъ всего національнаго будущаго.

Петръ былъ правъ и въ своихъ насильственныхъ мѣрахъ. Россія вообще давно стремилась къ наукѣ, но недостаточно горячо. Сверхъ того, она была настолько отставши, ей предлежалъ такой страшный трудъ, чтобы сколько-нибудь догнать Европу, что *добровольно* цѣлая нація не могла этого сдѣлать. Петръ былъ безусловно правъ, и заслужилъ вѣчную благодарность отечества, за то, что употребилъ весь свой царскій авторитетъ и власть на то, чтобы создать жесточайшую диктатуру, и *силой* двинуть страну впередъ, и за слабостью ея средствъ, закабалить всю націю на службѣ цѣлямъ государства. Другого исхода не было для спасенія Россіи.

Но Петръ былъ правъ только для себя, для своего момента и для своего дѣла. Когда же эта система закабаленія народа государству возводится въ принципъ, она становится убійственной для націи, уничтожаетъ всѣ родники самостоятельной жизни народа. Петръ же не обозначилъ никакихъ предѣловъ установленному имъ всеобщему закрѣпощенію государству, не принялъ никакихъ мѣръ къ тому, чтобы временная система не стала постоянною, не принялъ мѣръ даже къ тому, чтобы закрѣпощенная Россія не попала въ руки къ иностранцамъ, какъ это и вышло тотчасъ послѣ его смерти.

Петръ стремился организовать самоуправленіе на шведскій ладъ, и, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ своему родному, не воспользовался нашимъ общиннымъ бытомъ, представлявшимъ всѣ данныя къ самоуправленію.

Церковная политика Петра столь же и даже болѣе характеристична, чѣмъ національная.

Здѣсь повторяется таже черта: онъ временную необходимую мѣру превращалъ въ постоянный зловредный принципъ.

Значительная доля іерархіи, безъ сомнѣнія, была враждебна реформѣ Петра и мѣшала ей своимъ вліяніемъ на народъ. Петръ имѣлъ право, какъ самодержецъ, принять мѣры къ обузданію всякаго сопротивленія. Но онъ перешелъ въ этомъ всякія границы. Не говоря о томъ, что послѣдній патріархъ былъ тише воды ниже травы, а въ іерархіи образовалась уже огромная партія реформы—не говоря о томъ, что мѣстоблюститель патріаршаго престола не могъ заслужить со стороны Петра никакого упрека, если не упрекать іерархію въ православіи, оставляя уже въ сторонѣ всѣ эти обстоятельства, которыя, съ точки зрѣнія самаго придирчиваго властителя, обезпечивали отъ всякой оппозиціи, Петръ во всякомъ случаѣ превышалъ свои права. Онъ, какъ царь, могъ *не слушать* епископовъ или казнить ихъ. *Но перестраивать Церковь* для подчиненія ея государству—не имѣлъ ни малѣйшаго права.

Онъ вмѣсто охраны своей самостоятельности, посягнулъ на самостоятельность церкви, и притомъ уже въ концѣ царствованія, когда провелъ сближеніе съ Европою до конца, и когда ни одинъ сколько-нибудь проницательный человѣкъ не могъ даже и вообразить, чтобы Россія свернула съ установленнаго пути просвѣщенія.

Въ письмѣ къ восточнымъ патріархамъ Петръ объясняетъ учрежденіе Синода тѣмъ, что онъ боится гнѣва Божія за нестроенія въ церкви, почему будто бы и рѣшился привести ее въ порядокъ *). Однако, если это правда, Петръ—въ случаѣ пониманія своего царскаго принципа, могъ бы вспомнить, что организація церкви, вполнѣ обезпечивающая порядокъ, установлена самою церковью, болѣе 1000 лѣтъ до рожденія его самого, и что если слѣдовало устроить Русскую Церковь,

*) „Царскія и патріаршія грамоты объ учрежденіи св. Синода". Москва, 1848 г. Синодальная типографія.

дѣйствительно весьма расшатанную самимъ же Петромъ и его нежеланіемъ цѣлыхъ 20 лѣтъ допустить избраніе новаго патріарха,—то для этого устроенія не было надобности выдумывать «Духовный Регламентъ», а слѣдовало только избрать патріарха и собрать обычный соборъ, который, конечно, и самъ установилъ бы все, что есть дѣльнаго въ «Регламентѣ». Впрочемъ, излишне лицемѣрить 200 лѣтъ послѣ Петра. Само собою, что не о порядкѣ въ церкви онъ думалъ, а о ея подчиненіи царской власти.

Нашъ извѣстный канонистъ, А. С. Павловъ, при всей осторожности въ выраженіяхъ, говоритъ:

«Взглядъ Петра Великаго на Церковь, какъ на служебную силу государства, образовался подъ вліяніемъ протестантской канонической системы, такъ называемой, территоріальной, основной принципъ которой выражается въ положеніи cujus regio-illius religio. Петръ познакомился съ этой теоріей во время пребыванія своего въ Голландіи, по сочиненіямъ извѣстнаго юриста Пуффендорфа, изъ которыхъ нѣкоторыя переведены потомъ по приказанію царя на русскій языкъ. Принципы этой теоріи проглядываютъ во всѣхъ важнѣйшихъ преобразованіяхъ Петра Великаго въ сферѣ церковнаго управленія. Начнемъ съ уничтоженія патріаршества и съ учрежденія св. Синода»... *).

Довольно вспомнить принципъ «Духовнаго Регламента», будто бы монархъ есть «крайній судья» высшаго церковнаго управленія **).

---

*) А. С. Павловъ. „Курсъ церковнаго права". 1892 г., стр. 507.

**) Формула присяги членовъ Синода по „Регламенту", гласитъ: „Исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго"... Подъ этимъ „исповѣданіемъ" присягающій прибавляетъ: „Клянусь и еще Всевидящимъ Богомъ, что вся сія, мною нынѣ обѣщанная,—но инако толкую въ умѣ моемъ, яко провѣщеваю устами моими". (Регламентъ, 1883 г., стр. 6). Можно лишь удивляться, что епископы православной церкви принимали такую присягу, при которой Синодъ никакъ не можетъ быть церковнымъ управленіемъ. Впослѣдствіи знаменитый митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ, вызванный въ Синодъ, согласился принять присягу лишь измѣнивши ее, именно поставивши крайнимъ

Петръ впрочемъ самъ опредѣлилъ отношенія Синода къ царской власти: «Синодъ въ духовныхъ дѣлахъ имѣетъ такую же власть, какъ Сенатъ въ мірскихъ». «Такимъ образомъ,— замѣчаетъ А. С. Павловъ,—*во главѣ Церкви*, по законодательству Петра, *стоитъ та же самодержавная власть*, что и во главѣ государства» (стр. 508).

Сто лѣтъ послѣ Петра, при составленіи основныхъ законовъ, православная вѣра признана господствующей и отъ самого монарха требуется ея обязательное исповѣданіе. По основнымъ законамъ—«императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія» (Пар. 42). Только въ семъ смыслѣ, поясняетъ примѣчаніе сего параграфа, императоръ въ актѣ о наслѣдіи престола именуется «главою церкви», хотя это выраженіе, конечно, очень плохо выбрано и можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что актъ составлялся при императорѣ Павлѣ въ 1797 году *). Но если мы, оставаясь православными, не могли явно и послѣдовательно провести протестантскаго принципа цезоропапизма, то противорѣчіе вѣры и практики, внесенное церковной реформой Петра, не могло не дѣйствовать деморализующе на нашу религіозную жизнь.

Здѣсь вопросъ идетъ не о личной религіозности Петра Великаго. Несмотря на кощунственныя пародіи церковной іерархіи съ «княземъ папой» во главѣ—онъ безъ сомнѣнія вѣрилъ въ Бога и во Христа Спасителя. Но онъ дѣйствительно имѣлъ сильныя протестантскія наклонности. Лютера онъ вообще ставилъ очень высоко. Въ 1712 году, передъ статуей Лютера въ Вартбургѣ, онъ восхвалялъ его за то что «на папу и все его воинство столь мужественно наступилъ для величайшей пользы своего (?) государя и многихъ князей»**)... Похвала для

Суліей Синода самого Іисуса Христа. Императрица Елисавета, при которой это произошло, оставила „дѣло“ безъ послѣдствій, но позднѣе, когда митрополита Арсенія уже при Екатеринѣ II-й судили за протестъ противъ отобранія церковныхъ имуществъ, ему поставили въ вину и это прежнее „преступленіе“...

*) „Сводъ Законовъ“, т. I, часть I-я, изд. 1892 г.

**) А. Добронравовъ „Руководство къ Исторіи Русской Церкви“, вып. IV, стр. 69.

религіознаго реформатора не особенно лестная, но хорошо рисующая взгляды самого Петра на Церковь.

Состояніе Русской Церкви тѣхъ временъ можетъ объяснять потерю церковнаго духа и чутья въ столь крупномъ русскомъ человѣкѣ, какъ Петръ Великій. Но фактъ остается фактомъ. Пониманія Церкви у него не было, а съ этимъ невозможно было пониманіе и собственной власти, какъ русскаго монарха. Въ своемъ отношеніи къ Церкви онъ подрывалъ самую существенную основу своей власти—ея нравственно-религіозный характеръ.

Та же самая точка зрѣнія, которая позволила Петру совершить ломку церковнаго управленія, проявлялась и въ его отношеніяхъ къ религіозной жизни русскаго народа вообще. Не входя въ анекдотическія подробности, вспомнимъ какія черты деспотизма въ сферѣ религіи хранитъ наше полное собраніе законовъ. К. П. Побѣдоносцевъ отмѣчаетъ въ своихъ «Выпискахъ» десятки законодательныхъ мѣропріятій, въ которыхъ ярко проявился духъ маловѣрующаго цезаропапизма, характеризующій Петра.

Такъ напр. № 3910—запрещено ходить изъ Церкви съ образами на домъ. № 3912—Архимандриты подъ присягой обязуются не держать затворниковъ. № 4022 — Запрещено приглашать священниковъ на домъ для служенія вечерни или заутрени: «сей безчинный обычай, сказано въ законѣ, весьма оставить, а на преслушниковъ налагать штрафы». Въ 1723 г. Января 28-го, указано «впредь никого не постригать». Въ 1725 г. запрещено ходить священникамъ со святой водой по домамъ (кромѣ Рождества)...

Мудрено ли, что старообрядцы искренно сочли Петра — антихристомъ? А какой смыслъ могло имѣть, въ интересахъ монархіи, подобное гоненіе на религіозныя потребности народа? Понятно — ни малѣйшаго. Это не суть дѣйствія монарха, хотя бы лично невѣрующаго, а дѣйствія увлекающагося протестанствующаго новатора. Между тѣмъ духъ мѣропріятій Петра естественно остался и послѣ него, особенно при имъ подготовленномъ господствѣ нѣмцевъ.

Правда, личная вѣра православныхъ императрицъ, которыя, какъ Елисавета Петровна, сами ходили на богомолья къ неуважаемымъ Петромъ святынямъ, уничтожила такія возмутительныя мѣры, какъ запрещеніе домашнихъ богослуженій (тѣмъ болѣе, что всѣ эти запрещенія всѣми нарушались) — однако общій духъ самовольнаго распоряженія государственной власти церковнымъ управленіемъ остался, можно сказать, навсегда или по крайней мѣрѣ до сихъ поръ.

«Какъ это странно, замѣчаетъ К. П. Побѣдоносцевъ по поводу одного выговора, объявленнаго императрицей Елисаветой Синоду въ 1752 году: въ женщинѣ и одной женщинѣ—сосредоточивается высшая церковная власть *)...

Должно замѣтить, что такое ненормальное отношеніе государственной власти къ церковной могло поддерживаться только истиннымъ терроромъ въ отношеніи епископата. За первое десятилѣтіе послѣ учрежденія синода большая часть русскихъ епископовъ побывала въ тюрьмахъ, были разстригаемы, биты кнутомъ и т. п. Я это провѣрялъ по спискамъ епископовъ, въ указанномъ сочиненіи Доброклонскаго**). Въ исторіи Константинопольской Церкви, послѣ турецкаго завоеванія, мы не находимъ ни одного періода такого разгрома епископовъ и такой безцеремонности въ отношеніи церковнаго имущества***).

Безъ сомнѣнія только чрезвычайное непониманіе идеи своей власти могло двинуть Петра на путь такого отношенія къ народной вѣрѣ и поставить Церковь, какъ неоднократно выражались, въ «Вавилонское плѣненіе». Но тоже непониманіе видно въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ Петра и въ чисто государственной области. Такъ онъ — *самъ уничтожилъ правильное престолонаслѣдіе*. Здѣсь мы замѣчаемъ снова общую черту дѣятельности Петра: случайное, чисто личное затрудненіе, въ отношеніи царевича Алексѣя, заставляетъ Петра возвести въ

---

*) К. П. Побѣдоносцевъ, „Выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ“ (Церковь и духовенство), 1895 г.

**) Доброклонскій. „Синодальный періодъ“.

***) А. П. Лебедевъ, „Исторія Греко-Восточной Церкви подъ властью Турокъ“, 1896 г.

принципъ то, что могло быть еще кое-какъ понято развѣ какъ неизбѣжное нарушеніе принципа.

Уставъ Петра о престолонаслѣдіи, изданный притомъ уже послѣ смерти его несчастнаго сына, называетъ наслѣдіе престола старшимъ сыномъ—«*недобрымъ обычаемъ*» и установляетъ, «дабы сіе было всегда въ волѣ правительствующаго государя—кому оный хочетъ, тому и опредѣлитъ наслѣдство» *). Какъ извѣстно, Россія расплатилась за такія правила Петра полустолѣтіемъ государственныхъ переворотовъ, въ которыхъ монархія уцѣлѣла только благодаря народу, продолжавшему считать закономъ не то, что приказалъ Петръ, а то, что было въ умахъ и совѣсти монархическаго сознанія народа.

Петру нашъ Сводъ Законовъ обязанъ нѣсколькими опредѣленіями монархической власти. Иногда они очень хороши, но въ этихъ случаяхъ Петръ лишь повторяетъ народные афоризмы, не обнаруживая при этомъ никакой болѣе глубокой мотивировки.

Въ Военномъ Артикулѣ сказано:

«Его величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ не долженъ дать отвѣта, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомнѣнію управлять».

Въ Духовномъ Регламентѣ выражено:

«Монарха власть есть самодержавная, которой повиноваться Самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ».

Эти опредѣленія были весьма полезны, уже тѣмъ, что нѣсколько стѣснили впослѣдствіи умствованія нашихъ государственниковъ конституціонной школы. Но дѣйствительно замѣчательнымъ памятникомъ Петра должно признать установленную имъ формулу присяги. Здѣсь Петръ формулировалъ то, что у него всегда велико, — личное его монархическое ощущеніе своей связи съ подданными. Формула эта, полагаю, ни въ какомъ законодательствѣ не имѣетъ ничего высшаго по глубинѣ монархическаго сознанія.

---

*) Соловьевъ, „Исторія Россіи", кн. IV, 839—40.

Въ ней подданный, независимо отъ своего ранга и сословія, обѣщаетъ: «Вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому Его Императорскаго Величества самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и притомъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Его Императорскаго Величества вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же Его Величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной) такъ и по особливой опредѣленной, и отъ времени до времени Его Императорскаго Величества, именемъ отъ предуставленныхъ надо мною начальниковъ, опредѣляемымъ, инструкціямъ и регламентамъ и указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать,— и такимъ образомъ себя весть и поступать, какъ вѣрному Его Императорскаго Величества подданному благопристойно есть и надлежитъ» *).

Въ этомъ замѣчательномъ документѣ безусловная подчиненность подданнаго превращается въ его *нравственное причастіе власти Государя*, и Катковъ, впослѣдствіи, правильно говорилъ, что въ присягѣ—наша «конституція», по которой мы имѣемъ «больше чѣмъ политическія права — мы имѣемъ политическія обязанности»...

Но когда Петръ начинаетъ объяснять свои права, то говоритъ иногда нѣчто совершенно несообразное съ тѣмъ чувствомъ, которое подсказало ему формулу присяги. Онъ обращаетъ себя въ

*) Списано по присяжному листу „Клятвенное обѣщаніе“ 1894 года, Октябрь, присяга нынѣшнему Государю. (Въ Основн. Зак. Прилож. V).

абсолютнаго монарха, а поддапныхъ въ какихъ-то безгласныхъ рабовъ, даже хуже — въ нѣчто политически несуществующее.

Въ знаменитой «Правдѣ воли монаршей», составленной, по порученію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, теоретическія основы монархіи излагаются по Гуго Гроцію и Гоббсу, и утверждаются на договорномъ происхожденіи государства. Эта «Правда» утверждаетъ, будто бы россійскіе поддапные должны были вначалѣ заключить договоръ между собой, а затѣмъ народъ «воли своей отрекся и отдалъ ее монарху». Тутъ же объясняется, что государь можетъ закономъ повелѣть своему народу не только все, что относится къ его пользѣ, но и все то, что только ему нравится. Это толкованіе русской монархической власти вошло—увы — какъ оффиціальный актъ, въ полное собраніе законовъ, гдѣ и значится подъ № 4888 въ VII томѣ *).

Появленіе абсолютистской точки зрѣнія при Петрѣ подтверждается такимъ образомъ не только дѣйствіями его, но и законодательными формулировками, т.-е. поставлено въ обязательное руководство поддапнымъ. Но все это только по безсознательности. При Петрѣ же, въ величайшемъ актѣ абсолютистскаго произвола—въ Духовномъ Регламентѣ—объясняется, что «правленіе соборное совершеннѣйшее есть и лучшее, нежели единоличное правительство», такъ какъ, съ одной стороны, «истина извѣстнѣе взыскуется соборнымъ сословіемъ, нежели единымъ лицомъ», съ другой стороны даже «вящая (т.-е сильнѣе) ко увѣренію и повиновенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ»... Конечно все это Ѳеофанъ заставляетъ Петра говорить поддапнымъ собственно для мотивировки уничтоженія патріарха, но положенія эти выдвигаются какъ общій принципъ. Повѣривъ этимъ заявленіямъ верховной власти, народъ могъ бы только спросить себя: зачѣмъ же ему «отрекаться своей воли», если «соборное правительство лучше единоличнаго» и если «соборный приговоръ» возбуж-

*) А. Алексѣевъ, „Русское Государственное Право", 190—191.

даетъ больше довѣрія и больше побуждаетъ къ повиновенію нежели единоличный указъ?

Очевидно—ничего подобнаго нельзя было бы написать даже при малѣйшей ясности монархическаго сознанія. Время Петра въ этомъ отношеніи составляетъ огромный регрессъ сравнительно съ московской монархіей.

ОТДѢЛЪ IV.

Самосознаніе петербургскаго періода.

XXVI.

Сложность работъ самосознанія.

Начатый Петромъ періодъ просвѣщенія продолжается уже болѣе 200 лѣтъ, и когда приходится подвести ему итоги, въ смыслѣ политическаго самосознанія, то получается нѣчто весьма блѣдное.

Этотъ періодъ осложнялся однимъ очень важнымъ обстоятельствомъ. За эти 200 лѣтъ въ составъ Имперіи вошло множество не русскихъ племенъ, цѣлыхъ народностей и даже государствъ. Включая ихъ въ свои предѣлы и въ число своихъ подданныхъ, Россія вводила всѣ эти милліоны людей въ число своихъ согражданъ. Они или сливались съ кореннымъ населеніемъ или совмѣстно сожительствовали, при чемъ въ обоихъ случаяхъ не могли не привносить своихъ вліяній на русскую національность.

А въ числѣ этихъ народностей были несравненно болѣе, чѣмъ мы, культурные нѣмцы, поляки, множество другихъ европейскихъ племенъ, какъ французы и пр. Огромное число евреевъ, какъ ни были они сначала обособлены, не могли не привносить и своего вліянія. Не меньшее число азіатскихъ и полуазіатскихъ народностей Кавказа и Средней Азіи также вли-

вались въ составъ русскаго племени или входили въ составъ его государственныхъ сочленовъ.

Такимъ образомъ, въ періодъ ученическаго просвѣщенія, когда приходилось вырабатывать свое самосознаніе, Россія вливала въ себя массу новыхъ, не русскихъ элементовъ, каждый изъ которыхъ долженъ былъ измѣнять самую природу ея національности. Работу самосознанія происходила, такъ сказать, въ субъектѣ безпрерывно мѣняющемся.

Когда мы размышляемъ о томъ, что изъ числа жителей Имперіи, на 90 милліоновъ русскихъ (претерпѣвавшихъ безпрерывный притокъ чужеродцевъ), приходится теперь 40 милліоновъ уже несомнѣнныхъ инородцевъ, даже отчасти враждебныхъ Россіи и русскимъ, то невольно является вопросъ: да тѣ ли же русскіе теперь, какіе были при Алексѣѣ Михайловичѣ? Та ли теперь ихъ душа, ихъ психологія? Не образовался ли за 200 лѣтъ на пространствѣ Имперіи новый или почти новый народъ?

Въ дѣйствительности, однако, общій типъ современной русской національности, въ психологическомъ смыслѣ, несомнѣнно, остался тотъ же, какъ былъ въ Московской Руси. Сравненіе исторически извѣстныхъ личностей и дѣятелей, сравненіе пѣсенъ, пословицъ и т. д., несомнѣнно убѣждаетъ, что въ общемъ русскій народъ XX вѣка въ высшей степени сходенъ съ народомъ XVII вѣка. Едва ли французы или англичане, за тѣ же 200 лѣтъ, представляютъ больше сходства между предками и потомками, чѣмъ русскіе, несмотря на то, что эти націи этнографически почти не измѣнялись, а русскіе безпрерывно впитывали огромные притоки чужеродныхъ элементовъ. Это явленіе объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что русская національность и раньше сложилась, какъ типъ смѣшанный. Новыя примѣси—особенно столь разнообразныя—не мѣшали, поэтому, сохраненію прежняго типа и, быть можетъ, даже способствовали его болѣе яркому выраженію.

Но если типъ русскаго остался тотъ же, то его характеристическая «универсальность» проявилась еще больше, и созпательная разгадка его всѣми наблюдателями признавалась очень не легкою.

Притомъ же задача самоопредѣленія должна была охватывать всѣ стороны національности въ ея историческомъ существованіи. Такимъ образомъ русскому, въ періодъ его ученическаго просвѣщенія, предстояла, въ смыслѣ самопознанія, работа огромная.

Въ политическомъ отношеніи она представляла особенныя трудности, потому что именно въ этомъ отношеніи легче всего жить кое-какъ заимствованными формами другихъ народовъ, кое-какъ вкладывая въ нихъ свой духъ, то-есть въ сущности портя и то, и другое. Съ Россіей такъ и было за эти 200 лѣтъ, и она даже прославилась на весь міръ своимъ «обезьянничаньемъ» Европы. Сверхъ того, хотя у насъ проблески самосознанія проявились очень рано, но подавляющее вліяніе европейской культуры породила въ образованномъ классѣ—особенно въ такъ именующей себя «интеллигенціи» послѣдняго періода—совершенно рабское усвоеніе и формъ и духа «общечеловѣческой культуры», яркій космополитизмъ, и даже отрицаніе всего своего.

Эта обезличенная часть образованнаго класса численно стала постепенно преобладающей, и если она не успѣла до сихъ поръ совершенно упразднить русское своеобразіе, то исключительно по трудности такой задачи. Дѣло въ томъ, что сама теоретически обезличенная и, по ея мнѣнію, оевропеившаяся часть русскаго образованнаго класса, по психологіи оставалась русскою, и не походила ни на одинъ народъ, которому хотѣла подражать. Многіе изъ этихъ «западниковъ», какъ, напримѣръ, Герценъ, Грановскій, Бѣлинскій, дали въ своей жизни и трудахъ прекрасные образчики чисто русскаго духа, и волей-неволей работали не на то, чтобы Россія уподобилась Европѣ, а на то, чтобы она созрѣвала въ своемъ своеобразіи.

Тѣмъ не менѣе, существованіе этого принципіальнаго «западничества», работавшаго на русское самосознаніе только противъ желанія, только по натурѣ своей, чрезвычайно усложняло эту работу, путало ее, приводило къ тому, что самосознаніе выростало только въ безпрерывномъ самопротиворѣчіи. Эти условія значительно объясняютъ недостаточные успѣхи наши въ работѣ политическаго самосознанія за 200 лѣтъ.

Какъ бы то ни было, въ отношеніи политическаго творчества, Россія за этотъ періодъ сдѣлала меньше всего.

Первые зачатки самоопредѣленія у насъ начались очень скоро послѣ Петровской реформы. Чувствуя въ себѣ какое-то несходство съ Европейскимъ міромъ, стали задавать себѣ вопросъ: что такое Россія? Началось собираніе русскаго народнаго творчества, уже при Екатеринѣ II очень замѣтное, а Кирша Даниловъ явился даже при Петрѣ I. Вниманіе, любопытство къ народности было первымъ признакомъ начавшагося самоопредѣленія.

Трудъ русской мысли по самопознанію, въ общей сложности, былъ громаденъ. Требовалось разслѣдовать все: исторію, въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ, языкъ, бытъ, искусство, психологію народа и т. д. И по всѣмъ этимъ отдѣламъ самоизслѣдованія сдѣлано очень много. Достаточно перелистать Кояловича *), вспомнить горы разысканныхъ и опубликованныхъ историческихъ матеріаловъ, народныхъ пѣсенъ, сказаній и т. д., вспомнить громадный и блестящій «подвигъ» Россіи по созданію своего литературнаго языка и литературы, которая раскрыла такіе многообразные тайники національной психологіи. Многое достигнуто. Русская исторія сдѣлалась наукой.. Языкъ разработанъ. Литература, довольно богатая количественно, по качеству уже дала созданія истинно великія въ міровомъ смыслѣ.

Россія опознала себя и со стороны искусства—музыки, живописи. Въ значительной степени она въ этомъ отношеніи стала обезпечена отъ простой подражательности.

Но въ области самосознанія умственнаго — вся эта работа доселѣ остается на первыхъ начаткахъ. И вотъ почему мы не можемъ доселѣ развить самостоятельнаго политическаго творчества.

Наша сознательность сдѣлала сравнительно больше успѣховъ въ области религіозной.

Требованіе сознательной вѣры отразилось, въ области бого-

---

*) М. О. Кояловича. „Исторія Русскаго самосознанія". Спб. 1893.

словской мысли, сначала самымъ сильнымъ подражаніемъ и «сознательность» черпалась въ источникахъ римско-католическихъ и особенно протестантскихъ. При этомъ у насъ оказалось гораздо болѣе тяготѣнія къ протестантизму. Наша богословская мысль развивалась долго въ очень опасномъ направленіи, такъ что существуетъ даже мнѣніе, что лишь великая учительная мысль Филарета московскаго спасла у насъ православіе. Если это и преувеличено, то все же точное отграниченіе православія отъ римскаго католицизма и протестантизма у насъ совершилось только въ срединѣ XIX вѣка въ результатѣ великихъ трудовъ главнымъ образомъ митрополита Филарета и А. С. Хомякова. Однако же и въ этой области—позволю себѣ сказать—мы не достигли полнаго сознанія, способнаго къ твердой формулировкѣ и ясному плану дѣйствія. Ибо православное сознаніе наше стало незыблемо лишь въ области догмата, но никакъ не въ области церковной жизни, содержаніе которой доселѣ у насъ не общепризнанно.

Всѣ эти стороны самосознанія — то-есть чисто національная и вѣроисповѣдная — не входятъ прямо въ область моего настоящаго разсужденія. Я упоминаю о нихъ лишь потому, что Русская государственность возникла на монархическомъ принципѣ, котораго пониманіе, а стало быть и дѣйствіе, связаны съ состояніемъ національнаго нравственно-религіознаго идеала.

Монархическій принципъ развивался у насъ до тѣхъ поръ, пока народный нравственно-религіозный идеалъ, не достигая сознательности, былъ фактически живъ и крѣпокъ въ душѣ народа. Когда же европейское просвѣщеніе поставило у насъ всю нашу жизнь на судъ и оцѣнку сознанія, то ни православіе, ни народность не могли дать яснаго отвѣта на то, что мы такое, и выше мы или ниже другихъ, должны ли, стало быть, развивать свою правду или брать ее у людей въ виду того, что настоящая правда находится не у насъ, а у нихъ?

Пока передъ Россіей стоялъ и пока стоитъ этотъ вопросъ, монархическое начало не могло развиваться, ибо оно есть выводъ изъ вопроса о правдѣ и идеалѣ.

XXVII.

Инстинктъ и сознаніе.

Посему-то совершенно естественно, что уясненіе нашего политическаго принципа шло позади уясненія принциповъ народности и вѣры. Пока нашъ нравственно-религіозный идеалъ находится въ нѣкоторомъ туманѣ или даже оказывается по нашему мнѣнію несостоятельнымъ, — до тѣхъ поръ монархія можетъ представляться сознанію только какъ абсолютизмъ, то-есть какъ власть ничѣмъ неограниченная. Монархія, какъ объяснено выше, ограничена содержаніемъ своего идеала: если идеалъ неясенъ и потому бездѣйствененъ или если онъ совсѣмъ исчезъ, то власть уже дѣйствительно ничѣмъ не ограничена и дѣлается абсолютистской.

Итакъ, развитіе монархическаго принципа, его самосознаніе, за этотъ періодъ должно было прямо понизиться. Онъ держался у насъ по прежнему голосомъ инстинкта, но разумомъ не объяснялся. Посему, изо всѣхъ сторонъ научнаго творчества, государственно-правовая у насъ за весь новый періодъ осталась наименѣе разработанной, наиболѣе подражательной, наиболѣе проникнутой простымъ списываніемъ идей европейскихъ, а потому—сообразно съ ходомъ государственной мысли Европы—принимала характеръ конституціонный.

Въ Европѣ легисты въ свое время были проводниками идеи монархической. У насъ юридическая мысль была проводникомъ идеи анти-монархической, демократической.

Когда подымался вопросъ объ ограниченіи самодержавія или даже о внѣшнихъ проявленіяхъ власти Монарха въ отношеніяхъ международныхъ—у насъ находились голоса, указывавшіе какую-то тѣсную связь царя и Россіи, связь, являвшуюся ограниченіемъ для Монарха. Этимъ отрицался абсолютизмъ, отрицалось ученіе, будто бы государь можетъ повелѣть все, «что ему нравится». Политическая мысль Русско-государственнаго права какъ бы возвышалась до сознательности.

Такъ въ минуту, когда Императоръ Александръ I, воспитанный въ республиканскихъ идеяхъ и считавшій республику выше монархіи, думалъ объ ограниченіи своей самодержавной власти—онъ услышалъ краснорѣчивый протестъ Карамзина.

«Если бы Александръ, писалъ Карамзинъ, вдохновленный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божіихъ и совѣсти—то истинный гражданинъ россійскій дерзнулъ бы остановить его руку и сказать: Государь, ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія, предъ святымъ алтаремъ, вручила самодержавіе твоему предку и требовала, да управляетъ ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе твоей власти: иной не имѣешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее».

Въ своей запискѣ «мнѣніе Русскаго гражданина», поданной государю въ 1819 году, по поводу плановъ возстановленія Польши, Карамзинъ доказываетъ опять, что и на это государь не имѣетъ права:

«Вы, пишетъ Карамзинъ, думаете возстановить древнее королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно ли съ Вашими священными обязанностями, съ Вашею любовью къ Россіи и къ самой справедливости?... Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли (то-есть Бѣлоруссія, Литва, Волынь и Подолія) уже были Россіею, когда митрополитъ Платонъ вручалъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины... Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ: вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ исторіи за свое дѣло, но оно уже сдѣлано, и для Васъ—свято уже: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить и Казан-

ское, Астраханское царства, Новгородскую республику, великое княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія, вмѣстѣ съ Галиціей были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи...

«Доселѣ нашимъ правиломъ, продолжаетъ онъ—было: ни пяди ни врагу, ни другу. Наполеонъ могъ завоевать Россію, но Вы, хотя и Самодержецъ, не могли даромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный... Государь, я отвѣтствую Вамъ головой за неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши: мы бы лишились не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю, остыли бы душой и къ Отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола» *)...

Въ этихъ любопытныхъ разсужденіяхъ мы хорошо схватываемъ голосъ чувства, которое Карамзинъ имѣлъ въ своемъ сердцѣ и хотѣлъ затронуть въ сердцѣ Государя. Но съ принципіальной стороны все это очень неясно и даже спорно: Карамзинъ даже ссылается на какой-то договоръ царя съ народомъ при избраніи династіи, хотя, конечно, если бы дѣло было только въ этомъ, то договоръ, съ согласія сторонъ, всегда можетъ быть пересмотренъ и измѣненъ. Въ разсужденіяхъ о Польшѣ Карамзинъ все основываетъ на обязанности соблюдать традицію... Это, конечно, легко опровержимо. Но во всемъ этомъ чувствуется однако какая-то правда, отрицаніе абсолютной власти и указаніе на связь царя и націи, связь, которая служитъ источникомъ обязанностей царскихъ.

Чувства, инстинкта—проявлялось въ Россіи постоянно достаточно, но сознательности, теоріи царской власти и взаимоотношеній царя съ народомъ—очень мало.

Между тѣмъ сознательность становилась тѣмъ необходимѣе, что бюрократическая практика неудержимо вводила къ намъ идею абсолютизма, а Европейское вліяніе, подтверждая, что царская власть есть не что иное, какъ абсолютизмъ, отрицало ее. Въ XIX вѣкѣ русская мысль рѣзко раскололась на «запад-

*) Библіофилъ. „Русско-Польскія отношенія", Вильна, 1897, стр. 3—4.

никовъ» и «славянофиловъ», и вся «западническая» часть вела пропаганду противъ самодержавія. Въ XVIII вѣкѣ уже сказано было устами «Вадима»:

Самодержавіе всѣхъ этихъ золъ содѣтель:
Вредитъ и самую чистѣйшу добродѣтель,
Свободу давъ Царю тираномъ быть...

За XIX вѣкъ все теченіе образованной западнической мысли, создавшей такъ называемую «интеллигенцію»,—вело пропаганду противъ самодержавія—по мѣрѣ цензурной возможности, въ Россіи, и со всей откровенностью въ заграничной своей печати. Національная часть образованнаго общества не могла не пытаться отстоять свое исторически русское учрежденіе монархіи. Расколъ, въ образованной части Россіи, между «западниками» (подъ различными наименованіями) и національной частью образованнаго класса—растетъ еще больше послѣ 1861 года, при чемъ въ «западническомъ» направленіи развивается страшное отрицаніе всего типично-русскаго, а идеи его получаютъ огромную силу во всѣхъ среднихъ образованныхъ слояхъ и охватываютъ даже народъ. Эта борьба, охватывающая всѣ стороны жизни, сосредоточилась особенно сильно около самодержавія, какъ принципа и учрежденія.

Въ этомъ долгомъ историческомъ спорѣ, идея монархическая до нѣкоторой степени все-таки уяснялась. У нашихъ великихъ художниковъ слова — Пушкина, Гоголя, А. Майкова и др.— попадаются превосходные, отклики монархическаго сознанія *). Но все это—отзвуки чувства, проявленія инстинкта, который столь силенъ вообще въ Русской личности, что нерѣдко неожиданно сказывается даже въ самыхъ крайнихъ отрицателяхъ, какъ напр. М. Бакунинъ.

Въ смыслѣ же сознательности, монархическая идея уяснялась по преимуществу публицистическимъ путемъ, въ спорѣ съ противниками, но не строго научнымъ анализомъ. Труды научные, оставаясь болѣе всего подражательными, вообще почти

*) Въ этомъ отношеніи много матеріала собрано у г. И. Черняева въ его сочиненіяхъ о Самодержавіи.

ничего не дали для уясненія самодержавія и чаще всего служили лишь для его безнадежнаго смѣшенія съ абсолютизмомъ.

Вообще наши ученые государственники, когда переходятъ на почву объясненія самодержавія, то въ лучшемъ случаѣ— повторяютъ сужденія публицистики. Если идея монархической власти нѣсколько и уяснялась у насъ, то не въ наукѣ, не въ кабинетѣ или аудиторіи профессора и академика, а на страницахъ газетъ и журналовъ, въ словеснomъ бою представителей партій и направленій. Русская политическая мысль, насколько она сдѣлала успѣховъ въ національномъ духѣ—всѣмъ обязана не государственной наукѣ, которая прививала европейскія идеи и понятія,—а публицистикѣ.

Среди его представителей особенно много сдѣлали славянофилы вообще, а И. С. Аксаковъ въ частности, и особо отъ нихъ стоящій М. Н. Катковъ.

Величайшую заслугу славянофиловъ составляетъ не столько разработка *политическаго* ученія, какъ установка *соціальныхъ* и *психологическихъ* основъ общественной жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они выполнили огромную работу, на которой выдвинулись умы рѣдкой силы: И. Кирѣевскій, А. Хомяковъ, Н. Данилевскій. Эти три дѣятеля должны быть отнесены къ числу блестящихъ представителей научной *мысли* нашей, и они болѣе всего подготовили возможную почву для Русской политической науки. Но это именно только почва. Такъ, косвенно, имѣетъ и для политики огромное значеніе идея И. Кирѣевскаго относительно самаго характера возможной Русской философіи (сближеніе способа мышленія съ тѣмъ сочетаніемъ духовныхъ способностей, которое указывается и православнымъ ученіемъ). Впослѣдствіи эта мысль получила новое развитіе у Астафьева... Славянофилы указывали также идею органическаго развитія соціальной и политической жизни, въ отношеніи чего особенно далеко пошелъ Н. Данилевскій *), а еще позднѣе К. Леонтьевъ, котораго впрочемъ уже трудно и причислить къ славянофиламъ.

---

*) „Россія и Европа". Спб. 1889 г. (Впервые явилась въ 1869 г.).

Въ общей сложности едва ли кто утвердилъ больше основаній для развитія русской мысли, какъ А. Хомяковъ, особенно въ «Запискахъ о всемірной исторіи» *), въ которыхъ начало органическаго развитія устанавливается въ исторіи на самомъ сложномъ фонѣ, съ огромнымъ участіемъ психологическаго элемента и въ связи съ религіознымъ чувствомъ. Это замѣчательное сочиненіе, недокончепный трудъ жизни Хомякова, опубликованный много лѣтъ по его смерти, не могло оказать вліянія на умы, но остается и до сихъ поръ источникомъ богатаго размышленія для всякаго желающаго. Болѣе счастливы труды Хомякова по выясненіи смысла православія, въ чемъ его заслуги вполнѣ признаны, а идеи твердо вошли въ Русское сознаніе.

Изъ другихъ славянофиловъ—Ю. Самаринъ много работалъ надъ отношеніями Россіи къ ея окраинамъ. Вообще разнообразная работа славянофиловъ очень многосторонне подготовляла почву для политическаго ученія, хотя все-таки — не создала его.

Наиболѣе подошелъ къ этой задачѣ И. С. Аксаковъ, въ своей вѣчно боевой публицистической дѣятельности, въ періодъ реформъ, въ пылу политической борьбы. На такой же почвѣ борьбы развивалъ свои политическія идеи М. Н. Катковъ. Это два писателя, у которыхъ обыкновенно чаще всего ищутъ *русскаго* ученія о государственной власти.

---

*) А. Хомяковъ. Сочиненія, томъ пятый 1900 г. Первое изданіе этого труда относится къ 1872 г.

XXVIII.

Публицистическое сознаніе. М. Н. Катковъ.

М. Н. Катковъ не излагалъ нигдѣ систематически, такъ сказать, ученія о самодержавіи, но въ борьбѣ съ политическими противниками и даже монархистами славянофильскаго оттѣнка неоднократно останавливался на различныхъ сторонахъ сущности и дѣйствія русской монархіи, и должно сказать что въ отношеніи монархіи онъ за всю свою публицистическую дѣятельность свободенъ отъ упрековъ въ разнорѣчіи, которые ему дѣлались въ отношеніи народнаго представительства и самоуправленія. Если мы соберемъ въ одно все, что высказывалъ Катковъ о русской государственной власти, то получаемъ картину совершенно стройную.

Что такое Царь, по Каткову? Царь—это нѣкоторое воплощенное въ единомъ лицѣ единство и сила Россіи. «Въ комъ живо сказалось единство отечества, въ томъ съ равною живостью и силой сказалась идея Царя: всякій почувствовалъ, что то и другое есть одна и таже всеобъемлющая сила... Въ Россіи множество племенъ, но всѣ эти разнородныя племена великаго русскаго міра составляютъ его живыя части и чувствуютъ свое единство съ нимъ въ единствѣ государства, въ единствѣ верховной власти—въ Царѣ, въ живомъ олицетвореніи этого единства» (Моск. Вѣд. № 9, за 1863 годъ). Это единство Царя и Россіи, Царя и верховной власти, Царя и государства—Катковъ излагалъ много разъ. «Гдѣ же могутъ заключаться права и интересы государя, какъ не въ его государствѣ? Россія сильна именно тѣмъ, что народъ ея не отдѣляетъ себя отъ своего государя. Не въ этомъ ли единственно заключается то священное значеніе, которое Русскій Царь имѣетъ для русскаго народа»? (1867 г. № 88).

Почему однако государственное единство и верховная власть непремѣнно связаны съ однимъ лицóмъ? Катковъ указываетъ на Русскую Исторію и на связи съ Византійскою.

«Монархическое начало, говоритъ онъ, росло одновременно съ русскимъ народомъ. Оно собирало землю, оно собирало власть, которая въ первобытномъ состояніи бываетъ разлита повсюду, гдѣ только есть разница между слабымъ и сильнымъ, большимъ и меньшемъ. Въ отобраніи власти у всякаго надъ всякимъ, въ истребленіи многовластія, состоялъ весь трудъ и вся борьба Русской Исторіи. Борьба эта, которая въ разныхъ видахъ и при разныхъ условіяхъ совершалась въ исторіи всѣхъ великихъ народовъ, была у насъ тяжкая, но успѣшная, благодаря особенному характеру православной церкви, которая отреклась отъ земной власти и никогда не вступала въ соперничество съ государствомъ. Тяжкій процессъ совершился, все покорилось одному верховному началу и въ русскомъ народѣ не должно было оставаться никакой власти, отъ монарха не-зависящей. Въ его единовластіи русскій народъ видитъ завѣтъ всей своей жизни, въ ней полагаетъ всѣ свои чаянія.» (№ 12 Моск. Вѣд. 1884 г.). Въ силу такого происхожденія монархіи «самъ монархъ не могъ бы умалить полноту своихъ правъ. Онъ воленъ ими не пользоваться, подвергая тѣмъ опасности себя и государство, но онъ не могъ бы отмѣнить ихъ, если бы и хотѣлъ. Да народъ и не понялъ бы его» (№ 12 за 1884 г.).

Значеніе Русскаго Царя успливается его положеніемъ въ міровыхъ задачахъ христіанства. «Всякая власть отъ Бога—учитъ наша Церковь. Но Русскому Царю дано особое значеніе, отличающее его отъ другихъ властителей міра. Онъ не только государь своей страны и вождь своего народа—онъ Богомъ поставленный блюститель и охранитель Православной церкви, которая не знаетъ надъ собою земнаго намѣстника Христова и отреклась отъ всякаго дѣйствія, кромѣ духовнаго, предоставляя всѣ заботы о своемъ земномъ благосостояніи и порядкѣ освященному ею вождю великаго православнаго народа. Русскій Царь есть болѣе чѣмъ наслѣдникъ своихъ предковъ: онъ преемникъ кесарей восточнаго Рима, устроителей церкви и ея соборовъ, установившихъ самый символъ христіанской вѣры. Съ паденіемъ Византіи поднялась Москва

и началось величіе Россіи. Вотъ гдѣ тайна той глубокой особенности, которою Россія отличается среди другихъ народовъ міра». Отсюда Катковъ выводитъ еще обязанность Царя:

«Высоко призваніе Государя Россіи, но и обязательно болѣе чѣмъ всякая другая власть на землѣ. Носить этотъ санъ требуется не только съ достоинствомъ, но съ благоговѣніемъ. Его обязанности выше всѣхъ его правъ».

Объединяя государя съ народомъ, Катковъ постоянно настаивалъ на томъ, что всѣ русскіе подданные обязаны помогать Царю, и что царь и агенты власти—не одно и тоже. Онъ не разграничиваетъ понятій о «верховной власти» и «правительствѣ», даже прямо смѣшиваетъ ихъ. «Верховная власть, а стало быть и правительственное начало...» такія выраженія у него встрѣчаются постоянно. «Правительственное начало, то есть верховная власть, охраняется какъ святыня цѣлымъ народомъ» (1863 г. № 271). Но участіе всѣхъ гражданъ въ дѣлахъ государственныхъ утверждается Катковымъ очень твердо. «Польза государства и общественное благо должны быть дороги всѣмъ и каждому, и охранять ихъ и способствовать имъ призваны не только офиціальные дѣятели, состоящіе на службѣ по разнымъ административнымъ вѣдомствамъ, но и всѣ честные граждане, по долгу совѣсти и по общей для всѣхъ присягѣ». «Каждый честный гражданинъ долженъ по совѣсти, въ сферѣ своего общественнаго дѣйствія, видѣть въ себѣ слугу государя и радѣть, какъ говорили наши предки, его государеву дѣлу» (1866 г. № 138).

«Въ понятіяхъ и чувствѣ народа верховная власть есть начало священное. Чѣмъ возвышеннѣе и священнѣе это начало въ понятіяхъ и чувствѣ народа, тѣмъ несообразнѣе, фальшивѣе и чудовищнѣе то воззрѣніе, которое хочетъ видѣть въ разныхъ административныхъ властяхъ какъ бы доли верховной власти. Какъ бы ни было высоко поставлено административное лицо, какимъ бы полномочіемъ оно ни пользовалось—оно не можетъ претендовать ни на какое подобіе принципу верховной власти. Власть, въ которую облеченъ администраторъ, безконечно, toto genere, отлична отъ верховной власти.

Администраторъ не можетъ считать себя самодержцемъ въ маломъ видѣ... Служба государю не можетъ также считаться исключительною принадлежностью бюрократической администраціи... Всѣ, отъ мала до велика, могутъ и должны видѣть въ себѣ, въ какой бы то ни было степени и мѣрѣ, слугъ государевыхъ. Что у насъ называется общественною службою, то въ сущности есть такая же служба государю, какъ и всякая другая, и въ этомъ отношеніи различіе между государственною и, такъ называемою, общественною службою не существенно. Мировой судья (охранитель общественнаго мира) такъ же служитъ государю, какъ и бюрократическій дѣятель» (1866 г. № 154).

Потому и о своей дѣятельности Катковъ говоритъ:

«Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ мы поняли какъ служеніе государственное во всей силѣ этого слова» (1866 г. № 151).

И это вовсе не взглядъ «перваго періода» жизни. Онъ у Каткова не измѣнился никогда.

«Только по недоразумѣнію,—продолжаетъ Катковъ,—думаютъ, что монархія и самодержавіе исключаютъ «народную свободу», на самомъ же дѣлѣ она обезпечиваетъ ее болѣе, чѣмъ всякій шаблонный конституціонализмъ. Только самодержавный царь могъ, безъ всякой революціи, однимъ своимъ манифестомъ освободить 20 милліоновъ рабовъ» (1881 г. № 115).

«Говорятъ, повторяетъ онъ еще позднѣе, что Россія лишена политической свободы, говорятъ, что хотя русскимъ подданнымъ и предоставляется законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ политическія права: они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ русскихъ подданныхъ обязанъ стоять на стражѣ правъ верховной власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрноподданнаго. Вотъ наша конституція. Она вся, безъ параграфовъ, содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги

на вѣрность... Какое же правительство, не потерявшее смысла, можетъ отнимать у людей право исполнять то, что велитъ имъ долгъ присяги»? (1886 г. № 341).

Такъ писалъ Катковъ почти наканунѣ кончины своей. Но помимо такого общаго замѣчанія о благоразуміи правительства—чѣмъ же, какими путями, можетъ осуществляться это причастіе русскихъ къ «политическимъ обязанностямъ» своимъ? На это у Каткова нѣтъ отвѣта.

Представительство народа онъ отрицалъ категорически.

«Въ какихъ бы размѣрахъ, силѣ и формѣ ни замышляли его (представительство)—оно всегда окажется искусственнымъ и поддѣльнымъ произведеніемъ и всегда будетъ болѣе закрывать собою, нежели открывать народъ съ его нуждами. Оно будетъ выраженіемъ не народа, а чуждыхъ ему партій, и неизбѣжно станетъ орудіемъ ихъ игры». Правительству *необходимо* сближеніе съ народомъ, но для того требуется обратиться къ нему *непосредственно*, а не черезъ представительство какое бы то ни было (?), узнавать нужды страны прямо отъ тѣхъ, кто ихъ испытываетъ и кто свидѣтельствуетъ о нихъ не по прокураціи, а самолично. Устроить такъ, чтобы голосъ народныхъ потребностей, не фиктивныхъ, а дѣйствительныхъ, достигалъ престола безъ всякой посторонней примѣси — вотъ *задача, достойная правительства самодержавнаго монарха*, вотъ вѣрный шагъ на пути истиннаго прогресса» (1881 г. № 119).

Но какъ это устроить? Катковъ не объясняетъ ни единымъ словомъ. А задача—не изъ легкихъ. Катковъ же признаетъ ее «необходимою», по крайней мѣрѣ, въ 1881 г. Это былъ годъ опасности, годъ, когда вслѣдъ за небывалымъ преступленіемъ цареубійства послышались голоса о созывѣ народныхъ представителей, которые — по желаніямъ однихъ — должны были ограничить царскую власть, по желанію другихъ—должны были помочь царю въ томъ, чего не могла сдѣлать администрація... Катковъ указываетъ, что созывать народныхъ представителей не слѣдуетъ, но сознается, что какое-то иное, непосредственное общеніе царя и народа необходимо.

Однако его нѣтъ, и Катковъ не говоритъ, какъ его создать.

А между тѣмъ пока нѣтъ этого непосредственнаго общенія, до тѣхъ поръ, стало быть, верховная власть Россіи лишена нѣкотораго «необходимаго», по признанію Каткова, средства управленія.

Точно такъ же Катковъ не говоритъ, какими путями подданный можетъ исполнять свою присяжную обязанность заботиться о пользахъ государства. Самъ лично онъ, имѣя газету, могъ исполнять эту свою обязанность и такимъ образомъ пользовался русской «конституціей», по его выраженію. Но остальные десятки милліоновъ русскихъ подданныхъ не имѣли такихъ или другихъ орудій служенія по присягѣ своей. Очевидно, что для дѣйствительности такого служенія должны бы существовать для *всѣхъ* какія-либо формы, орудія, средства дѣйствія. Пока этого нѣтъ—указываемая «конституція» остается мертвой буквой для гражданъ.

Въ итогѣ, по ученію Каткова, должно было бы признать, что у насъ есть нѣчто крайне деффектное въ положеніи и верховной власти, и подданныхъ. Ясностью и разработанностью способовъ дѣйствія, оказывается, снабжена только именно бюрократія, а верховная власть и подданные не имѣютъ этого блага. Катковъ не дѣлалъ такого печальнаго вывода, но долженъ бы былъ его сдѣлать, если бы разсуждалъ какъ мыслитель, а не какъ публицистъ—человѣкъ партіи.

Очень возможно, что онъ вполнѣ понималъ недодѣланность нашей монархической «конституціи» и неизбѣжное при этомъ всесиліе бюрократіи, которая еще при императорѣ Николаѣ Павловичѣ острила, что «самодержцевъ самихъ держатъ»... Но Катковъ былъ весь вѣкъ не мыслителемъ, даже не пропагандистомъ, а вѣчнымъ бойцомъ, ультра-практическимъ адвокатомъ и прокуроромъ. Онъ говорилъ не для того, чтобы раскрыть объективную истину, а чтобы достигнуть побѣды въ цѣляхъ даннаго дня. При такомъ положеніи объективно-истинной разработки какихъ бы то ни было принциповъ не можетъ и быть *).

*) Очеркъ политическихъ взглядовъ М. Н. Каткова составленъ по „Собранію передовыхъ статей Московскихъ Вѣдомостей“, изданіе С. П. Катковой. Изъ компиляцій идей Каткова должно отмѣтить рядъ выпусковъ: „М. Н. Катковъ. О самодержавіи и конституціи“ и пр. 1905 г. Типогр. Снегирева.

XXIX.

Публицистическое сознаніе. И. С. Аксаковъ.

Старые славянофилы, казалось бы, могли оставить что либо болѣе разработанное относительно самодержавія. Но въ дѣйствительности этого не было. Тамъ тоже шла борьба съ «западничествомъ» и всѣ силы ушли на самое преувеличенное обоснованіе Русской «самобытности» въ смыслѣ національномъ, при чемъ менѣе всего разрабатывалось ученіе о самодержавіи. Впослѣдствіи — объ этомъ вопросѣ пришлось говорить всю жизнь Ивану Сергѣевичу Аксакову, и совершенно на той же боевой адвокатско-прокурорской почвѣ какъ и Каткову. Жгучіе вопросы того времени—о конституціи и парламентаризмѣ, о народномъ представительствѣ, о самоуправленіи, о свободѣ слова и мысли—вотъ что занимало Аксакова, какъ и Каткова, и касаясь вопроса о самодержавіи—не столько разбирался этотъ принципъ самъ по себѣ, какъ его отношеніе къ представительству, самоуправленію и свободѣ.

Въ разсмотрѣніи самодержавія Аксакову мѣшало еще очевидное незнакомство его съ государственнымъ правомъ, вслѣдствіе чего его юридическія опредѣленія подчасъ рѣжутъ ухо своей неточностью и даже невѣроятностью.

Такъ, имѣя въ виду защитить неограниченность царской власти, Аксаковъ говоритъ:

«Что такое самодержавіе, неограниченность власти? Это есть принадлежность, необходимое свойство всякой (?) власти въ области ей свойственныхъ отправленій» (соч. т. V. стр. 13). Это, конечно, грубая ошибка. Самодержавность и неограниченность вовсе не свойство всякой власти, а только и исключительно власти верховной. Всѣ же остальныя власти—«делегированныя», всегда и обязательно ограничены той властью, которая дала имъ ихъ полномочія. Но Аксаковъ вообще не знаетъ различія между властями верховной и делегированными,

передаточными. Его аргументація отъ этого чрезвычайно слабѣетъ.

«Государь демосъ (народъ), продолжаетъ Аксаковъ, государь совѣтъ десяти, государь конвентъ (?), государь парламентъ (?), государь царь—все эта та же верховная самодержавная власть съ тою разницей, что въ послѣднемъ случаѣ она сосредоточивается въ одномъ лицѣ, а въ первомъ случаѣ переносится на народныя массы или же на образованное меньшинство»... Все это опять путано до нельзя. Ни конвентъ, ни парламентъ, не суть «государи» и верховной власти не имѣютъ, а потому не имѣютъ неограниченной власти, а если ее захватываютъ—то лишь какъ узурпаторы, тогда какъ царь—есть власть верховная и посему неограниченная—по самому праву своему. Царь вовсе не есть только сосредоточенная власть. Здѣсь Аксаковъ, самъ того не подозрѣвая, находится вполнѣ во власти абсолютизма, который хочетъ ниспровергать.

Но оставляю критику, которой почти не заслуживаетъ И. С. Аксаковъ въ области государственно-правовыхъ понятій. Посмотримъ—какъ онъ представляетъ себѣ царскую власть, не касаясь при этомъ неясности и ошибокъ терминологіи и формулировки.

Аксаковъ очень хорошо сознаетъ, что связь царя и народа нравственная. «Вопросъ о томъ, что лучше: коронованное ли общественное мнѣніе, или коронованный человѣкъ, ничѣмъ не огражденный, кромѣ права, за нимъ всенародно признаннаго, безсильный какъ личная одинокая сила, но могучій идеей, которой онъ представитель, и этой идеей освящаемый—этотъ вопросъ рѣшается въ каждой странѣ сообразно ея мѣстнымъ потребностямъ (?) и историческимъ особенностямъ развитія». Въ Россіи онъ рѣшенъ въ формѣ власти единоличной. Тутъ вѣрно чувство, и, какъ почти всегда,—неясность мысли. Дѣло конечно не въ «потребностяхъ», а въ духовномъ состояніи народа, чѣмъ бы оно ни создавалось.

Но далѣе у Аксакова идутъ опять ошибки, зависящія отъ непониманія того, что такое верховная власть. Онъ разграничиваетъ области вѣдѣнія царя и народа, и этимъ совершено

произвольно ограничиваетъ власть царя. «Русскій народъ, говоритъ онъ, образуя Русское государство, призналъ за послѣднимъ, въ лицѣ царя, полную свободу правительственнаго дѣйствія, неограниченную свободу государственной власти, а самъ, отказавшись отъ всякихъ властолюбивыхъ притязаній (?)... свободно подчинилъ въ сферѣ внѣшняго, формальнаго дѣйствія, слѣпую волю свою... волѣ одного имъ избраннаго (съ его преемниками) человѣка... Для восполненія же недостаточности единоличной неограниченной власти въ разумѣніи нуждъ и потребностей народныхъ — онъ (народъ) признаетъ за землею, въ своемъ идеалѣ—полную свободу бытовой и духовной жизни, неограниченную (?) свободу мнѣнія или критики, то-есть мысли и слова».

«Единоличному уму, облеченному верховной неограниченной властью, содѣйствуетъ такимъ образомъ умъ милліоновъ, нисколько не стѣсняющихъ его свободы, не насилуя его воли» (Соч. т. V, стр. 16). Несмотря на это «отреченіе» народа отъ «властолюбія», мѣстное самоуправленіе, по Аксакову, все таки входитъ въ область вѣдѣнія народа. «Самоуправляющаяся мѣстно земля съ самодержавнымъ царемъ во главѣ—вотъ Русскій политическій идеалъ» (соч. т. V, стр. 57, это писано въ 1881 году).

Тутъ все неточно, все возбуждаетъ вопросы: почему мѣстное управленіе не есть дѣло «властолюбія», а общее—государственное—дѣло «властолюбія»? Что такое мѣстное управленіе? Правда ли, что царю принадлежитъ только внѣшнее и формальное дѣйствіе? Неужели царская власть не участвуетъ въ дѣйствіи нравственномъ? Въ исторіи русской никогда цари такъ себя не ограничивали, и народъ всегда ждалъ отъ нихъ не одного внѣшняго и формальнаго дѣйствія. Въ государственномъ правѣ точно также верховная власть не осуждается на такое бездушное существованіе... И даже самъ Аксаковъ говоритъ въ своей знаменитой рѣчи 1881 года въ Петербургскомъ Славянскомъ Благ. Обществѣ:

«Не бездушному снаряду вручена народомъ власть, а человѣку, съ живой человѣческой душой, съ русскимъ сердцемъ и съ христіанскою совѣстью»...

Совершенно вѣрно, но потому то и ложны всѣ перегородочки, которыя Аксаковъ устраиваетъ между яко бы областями вѣдѣнія царя и народа, ибо монархія именно не имѣетъ ихъ. Въ монархіи и народъ не отказывался ни отъ какой власти, и царь не ограниченъ какой либо отдѣльной областью дѣйствія, но какъ верховная власть—ни откуда не устраненъ.

Въ свою очередь и народъ, какъ справедливо доказываетъ Катковъ, не устраненъ отъ сознательнаго участія въ какой бы то ни было отрасли государственныхъ интересовъ, а даже обязанъ къ этому присягой. Дѣло не въ одномъ «мѣстномъ» управленіи, которое точно также не можетъ остаться безъ воздѣйствія верховной власти, какъ въ свою очередь общегосударственное управленіе не можетъ оставаться безъ воздѣйствія народа. Впрочемъ Аксаковъ и славянофилы сами считали земскіе соборы непремѣнной принадлежностью нашей монархіи. Слѣдовательно не въ одномъ мѣстномъ управленіи проявляется единство царя и народа въ заботѣ о народно-государственномъ дѣлѣ. Сверхъ того это единство относится не къ области одной политики и какого нибудь только «внѣшняго» дѣйствія, а ко всему, чѣмъ только живетъ народъ.

Верховная власть выражаетъ тотъ элементъ, который выше всего и всѣмъ завѣдуетъ. Царская верховная власть есть верховенство нравственнаго идеала въ государственной жизни, а слѣдовательно царь не можетъ быть оторванъ отъ жизни этого идеала въ народѣ. Правда, что въ этой идеальной области царь уже не есть господинъ. Онъ здѣсь уже есть подчиненная сила. Но подчиненъ онъ только идеалу, а въ отношеніи всего, что уклоняется отъ этого идеала или возстаетъ на этотъ идеалъ—царь, какъ верховная власть государства, поставленная на стражѣ этого идеала въ общенародной жизни — является властью—въ области жизни церковной, нравственной и той «бытовой», которую Аксаковъ выдѣляетъ въ исключительное вѣдѣніе народа.

Царская власть не произвольная, она ограничена содержаніемъ идеала, она обязана представлять идеалъ, дѣйствовать сообразно его содержанію. Но оставаясь подчиненною идеалу—она дѣйствуетъ властно для его поддержанія и осуществленія.

Въ пониманіи содержанія верховной власти и отношеній царя и народа — Катковъ несомнѣнно правѣе Аксакова, но только теоретически. На практикѣ же Аксаковъ оказывался часто правѣе.

Аксаковъ требовалъ дѣйствительнаго общенія царя съ народомъ, онъ требовалъ самоуправленія, онъ требовалъ возстановленія правъ церкви, то есть требовалъ именно того, при наличности чего царская власть только и можетъ быть верховною, выражать не произвольныя побужденія царя, какъ человѣка, но требованія нравственнаго идеала народа. Катковъ же всему этому противился, хотя и признавалъ самъ, что какое-то непосредственное общеніе царя съ народомъ требуется имѣть. Онъ даже въ отношеніи церкви—фактически поддерживалъ положеніе царя, какъ главы, фактически помогалъ цезаро-папизму. Никогда онъ не поддержалъ ни одного случая нравственнаго вліянія націи на верховную власть, за исключеніемъ своего собственнаго вліянія. Конечно—онъ допускалъ давленіе общественнаго мнѣнія, напримѣръ, во время Польскаго возстанія, или во время сближенія съ Франціей. Но допускалъ его только потому, что самъ считалъ въ данныхъ случаяхъ общественное чувство и мнѣніе правильными. Такимъ образомъ онъ дѣйствовалъ, какъ чисто практическій дѣятель. Если бы онъ когда либо увѣрился, что земскій соборъ поддержитъ то, что думаетъ самъ Катковъ—онъ вѣроятно потребовалъ бы и земскаго собора. Его публицистической проповѣдью руководила практика.

Аксаковъ же готовъ былъ дать Россіи возможность самой высказать, что она считаетъ лучшимъ для себя. Это разница темпераментовъ и въ силу этого Аксаковъ, при худшей формулировкѣ, искреннѣе выражалъ требованія самого идеала царско-народныхъ отношеній.

Но если подвести счетъ политическому ученію Аксакова, то итогъ получится все-таки небольшой. Положительнаго и вѣрнаго въ немъ лишь то, что, во первыхъ,—связь царя съ народомъ по существу *нравственная*, но какая?—это не опредѣлено; во вторыхъ, что есть учрежденія, которыя царская власть, не

превращаясь въ абсолютизмъ, не можетъ уничтожать, а именно то, что охраняетъ церковную самостоятельность—патріаршество, соборы, затѣмъ «мѣстное» самоуправленіе и земскіе соборы, выражающіе право подданныхъ выражать свое мнѣніе и критику. Во всемъ этомъ славянофилы и Аксаковъ стояли на совершенно вѣрномъ пути къ разработкѣ политики самодержавія, но разработки этой все же не сдѣлали и свое ученіе запестрили множествомъ теоретическихъ произвольностей.

XXX.

А. Кирѣевъ, М. Юзефовичъ и др.

Изъ числа другихъ писателей, старавшихся разгадать и опредѣлить Русское самодержавіе, большинство принадлежитъ такъ или иначе къ школѣ славянофиловъ, но всѣ дѣлали это въ общихъ формулахъ, не дающихъ способовъ правового построенія политической системы. Прекрасную формулу Царя, какъ делегаціи Божественной власти, далъ В. С. Соловьевъ. Внутренній смыслъ единоличнаго самодержавія разсматривался Д. Хомяковымъ *), точно такъ же безъ всякой попытки построенія политической системы на основѣ этого принципа. Очень много писалъ о самодержавіи Н. Черняевъ, котораго сочиненія даютъ весьма цѣнные матеріалы для изученія монархической идеи, но законченной обработки этотъ матеріалъ и у него доселѣ не получилъ. А. А. Кирѣевъ пользуется большой извѣстностью, какъ наиболѣе видный изъ современныхъ представителей чистаго славянофильства, но онъ мало разрабатывалъ его политическую систему.

---

*) Д. Хомяковъ. „Самодержавіе, опытъ схематическаго построенія этого понятія“. 1903 г. Этотъ трактатъ очень интересенъ, но изданъ, къ сожалѣнію, „на правахъ рукописи“, т.-е. въ сущности не доступенъ для публичнаго пользованія.

Общіе взгляды А. А. Кирѣева сводятся къ формулѣ—«Царю» принадлежитъ воля и дѣйствіе, народу—мнѣніе». Основа отношеній политическихъ—въ Россіи чисто этическая, а посему между царемъ и народомъ существуетъ—точнѣе, должно существовать—полное единеніе, такъ что въ политической практикѣ «воля» царя и «мнѣніе» народа должны оба находиться въ постоянной наличности. Посему, горячо возставая противъ парламента, А. А. Кирѣевъ считаетъ непремѣннымъ дополненіемъ русскаго строя Земскій Соборъ и мѣстное самоуправленіе. Въ послѣднее время А. А. Кирѣевъ писалъ также о нѣкоторыхъ чисто практическихъ мѣрахъ къ улучшенію современнаго дѣйствія нашей политической машины, но о нихъ я не стану распространяться *). Во всякомъ случаѣ, А. А. Кирѣевъ «ученія», въ смыслѣ системы государственнаго права не давалъ. Его труды, имѣющіе значеніе въ научномъ смыслѣ, относятся къ области религіозной, гдѣ онъ можетъ быть считаемъ продолжателемъ А. Хомякова, но не въ смыслѣ популяризатора, а въ смыслѣ совершенно самостоятельнаго дополнителя трудовъ Хомякова по выясненію смысла православія. Въ этомъ отношеніи труды А. А. Кирѣева заслуженно дали ему званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи.

Нѣчто среднее между славянофилами и М. Катковымъ составляетъ М. Юзефовичъ, котораго взгляды вылились въ стройную систему, хотя весьма подлежащую критикѣ.

М. В. Юзефовичъ разсматриваетъ судьбы Россіи въ связи съ миссіей христіанства. Историческая миссія христіанства требовала двухъ періодовъ: въ первый нужно было «покорить человѣку вещественный міръ и подчинить его власти всѣ физическія силы внѣшней природы». Второй періодъ долженъ состоять въ «водвореніи христіанскихъ началъ въ самую жизнь». Въ общихъ взглядахъ М. Юзефовича есть родство съ славянофилами, особенно А. С. Хомяковымъ, и съ идеями Владиміра Соловьева, хотя въ послѣднемъ случаѣ нѣкоторое сходство

*) Кирѣевъ. „Россія въ началѣ XX столѣтія", Спб. 1903 г. (на правахъ рукописи).

идеи порождено исключительно ходомъ развитія національной мысли Россіи *).

Итакъ, первая часть задачи, — говоритъ М. Юзефовичъ, — досталась на долю Европы. Вторая должна быть исполнена Россіей. Все это выражено въ простыхъ афоризмахъ и не составляетъ, строго говоря, «ученія». Но въ частностяхъ развитія мысли автора любопытно совершенно своеобразное отношеніе къ Петру Великому и его учрежденіямъ, въ чемъ М. Юзефовичъ уже рѣзко расходится со славянофилами.

Онъ, именно, видитъ въ Петрѣ чисто русскаго генія, ни мало не подражательнаго, и его учрежденія считаетъ не только самостоятельными, но образцовыми, такъ что и нынѣ желаетъ возстановленія ихъ. Начало подражанія Европѣ М. Юзефовичъ находитъ у насъ лишь въ XIX вѣкѣ, при чемъ является жестокимъ противникомъ системы министерствъ. Что касается Петровскаго сената, синода и коллегій, онъ видитъ въ нихъ полное осуществленіе истинно русскихъ по духу учрежденій.

«Петръ,—говоритъ онъ,—учредилъ сенатъ, этотъ превосходнѣйшій органъ нашего соборнаго начала, совмѣщавшій въ себѣ всѣ функціи верховной власти: законодательную, исполнительную, судебную и контрольную, въ предсѣдательствѣ самого царя, съ рѣшающимъ голосомъ, и служившій, въ лицѣ лучшихъ людей страны, дѣйствительною связью народнаго разума съ волею единоличнаго вождя, гдѣ онъ находилъ свѣтъ и помощь, и могъ повѣрять какъ дѣйствія исполнительной власти, такъ и самого себя. Въ этомъ органѣ выражалась мудрѣйшая формула соборнаго правового порядка».

Точно такъ же, вмѣсто Московскихъ приказовъ, «Петръ поставилъ, подъ непосредственнымъ контролемъ сената, исполнительныя коллегіи, исключавшія, по самому существу своему, прежній личный произволъ».

«Въ области церковной онъ тоже замѣнилъ личный патрі-

---

*) „Нѣсколько словъ объ исторической задачѣ Россіи". Кіевъ, 1895 г. Эта книга издана уже, по смерти его, Б. М. Юзефовичемъ, который нашелъ рукопись отца своего въ числѣ бумагъ покойнаго.

архатъ соборнымъ синодомъ, этой лучшей охраной апостольскихъ преданій».

Строй, столь совершенный, былъ, по мнѣнію М. Юзефовича, упраздненъ лишь реформами Александра I, которыя онъ жестоко критикуетъ. Въ этой критикѣ очень много вѣрнаго. Конечно, бюрократическое начало получило именно съ этого времени наиболѣе широкое развитіе. Но что касается Петровскихъ учрежденій, то, несомнѣнно, что М. Юзефовичъ до невозможности идеализируетъ ихъ дѣйствіе, а теоретически ужъ никакъ нельзя согласиться, чтобы хоть одно изъ Петровскихъ учрежденій выражало идею «соборности».

Коллегіальность и соборность—это два понятія совершенно различныя.

Соборное начало имѣетъ своимъ смысломъ цѣлостное дѣйствіе какой-либо органической коллективности. Такъ, соборное начало въ Церкви стремится дать цѣлостное выраженіе мнѣнія и дѣйствія всей Церкви, то-есть всѣхъ милліоновъ ея членовъ какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Въ земскихъ соборахъ это начало имѣетъ цѣлью выразить мнѣніе всей націи. Соборное начало такимъ образомъ ищетъ всеобщаго объединенія.

Коллегіальная идея не имѣетъ съ этимъ рѣшительно ничего общаго, а выражаетъ простое сотрудничество. Соборное начало предполагаетъ, что нравственное единство возможно и дѣйствительно существуетъ. А во всѣхъ случаяхъ, когда нравственное единство имѣется, управительные органы вполнѣ могутъ быть единоличными. Предполагается само собою, что общее нравственное единство, выраженное соборомъ, будетъ выражаться и въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ крайнемъ случаѣ будетъ хоть давить на нихъ. Поэтому-то именно идея соборности Московской Россіи создала систему «правительственнаго довѣрія». Этимъ довѣріемъ очень злоупотребляли воеводы и приказные, по недостатку контроля, но, какъ принципъ, оно, конечно, совершенно необходимо.

У Петра, въ его «коллегіяхъ», напротивъ, проявилась, какъ принято выражаться (и совершенно справедливо) — система

недовѣрія. Въ этой системѣ та презумпція,—что всѣ люди недобросовѣстны, всѣ—враги добра и правды. Потому-то и нужна «коллегія», чтобы члены ея, взаимно слѣдя другъ за другомъ, не допускали злоупотребленій. Если бы Петръ вѣрилъ въ русскую совѣсть и разумъ, онъ бы вѣрилъ и въ соборность, и тогда не прибѣгъ бы къ учрежденію коллегій, которыя въ управительномъ смыслѣ явно неудобны, медлительны, затрудняютъ отвѣтственность отдѣльнаго человѣка, и т. д.

О томъ, что синодальное начало ничуть не выражаетъ церковной соборности, не стоитъ распространяться. Объ этомъ писано много, и я могу сослаться въ этомъ отношеніи на свою брошюру «Запросы времени и наше церковное управленіе». М. Юзефовичъ, сверхъ того, совершенно упускаетъ изъ виду, что патріаршее управленіе было также «соборное», ибо при патріархахъ созывались соборы для опредѣленія общей линіи церковнаго управленія.

Что касается Сената, то достаточно вспомнить, что это было собраніе служилыхъ людей, а вовсе не собраніе «совѣтныхъ людей» самой націи. Какъ органъ объединенія властей при государѣ—Сенатъ, конечно, имѣлъ свое значеніе, но оставался органомъ чисто чиновничьимъ. Объединенія государя съ народомъ онъ не давалъ и не могъ давать. Напротивъ, онъ окончательно замыкалъ царя въ кругѣ исключительно бюрократическихъ элементовъ, и тѣмъ подрывалъ связь верховной власти и націи.

Между тѣмъ монархія безъ этой связи невозможна. Единоличная верховная власть, для правильности своихъ функцій, не можетъ ограничиться общеніемъ съ одними бюрократическими учрежденіями, но непремѣнно требуетъ около верховной власти присутствія народнаго голоса, народныхъ совѣтныхъ людей. Въ этомъ то смыслѣ земскіе соборы и составляютъ для царской власти учрежденіе, безъ котораго она у насъ стала мало-по-малу переходить въ чистый абсолютизмъ.

Петръ I, къ несчастью, именно и двинулъ насъ на этотъ путь, и если при Александрѣ I бюрократія поднялась къ владычеству на столько ступеней, что самъ императоръ Николай I

сознавался, что «Россія управляется столоначальниками»,—то первый толчокъ къ этому владычеству бюрократіи былъ данъ учрежденіями Петра Великаго.

XXXI.

К. Н. Леонтьевъ.

Былъ у насъ въ публицистикѣ еще блестящій умъ, не признанный при жизни, почти забытый по смерти, а, между тѣмъ, обладавшій несравненно болѣе философской складкой, нежели другіе по преимуществу практическіе умы, касавшіеся монархической идеи. Я говорю о Константинѣ Николаевичѣ Леонтьевѣ. Блестящій и парадоксальный, онъ оставилъ кое-какія очень проницательныя обрисовки нашего царскаго принципа въ своемъ сочиненіи «Византизмъ и Славянство».

Борясь противъ славянофильства, Леонтьевъ доказывалъ неопредѣленность и малоплодовитость славянскаго генія и настаивалъ на томъ, что Россія всѣмъ своимъ развитіемъ обязана не славянству, а византизму, который усвоила и нѣсколько дополнила.

Леонтьевъ ищетъ внутреннихъ законовъ государственности. «Государство, говоритъ онъ, есть съ одной стороны какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоторому таинственному, независящему отъ насъ, деспотическому повелѣнію внутренней вложенной въ него идеи. Съ другой стороны, оно есть машина, сдѣланная людьми полусознательно и содержащая людей какъ части, какъ колеса, рычаги, винты и атомы, и, наконецъ, машина, вырабатывающая людей». «Государственная форма у каждой націи, у каждаго общества своя: она въ главной основѣ неизмѣнна до гроба историческаго, но мѣняется въ частностяхъ отъ начала до конца». Эта форма государства зависитъ отъ внутренней идеи его. «Форма вообще есть вы-

раженіе идеи, заключенной въ матеріи, въ содержаніи... Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающей матеріи разбѣгаться. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма—явленіе гибнетъ».

«Вырабатывается она (государственная форма) не вдругъ и не сознательно сначала. Она выясняется хорошо лишь въ среднюю эпоху наибольшей сложности и высшаго единства, за которой постоянно слѣдуетъ рано или поздно—частная порча этой формы и затѣмъ разложеніе и смерть».

Что же такое русское государство? Что это за форма и какую идею заключаетъ?

Идея дана, говоритъ Леонтьевъ—Византіей. Что такое византизмъ—это въ высшей степени опредѣленно. «Византизмъ въ государствѣ значитъ самодержавіе. Въ религіи онъ значитъ христіанство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ западныхъ церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣка, которое внесено въ исторію германскимъ феодализмомъ. Мы знаемъ наклонность византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьи, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу... Византизмъ (какъ и вообще христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ». Византизмъ «есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества, въ смыслѣ земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства...» Византизмъ даетъ также весьма ясныя представленія и въ области художественной.

И вотъ именно византизмъ породилъ русскую государственность. «Соприкасаясь съ Россіей въ XV вѣкѣ и позднѣе византизмъ находилъ еще безцвѣтность и простоту, бѣдность и неподготовленность. Поэтому онъ не могъ переродиться у насъ глубоко, какъ на Западѣ. Онъ всосался у насъ общими чертами своими чище и безпрепятственнѣе».

Въ собственномъ государственномъ смыслѣ византизмъ нашелъ у насъ почву еще болѣе благопріятную для царской идеи, чѣмъ въ самой Византіи. «Византійскій кесаризмъ имѣлъ диктаторіальное происхожденіе, муниципальный избирательный характеръ... Диктатура въ языческомъ Римѣ имѣла значеніе законной, но временной мѣры всемогущества, даруемаго священнымъ городомъ одному лицу. Потомъ—(стала) законной же юридической фикціей: священный городъ перенесъ свои полномочныя права на голову пожизненнаго диктатора—Императора... Христіанство воспользовалось этой готовой властью... и помазало ее по православному на новое царство».

«Новое римское государство, еще до Константина утратившее почти всѣ существенныя стороны прежняго конституціоннаго аристократическаго характера своего, обратилось въ государство бюрократическое, централизованное, самодержавное и демократическое (не въ смыслѣ народовластія, а въ смыслѣ равенства, лучше сказать—эгалитарное)... Къ чиновничьимъ властямъ прибавилось (въ христіанскомъ государствѣ) еще новое средство общественной дисциплины—власть церкви, власть и привилегіи епископовъ... Кесаризмъ византійскій имѣлъ много жизненности. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію и на древнее государственное право... Это счастливое сочетаніе очень древняго, привычнаго, съ самымъ новымъ и увлекательнымъ и дало возможность христіанскому государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Кесарей изгоняли, мѣняли, убивали, но святыни кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнять организацію въ ея основѣ никто не думалъ».

«Условія русскаго православнаго царизма были еще благопріятнѣе». Идея византійскаго царя у насъ нашла «страну дикую, новую, народъ простой, свѣжій, простодушный, прямой въ своихъ вѣрованіяхъ». Въ византизмѣ царила одна отвлеченная идея. На Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ царскихъ родахъ. Родовое монархическое чувство было сперва обращено на домъ Рюрика, потомъ на домъ Ро-

мановыхъ. Родовое чувство, столь сильное на западѣ въ аристократическомъ элементѣ—у насъ нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ. Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи... У насъ родовой наслѣдственный царизмъ былъ такъ крѣпокъ, что и аристократическое начало приняло подъ вліяніемъ его служебный, полуродовой характеръ». «Имѣя сначала вотчинный (родовой) характеръ, наше государство этимъ самымъ развилось впослѣдствіи такъ, что родовое чувство общества приняло у насъ государственное направленіе».

Условія, при которыхъ къ намъ перешелъ византизмъ, были, говоритъ Леонтьевъ, не похожи ни на византійскія, ни на европейскія. Удѣльная система была не феодальною, а подходила къ тѣмъ аристократіямъ, которыя представлялъ, напримѣръ, первобытный патрпціатъ. Въ массѣ народа была подвижность мѣста, и прикрѣплялся народъ не къ мѣсту, а къ роду. Родовое начало преобладало и надъ личнымъ и надъ муниципальнымъ. Поэтому наши вѣчевыя конституціи были эгалитарны, не имѣли сильнаго централизующаго элемента (который даетъ аристократія). Поэтому же вѣчевое начало не могло противиться царскому началу. Подъ вліяніемъ внѣшнихъ враговъ снаружи и византійской идеи извнутри, удѣльная аристократія—переходила въ служебное, общегосударственное сословіе.

Въ общей сложности у насъ были всегда крѣпки только три элемента:—византійское православіе,—безграничное самодержавіе, и—можетъ быть сельскій «міръ».

Нашъ царизмъ, возникшій изъ родового быта, окрѣпъ и развился подъ вліяніемъ византійской идеи. «Монархическое начало у насъ является единственнымъ организующимъ началомъ». Оно проникаетъ въ самую интимную глубину, и вѣрованій и организаціи Россіи, какъ цѣлаго, какъ государства и націи.

Таковы въ общемъ взгляды К. Н. Леонтьева. Въ нихъ тоже нѣтъ подробнаго анализа, самой «конституціи» этого монархизма, анализа его связей съ народомъ и способовъ дѣйствія.

Ибо византійская централизація и бюрократизмъ не могутъ же считаться непремѣнной принадлежностью русской государственности, въ которой Леонтьевъ самъ указываетъ на диктаторіальное, а родовое начало въ появленіи монархіи.

Что дѣлать? Какъ править? Къ какимъ цѣлямъ приспособлять дѣятельность власти? На эти вопросы Леонтьевъ общаго отвѣта не давалъ. Какъ публицистъ—онъ касался многихъ частныхъ вопросовъ. Но что касается общихъ цѣлей, лежащихъ передъ властью—этого онъ не касался.

Мнѣ кажется, что къ опредѣленіи этихъ цѣлей—онъ стоялъ также на Византійской точкѣ зрѣнія. Какъ въ Византіи думали только о томъ, чтобы по возможности «сохранить» остатки Римскаго достоянія, а если возможно, то прибавить къ нимъ, что нибудь и изъ утраченнаго—такъ, мнѣ кажется, и для Россіи Леонтьевъ видѣлъ возможность лишь строжайше консервативной политики. Онъ выражалъ большія сомнѣнія въ молодости Россіи, сильно полагалъ, что она уже дошла до предѣльнаго развитія, начала склоняться къ дряхлости, когда приходится думать не о развитіи силъ, а только о томъ, чтобы поменьше ихъ тратить, помедленнѣе идти къ неизбѣжному концу. Съ такими предчувствіями, конечно, не можетъ быть охоты къ разработкѣ «конституціи» хирѣющей страны и монархіи, и если бы онъ дожилъ до нашихъ дней (1905 г.), то, конечно, призналъ бы въ Россіи всѣ признаки разложенія, а не развитія. Можетъ быть, онъ былъ бы и правъ. Но—задачи науки не связаны съ судьбами, жизнью и смертью, Россіи. Область науки — разумъ и истина. Вопросъ о томъ, какая страна имѣетъ силу быть въ разумѣ и истинѣ, не измѣняетъ обязанности науки указать истинные законы разумной политики.

XXXII.

Неясность научнаго сознанія.

Признавая заслуги русской публицистики по выясненію смысла монархическаго принципа, нельзя не видѣть, что она могла расчищать ему дорогу политическаго творчества лишь въ частностяхъ, но системы и программы не давала. Для общей программы дѣйствія какого-либо политическаго принципа необходимо столь ясное опредѣленіе его существа и свойства, чтобы отсюда истекало твердое и понятное отношеніе ко всѣмъ запросамъ жизни: требованіямъ личности, нуждамъ соціальнымъ, ко всѣмъ сторонамъ права и управленія.

Это задача науки. Но, къ сожалѣнію, наша наука государственнаго права остается очень не самостоятельна и не глубока даже и до настоящаго времени.

Причина такого явленія отчасти заключается и въ томъ, что государственное право по необходимости связано съ государственной практикой и положительнымъ законодательствомъ, которыя за весь Петербургскій періодъ находились подъ вѣчнымъ давленіемъ практики и законодательства европейскихъ странъ. Какъ бы то ни было, наше государственное право остается въ отношеніи европейской науки крайне несамостоятельно и не можетъ до сихъ поръ выдвинуть собственнаго ученія о верховной власти. Въ этомъ чувствуется не одна подражательность, а даже слабость (сравнительно со сложностью предмета) самихъ научныхъ силъ.

У такого авторитетнаго ученаго, какъ А. Градовскій, въ «Началахъ русскаго государственнаго права», научная мысль не умѣетъ найти даже источниковъ познанія русскаго государственнаго права. А. Градовскій всѣ свои понятія о нашемъ государственномъ правѣ почерпаетъ исключительно изъ основныхъ законовъ. Онъ какъ бы не можетъ понять, что право существуетъ вовсе не тогда только, когда оно записано. Между тѣмъ, при всей глубинѣ монархической идеи въ самомъ со-

держаніи Русской національной жизни, законодательныхъ опредѣленій монархической власти совершенно не существовало до Петра. Это не значитъ, чтобы въ государствѣ не было самаго принципа. Народъ зналъ, что такое царь. Грозный очень сознавалъ сущность своей власти. Но въ законѣ этого никто не записывалъ. Лишь при Петрѣ кое-что вписано въ законъ, да и то мимоходомъ, и притомъ, именно, съ ошибками. Эти немногія опредѣленія Петра, вмѣстѣ съ узаконеніями Павла о престолонаслѣдіи, впослѣдствіи, при кодификаціи, были внесены въ основные законы, съ добавленіемъ кой-какихъ очевиднѣйшихъ признаковъ самодержавія. Вотъ и весь матеріалъ для сужденія Градовскаго о такомъ крупномъ историческомъ фактѣ, какъ русское самодержавіе.

Разумѣется, съ такими научными пріемами, опредѣленія могутъ получиться лишь самыя неясныя, неопредѣленныя и произвольныя.

Такъ Градовскій указываетъ, въ качествѣ будто бы отличія Русской верховной власти, то, что у насъ воля верховной власти не связана юридическими нормами и не ограничена никакими установленіями.

Но это вовсе не есть что-либо отличительно русское, а составляетъ признакъ всякой верховной власти. Демократическая верховная власть, то-есть власть самодержавнаго народа, тоже ничѣмъ не ограничена.

Далѣе А. Градовскій указываетъ, что при конституціонной власти существуютъ для всѣхъ общеобязательныя начала, а въ Россіи ихъ будто бы нѣтъ. Тутъ точно такая же ошибка.

Всякая конституція обязательна для подданныхъ и для всѣхъ делегированныхъ властей, но для самого источника власти, то-есть для самодержавнаго народа, никакія начала конституціи не обязательны. Онъ ее можетъ передѣлать, какъ ему угодно, и никто не скажетъ, что онъ не въ правѣ этого дѣлать. «Верховная власть, говоритъ Б. Чичеринъ, какъ таковая, въ полнотѣ своей, выше положительнаго закона. Никакой положительный законъ не можетъ связывать верховную власть такъ, чтобы она не могла его измѣнить» («Основы», т. I, стр. 29). Само собою разумѣется: это вытекаетъ изъ сущности верховной власти.

Если бы Градовскій умѣлъ найти дѣйствительныя различія между нашею верховною властью и тѣми, которыя онъ усматриваетъ въ Европѣ, то указалъ бы эти различія въ совершенно противоположномъ смыслѣ, то-есть призналъ бы существованіе нѣкоторыхъ обязательныхъ началъ для верховной власти въ Русской монархіи и отсутствіе ихъ въ демократіи и въ абсолютизмѣ. Въ демократическомъ государствѣ нѣтъ ничего выше воли народа: даже и нравственныя начала для нея не обязательны. Въ монархическомъ абсолютизмѣ (который есть по характеру власти наслѣдіе демократіи) то же самое. Но въ монархіи самодержавной есть обязательныя нравственныя начала, которыя ограничиваютъ юридическое верховенство вообще.

Столь же ошибочно мнѣніе Градовскаго о томъ, будто бы въ западно-европейскихъ государствахъ законы должны быть «конституціонны», а въ Россіи нѣтъ. И у насъ точно также нельзя признать обязательность закона, если онъ не сообразенъ нашей «конституціи». Такъ, если бы кто-нибудь насиліемъ исторгъ у монарха подпись подъ какимъ-либо актомъ законодательнаго характера—никто бы конечно не призналъ этого акта «закономъ», ибо тутъ не было самой воли монарха, которая одна можетъ установлять законъ...

Такимъ образомъ нашъ знаменитый ученый государственникъ не умѣетъ найти даже опредѣленія верховной власти для Русскаго государственнаго права. Между тѣмъ онъ даже въ европейской наукѣ могъ бы найти пути для его отысканія.

Б. Чичеринъ, опредѣляя самодержавіе (монарха), говоритъ, что онъ «держитъ власть независимо отъ кого бы то ни было, не какъ уполномоченный, а по собственному праву» (томъ I, стр. 134). Это яснѣе, хотя все же остается узнать, откуда же является «собственное» право? На это у Б. Чичерина нѣтъ отвѣта, а безъ уясненія этого мы имѣемъ въ его опредѣленіи только внѣшній признакъ, а не сущность факта.

Романовичъ-Славатинскій пишетъ:

«Власть русскаго царя есть самодержавная, то-есть самородная, не полученная извнѣ, не дарованная другою властью». Откуда же она является? «Основаніемъ этой власти служитъ

не какой-нибудь юридическій актъ, а все историческое прошлое русскаго народа...» «Подобно тому, какъ самоцвѣтный камень имѣетъ свой собственный, ему присущій, а не извнѣ полученный блескъ и цвѣтъ, такъ и самодержавная власть имѣетъ свои собственныя, ей присущія, а не извнѣ полученныя права...» «Самодержавіе воплощаетъ самость (?) и державныя права русской націи, которыя она получила не извнѣ, но выработала потомъ и кровью историческаго процесса» *).

Все это очень цвѣтисто, но научно-точнаго опредѣленія здѣсь рѣшительно не усматривается. Оба ученые притомъ объясняютъ скорѣе самодержавіе «всякой» верховной власти, не касаясь вопроса, есть ли разница между монархическимъ и демократическимъ самодержавіемъ, и ни мало не уясняя, почему же у насъ самодержавіе принадлежитъ именно монарху, а не народу. Романовичъ-Славатинскій говоритъ даже, что монархъ «воплощаетъ» собственно «верховную власть націи», а въ тоже время увѣряетъ, что власть монарха принадлежитъ ему «по собственному праву». Тутъ чувствуется прямое противорѣчіе мысли.

Въ нашемъ государственномъ правѣ много надеждъ возбудилъ Н. М. Коркуновъ, умъ чрезвычайно живой и способный къ самостоятельнымъ концепціямъ. У него есть многое, какъ бы обѣщавшее дать новыя основы и для пониманія самодержавнаго принципа, а именно въ ученіи о властвованіи.

По Коркунову государственная власть не составляетъ воли, а есть сила, которая вытекаетъ изъ сознанія людей ихъ собственной зависимости отъ государства **). Съ этой точки зрѣнія, власть идетъ не извнѣ, а извнутри народа, изъ самой его психологіи.

Разъ взглянувши такъ на государственныя отношенія, можно было, казалось бы, достигнуть правильнаго построенія монархическаго принципа. Но въ дѣйствительности именно въ отно-

---

*) Романовичъ-Славатинскій. „Система Русскаго государственнаго права“, стр. 77, 193—194.

**) Въ этомъ случаѣ у Коркунова есть внутреннее сродство съ идеями Д. Хомякова въ упомянутомъ этюдѣ его „Самодержавіе“.

шенія монархіи вообще и самодержавія въ частности Коркуновъ даетъ очень мало. У него есть прекрасныя мысли о государствѣ вообще. Сообразно основной мысли его о власти, государство опредѣляется имъ, какъ «самостоятельное и признанное принудительное властвованіе надъ свободными людьми». Государство есть «монополистъ принужденія», вслѣдствіе чего оно уничтожаетъ (или сокращаетъ) всякіе другіе случаи насилія, а потому создаетъ свободу. А такъ какъ государство есть сила не внѣшне насильственная, а вытекающая изъ общаго внутренняго признанія, то его принужденіе дисциплинируется правомъ. Такимъ образомъ это принужденіе проникается *этическимъ* элементомъ *).

Нетрудно видѣть, до какой степени такія опредѣленія навѣяны именно русскимъ монархическимъ сознаніемъ, и казалось бы, что Коркуновъ долженъ былъ явиться научнымъ уяснителемъ славянофильства въ Русскомъ государственномъ правѣ. Но когда мы спросимъ у Коркунова, что такое монархія, отвѣтъ получается совершенно блѣдный.

Коркуновъ принадлежитъ къ числу ученыхъ, признающихъ лишь два, (а не три) типа государства: монархію и республику. Различіе между ними онъ опредѣляетъ такъ: «монархія есть государственное устройство, при которомъ функція *представлять* государство, какъ цѣлое, осуществляется какъ собственное право, безотвѣтственнымъ лицомъ. Республика напротивъ характеризуется тѣмъ, что функція эта осуществляется, по порученію народа, отвѣтственными учрежденіями» **).

Что касается «самодержавія», то оно Коркуновымъ опредѣляется уже просто по своду законовъ. «Обозначеніе власти монарха верховною, говоритъ онъ, показываетъ, что ему принадлежитъ высшая безотвѣтственная власть въ государствѣ, какъ это имѣется въ каждой монархіи. Самодержавіе и неограниченность показываютъ, что вся полнота власти сосредоточивается у насъ въ рукахъ монарха... Самодержавіемъ сущѣ-

*) Н. М. Коркуновъ. „Русское государственное право". Введеніе, глава I-я. Спб. 1893 г.

**) Тамъ же, стр. 48.

ствующее у насъ государственное устройство отличается отъ монархіи ограниченной, законностью отъ деспотіи, гдѣ мѣсто закона заступаетъ ничѣмъ не сдержанный произволъ личный правителя» *).

Такимъ образомъ Русское самодержавіе, по Коркунову, не отличается отъ монархій европейскихъ тѣхъ временъ, когда онѣ были еще не ограниченными. Существующее же значеніе монарха—есть «функція представленія государства» на основаніяхъ безотвѣтственности. Все это и неясно, и произвольно, и ничего не объясняетъ. Къ Коркунову относятся всѣ возраженія, которыя сдѣланы выше и остальнымъ нашимъ государственникамъ.

Такимъ образомъ, подводя итоги, можно сказать, что наше государственное право едва ли что нибудь сдѣлало для развитія нашего монархическаго сознанія и указанія какихъ бы то ни было путей для монархической политики. А между тѣмъ наши государственники очень смѣло ставятъ своей наукѣ цѣли именно практическія.

«Задачи государственной науки, говоритъ профессоръ А. С. Алексѣевъ, вовсе не въ томъ, чтобы выставлять опредѣленія, которыя были бы примѣнимы ко всякому государственному порядку, какъ бы онъ въ своемъ развитіи ни былъ отсталъ (!), а въ томъ, чтобы *стоять впереди этого развитія и указывать ему путь*, соотвѣтствующій природѣ государственныхъ отношеній и тѣмъ цѣлямъ, которымъ должно служить государственное общежитіе»**).

Не отрицая такой обязанности науки, невозможно, однако согласиться съ первой частью этого утвержденія. Наука, если она сколько нибудь достигла зрѣлости, конечно должна создать такія опредѣленія, которыя бы объясняли намъ, именно, «всякій» строй, какъ бы онъ ни былъ «отсталъ».

Біологія ищетъ такихъ опредѣленій жизни, которыя бы одинаково объяснили законы жизни «отсталой» инфузоріи и самой

*) Тамъ же, стр. 158.

**) А. Алексѣевъ. „Русское государственное право". Москва, 1895 г., страница 309.

«передовой» обезьяны. Математика точно также объясняетъ законы, какъ самыхъ элементарныхъ, такъ и самыхъ сложныхъ количественныхъ отношеній. То же дѣлаетъ всякая наука, если она доросла до научности. Отысканіе основныхъ законовъ, объясняющихъ всякій строй—только и даетъ возможность наукѣ служить развитію изслѣдуемыхъ ею формъ и явленій. И въ отсутствіи знанія этихъ законовъ, въ отсутствіи пониманія даже того, что они существуютъ, словомъ, въ неразвитости научнаго сознанія,—конечно кроются причины того, что наше государственное право, стремясь идти «впереди развитія Россіи, и указывать ей пути къ совершенствованію»—не обнаружило силы дать никакихъ указаній нашему монархическому порядку.

Наша наука не шла впереди его, не помогала ему найти пути развитія, не умѣла для монархическаго принципа сдѣлать ничего, кромѣ компиляціи статей законовъ, столь малочисленныхъ и иногда столь случайныхъ. Это показываетъ, что при чрезмѣрной подражательности — наша государственная наука не усвоила доселѣ самаго духа европейской научности, ибо еще у Блюнчли наши ученые получили указаніе пути, слѣдуя которымъ могли бы какъ отыскать существенный смыслъ монархическаго принципа, такъ и помочь его поступательному осуществленію въ развитомъ видѣ.

«Въ политическихъ актахъ, какъ государственной власти, такъ и народа, объясняетъ Блюнчли *), юридическое сознаніе многоразлично обнаруживается и не высказываясь въ формѣ закона. Если духъ, проявившійся въ нихъ, окрѣпъ, освященъ преданіемъ, то на него уже наложена печать правомѣрности». Онъ уже составляетъ «національное право». Блюнчли напоминаетъ, что именно такимъ путемъ выросли «важнѣйшія учрежденія и начала права» у Римлянъ, средневѣковое государственное право и Англійское государственное право...

Изслѣдованіе юридическаго сознанія націи есть нормальный путь созданія государственнаго права, и истинный ученый, не

*) Общее государственное право, глава VII.

находя въ писанномъ законодательствѣ достаточно ясныхъ формулъ или же находя формулы очевидно случайныя и ошибочныя,—долженъ для уясненія себѣ, наукѣ и странѣ истинныхъ началъ власти, дѣйствующихъ въ ней, смотрѣть на жизнь, на факты исторіи страны, психологіи народа, и изъ нихъ извлекать познаніе внутренняго закона государственной жизни, хотя бы этотъ законъ и не былъ еще записанъ въ томахъ узаконеній, и надлежаще опубликованъ.

ОТДѢЛЪ V.

Управительная система и связь съ націей за Петербургскій періодъ.

XXXIII.

Подражательность управительной системы. Коллегіальная бюрократія. Петръ I. Екатерина II.

Политическое строеніе Петербургскаго періода, сообразно состоянію его сознательности, вообще отличалось чрезвычайной отрѣшенностью отъ заботы сообразоваться съ тѣмъ органическимъ развитіемъ, о которомъ такъ настойчиво твердили славянофилы. Управительные органы строились теоретически и съ постоянной подражательностью «Европѣ». Это—общій характеръ двухъ вѣковъ отъ Петра I до Александра II.

Естественно, что такое строеніе постоянно оказывалось мало приспособленнымъ къ жизни націи, и потому, едва вводимое, постоянно снова переламывалось, подъ вліяніемъ чисто практическихъ условій, пока не замѣнялось новымъ порывомъ учредительства.

Что касается органическаго содержанія Россіи, то оно выражалось болѣе всего въ противодѣйствіи послѣдовательному проведенію теоретически устанавливаемыхъ учрежденій.

Можно считать четыре періода этого учредительнаго творчества: Петра Великаго, Екатерины II, Александра I и Александра II-го.

Петръ хотѣлъ возстановить «разрушенныя храмины» Русскаго строя, но при этомъ, какъ хорошо характеризуетъ проф.

Алексѣевъ, «онъ въ своей преобразовательной дѣятельности отправлялся отъ безусловно отрицательнаго отношенія къ Московской системѣ управленія. Онъ не видитъ въ ней никакихъ свѣтлыхъ сторонъ и не находитъ въ ней указаній, которыя бы предначертали ему путь реформъ. Онъ не хочетъ улучшить московское управленіе, воспользовавшись тѣмъ, что въ немъ было хорошаго, а совершенно упразднить его и на расчищенной отъ стараго почвѣ воздвигнуть новое. Онъ принялъ близко къ сердцу совѣтъ Лейбница, который совѣтовалъ ему не медлить преобразованіями, не производить ихъ по частямъ, а сразу и по единообразному плану».

«Такой планъ, говорилъ Лейбницъ, долженъ быть выполненъ быстро и прямолинейно, творческимъ умомъ одного человѣка; точно также, какъ городъ всегда бываетъ красивѣе, когда онъ выстроенъ сразу, чѣмъ когда онъ возникалъ постепенно, въ нѣсколько пріемовъ». «Такой совѣтъ Лейбница, который своей вѣрой во всесиліе учрежденій и своими воззрѣніями на политическій строй, какъ на механизмъ, имѣлъ несомнѣнно большое вліяніе на направленіе реформы Петра, былъ прямымъ отрицаніемъ историческихъ и національныхъ основъ государственной жизни» *).

Какъ созданіе «творческаго ума одного человѣка», учрежденія Петра дѣйствительно имѣютъ наружную стройность, но проникнуты несоотвѣтствіемъ съ живымъ человѣческимъ матеріаломъ устрояемаго государства, такъ что даже самъ Петръ весь вѣкъ переправлялъ свое созданіе.

Во главѣ государственнаго управленія у него поставленъ былъ Сенатъ. При учрежденіи его (1711 г.), Петръ опредѣлялъ сенатъ, какъ своего замѣстителя, на случай отлучекъ, и приказывалъ всѣмъ «*духовнымъ и мірскимъ, военнаго и земскаго управленія вышнимъ и нижнимъ чинамъ*»—*быть послушными Сенату, «какъ намъ самому»*, за неисполненіе чего грозилъ «жестокимъ наказаніемъ или смертью». Даже жаловаться на злоупотребленія сената было воспрещено до возвращенія царя.

*) А. Алексѣевъ. Русское государственное право. 1895 г., стр. 405—406.

Компетенція сената была универсальна. Всѣ управленія были ему подчинены. Губернаторы должны были во всемъ адресоваться къ нему. По общей идеѣ «коллегіальности» члены сената (ихъ въ 1711 г. было назначено 9 человѣкъ) имѣли равные голоса *).

Такъ какъ бывшіе приказы, т.-е. министерства, были перестроены въ видѣ коллегій, то впослѣдствіи сенатъ былъ составленъ изъ президентовъ этихъ коллегій съ предсѣдательствомъ самого царя.

Идея коллегій была также иностраннымъ подражаніемъ. Тотъ же Лейбницъ писалъ Петру, что хорошее управленіе можетъ быть организовано только на принципѣ коллегіальности, и сравнивалъ коллегіи съ часами, гдѣ колеса взаимно приводятъ въ движеніе одно другое. Въ образецъ была взята Швеція. Въ 1718 году указано было «сочинить уставъ» коллегіямъ на основаніи Шведскаго, при чемъ, «выписывать изъ уложенія Шведскаго и спускать съ русскими обычаями» **). Но такъ какъ Русскіе не умѣли обращаться съ новымъ учрежденіемъ, то царь выписывалъ и самихъ членовъ коллегій изъ-за границы, изъ Австріи (по преимуществу славянъ), изъ Даніи и т. п. Въ 1717 году взяли Шведскихъ плѣнниковъ для службы въ коллегіяхъ, что повторялось и въ другіе годы, а вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе подъячіе посылались за границу, для обученія этому дѣлу ***).

Иностранцы входили членами обязательно, по штату. По штату 1717 года въ коллегіяхъ полагался составъ: президентъ, вицепрезидентъ, 4 совѣтника, 4 асессора, секретарь, нотарій, регистраторъ, переводчикъ и подъячіе. Въ томъ числѣ должны быть «изъ иностранцевъ—1 совѣтникъ или асессоръ, 1 секретарь, и 1 шрейберъ» ****).

Коллегіи должны были охватывать всѣ отрасли управленія. Поэтому существовали: 1 — Коллегія «чужеземныхъ дѣлъ»,

---

*) Соловьевъ. Исторія Россіи, книга 4, стр. 35 и сл.

**) Побѣдоносцевъ. Выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ, стр. 195.

***) Соловьевъ, кн. IV. стр. 140—142.

****) Побѣдоносцевъ, тамъ же.

2—Юстицъ коллегія, 3—Воинская, 4—Адмиралтейская, 5—Камеръ-коллегія по казеннымъ сборамъ), 6—Ревизіонъ-коллегія по государственнымъ приходамъ и расходамъ, 7—Коммерцъ-коллегія, 8—Бергъ и мануфактуръ-коллегія.

Члены ихъ были равноправны, и президенты имѣли лишь значеніе предсѣдателей, на равныхъ правахъ съ членами. Одно время, какъ сказано, Петръ организовалъ изъ нихъ Сенатъ. Но Сенатъ, состоящій изъ президентовъ коллегій, конечно плохо слѣдилъ за своими собственными членами, которые въ тоже время руководили коллегіями, и Петръ это впослѣдствіи отмѣнилъ.

Вообще ему приходилось часто исправлять свою систему. Равенство членовъ коллегій приводило къ бездѣйствію новыя учрежденія. Личное предсѣдательство царя въ сенатѣ оказывалось, по большей части, невозможнымъ. Поэтому Петръ ввелъ наблюденіе за сенатомъ Оберъ-прокурора, а для коллегій—прокуроровъ, и эти чины начали мало-по-малу превращаться въ настоящихъ начальниковъ «коллегіальныхъ учрежденій».

Для контроля за управленіемъ Петръ создалъ особое учрежденіе — фискаловъ, которые скоро стали символомъ всякаго наушничанья и доносовъ. Фискалатъ дѣйствовалъ не блестяще. Кляузъ было много, но пользы получалось гораздо меньше.

Въ концѣ жизни, Петръ создалъ наконецъ и для духовныхъ дѣлъ еще особый «коллегіумъ»—Синодъ. Сенатъ вмѣстѣ съ Синодомъ, подъ главенствомъ царя—представляли всю сумму правительственныхъ властей Россіи Петра Великаго. Въ дѣйствительности всѣ эти созданія «творческаго ума одного человѣка» не получили въ дѣйствительности ничего общаго съ замыслами своего творца. Въ своемъ «духовномъ коллегіумѣ»—Синодѣ—Петръ проявилъ особенное пренебреженіе къ самобытнымъ органическимъ силамъ, не остановившись отъ произвольнаго своего «созданія» даже на томъ «мѣстѣ святѣ», гдѣ имѣлъ дѣло съ созданіемъ Божественнымъ.

Управленіе провинціальное отдано было губернаторамъ и воеводамъ, которые долго существовали рядомъ.

Для промышленныхъ людей были созданы учрежденія по

типу самоуправленія. Еще въ 1699 году учреждена въ Москвѣ «Бурмистерская палата». Указано было: «во всякихъ расправныхъ, челобитныхъ и купецкихъ дѣлахъ и въ сборахъ государственныхъ—вѣдать бурмистрамъ ихъ. А въ бурмистры имъ выбирать межъ себя погодно добрыхъ и правдивыхъ людей. А изъ нихъ по одному человѣку быть въ первыхъ — сидѣть по мѣсяцу президентомъ». Въ другихъ мѣстахъ, кромѣ столицы, было предоставлено народу или находиться въ вѣдѣніи воеводы, или: «во всѣхъ городахъ посадскимъ и всякихъ чиновъ купецкимъ и его, великаго государя, волостей, селъ и деревень промышленнымъ и уѣзднымъ людямъ (если они пожелаютъ) вѣдать ихъ во всякихъ мірскихъ, расправныхъ и челобитныхъ дѣлахъ и въ сборахъ доходовъ—мірскимъ выборнымъ людямъ въ земскихъ избахъ *).

Но эти уступки Московскимъ учрежденіямъ продолжались лишь до организаціи «верховъ» государства. Къ концу царствованія были уже обязательно устроены магистраты. Велѣно было «учинить съ иностранныхъ учрежденій о цѣхахъ извѣстіе и внести въ Сенатъ». Въ 1724 году магистраты были окончательно введены. Они должны были состоять изъ президента, двухъ бургомистровъ и четырехъ ратмановъ. Обязанность ихъ состояла въ томъ, чтобы всѣхъ «купеческихъ и ремесленныхъ людей» разыскивать и записывать въ посадъ и въ тягло, вести переписи городовъ и присылать въ главный магистратъ всѣ эти свѣдѣнія; они же охраняли города отъ пожаровъ, заботились о развитіи промышленности, и вообще вѣдали все дѣло благоустройства. Граждане при семъ раздѣлены на три разряда: въ двухъ первыхъ (гильдіяхъ) состояли люди поважнѣе, въ третьемъ «подлые люди». Старосты впрочемъ были и у «подлыхъ людей» **).

Что касается крестьянъ—то ихъ устройство опредѣлялось послѣдовательнѣе всего возрастающимъ все болѣе крѣпостнымъ правомъ.

Оставляя въ сторонѣ устройство промышленныхъ людей и

*) Соловьевъ, книга III, стр. 1212—1213.
**) Тамъ же, книга IV, стр. 789.

крестьянъ, какъ оцѣнить государственныя учрежденія Петра? Коренное заблужденіе учредителя ихъ состоитъ въ томъ, что онъ не отдавалъ себѣ отчета въ сущности государства. Какъ припомнятъ читатели — государство составляется изъ верховной власти и націи *). Управительные органы суть только орудіе этого союза верховной власти и націи. Петръ же ничѣмъ не обезпечилъ самаго союза верховной власти и націи, слѣдовательно отнялъ у нихъ возможность контролировать дѣйствіе управительныхъ учрежденій, и, такъ сказать, подчинилъ всю націю не себѣ, а чиновникамъ.

Въ этомъ и состоитъ суть бюрократіи. Конечно лично у Петра, какъ у геніальнаго человѣка, типично Русскаго, и обладавшаго необыкновенной способностью дѣятельности — связь съ націей была въ высшей степени тѣсная. Но учрежденія организуются не для однихъ геніальныхъ государей, а примѣнительно къ среднимъ человѣческимъ силамъ. И въ этомъ смыслѣ учрежденія Петра были фатальны для Россіи и были бы еще вреднѣе, если бы оказались технически хороши. Къ счастью, они въ томъ видѣ, какъ создалъ Петръ, были еще неспособны къ сильному дѣйствію.

Петръ устраивалъ истинно какую-то чиновничью республику, которая должна была властвовать надъ Россіей. Вотъ къ чему сводились творческіе идеалы Лейбница и его державнаго ученика. Петръ замышлялъ сдѣлать правительственныя учрежденія столь самостоятельными, чтобы они были способны замѣнить его самого. Въ отношеніи суда Петръ на нѣкоторое время даже совершенно отстранилъ себя отъ всякихъ обязанностей, и подъ угрозой смертной казни запретилъ обжалованіе передъ верховной властью рѣшеній суда. Но народъ не хотѣлъ повѣрить такимъ указамъ, и не боясь даже смертной казни, не оставлялъ челобитій, благодаря чему государь, изъ этихъ челобитныхъ скоро убѣдился, что его судьи дѣйствительно очень плохи. Тогда онъ возвратился къ своимъ обязанностямъ и учредилъ, для принятія жалобъ, особаго рекетмейстера. Это

*) „Монархическая государственность" часть I-я, стр. 33.

было, подъ нѣмецкимъ названіемъ, возстановленіе челобитной избы.

Рекетмейстеръ принималъ жалобы челобитчиковъ государю на «обиды и неправое вершеніе дѣлъ» разныхъ учрежденій. Онъ являлся какъ бы посредникомъ между жалобщиками, установленными учрежденіями и самимъ государемъ; жалобы онъ отсылалъ въ подлежащія вѣдомства, понуждая эти послѣднія лично къ ускоренію дѣлъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ докладывалъ челобитныя самому государю и доносилъ ему о всѣхъ челобитныхъ на неправый судъ *. Генералъ-рекетмейстеръ въ помощь себѣ имѣлъ товарища и особую контору.

Указанное стремленіе къ самостоятельности управительныхъ органовъ особенно проявилось у Петра въ отношеніи Сената. Въ случаѣ отлучекъ, онъ передавалъ Сенату всю верховную власть, и въ то же время мечталъ сдѣлать его какимъ-то высшимъ совѣтомъ предсѣдателей коллегій. Сами коллегіи тоже управлялись на какихъ то независимыхъ республиканскихъ началахъ. При учрежденіи ихъ государь назначилъ лишь президентовъ. Президенты сами должны были назначить совѣтниковъ и асессоровъ, лишь съ тѣмъ, «чтобы они не были ихъ родственники». Это самоназначеніе бюрократіи производилось такимъ способомъ. На всякое мѣсто должны были быть выбраны по два и по три человѣка, затѣмъ имена избранныхъ должно было представить въ собраніе всѣхъ коллегій, которое и производило окончательную баллотировку. «Въ конторы, по губерніямъ, отправлены были добрые люди, чтобы и тамъ выборы происходили такимъ же образомъ, съ присягою»...

Нельзя не сказать, что это—рѣдкая бюрократическая идиллія, имѣвшая цѣлью создать изъ правительства чисто чиновничью республику, часть гражданъ которыхъ притомъ обязательно, «по штату», должна была состоять изъ «иноземцевъ», въ томъ числѣ изъ плѣнныхъ Шведовъ, съ которыми Россія вела двадцатилѣтнюю войну. Члены же этой бюрократіи были поставлены выше всѣхъ соціальныхъ силъ Россіи. Введена была «Табель

*) Хартулари, „Право суда и помилованія", стр. 279.

о рангахъ», по которой чинъ поставленъ выше всего. Дворянинъ какого бы то ни было высокаго званія обязанъ былъ уступать мѣсто старшему по чину *).

Само собою, что эта чиновничья республика дѣйствовала въ національныхъ интересахъ очень плохо, расхищала Россію, нерадѣла къ дѣламъ и т. п.Но въ заключеніе—она была просто невозможна при сколько нибудь энергическомъ государѣ, сознающемъ свои обязанности въ отношеніи народа. А Петръ имѣлъ и энергію и сознаніе долга—какъ немногіе на свѣтѣ. И вотъ почему ему пришлось отдать свою бюрократическую республику подъ надзоръ фискаловъ, а сверхъ того подчинить оберъ-прокурорамъ и прокурорамъ. Царская власть принуждена была разрушать свое же собственное дѣло, но посредствомъ самыхъ несовершенныхъ способовъ: единоличной централизованной бюрократіи (фискалата и прокуратуры), которая возобновляла худшія стороны Московскихъ приказовъ.

Этотъ исключительный бюрократизмъ разныхъ видовъ и полное отстраненіе націи отъ всякаго присутствія въ государственномъ управленіи дѣлаютъ изъ яко бы «совершенныхъ» Петровскихъ учрежденій нѣчто въ высшей степени «регрессивное», стоящее по идеѣ и вреднымъ послѣдствіямъ безконечно ниже Московскихъ управительныхъ учрежденій.

XXXIV.

Бюрократія отъ Петра до Александра II.

Мы увидимъ ниже соціальныя поправки, которыя, къ счастью самодержавія, были внесены самой русской жизнью, если не принципіально, то фактически, къ народившейся системѣ бюрократіи. Эту поправку внесло главнымъ образомъ растущее значеніе дворянства. Да и въ самихъ учрежденіяхъ бюрократія также не могла сразу достичь всевластія, не имѣла силы занять то мѣсто, на которое ее готовъ былъ пустить Петръ.

*) Соловьевъ, книга IV, стр. 143.

Дѣло въ томъ, что бюрократія тогда не доразвилась еще сама до возможности держать въ рукахъ всю страну и не изыскала удобныхъ учрежденій, способныхъ фактически парализовать волю царей. Бюрократія возникла волей государя и держалась неистребимо въ силу того обстоятельства, что въ монархіи возобладала идея абсолютизма, видящая въ государѣ сосредоточіе всѣхъ управительныхъ властей. При такомъ воззрѣніи на сущность свою, монархія сама должна была развивать чиновничество. Но давать ему добровольно власть надъ собой—монархія не имѣла никакихъ основаній и бюрократія первой формаціи принуждена была стушевываться во всей мѣрѣ того, въ какой этого хотѣла царская власть. Такъ дѣло продолжалось въ теченіе всего XVIII вѣка.

Значеніе, закономъ приданное Петровскимъ учрежденіямъ, подрывалось уже при ихъ основателѣ. Впослѣдствіи же хранитель «верховной власти», Сенатъ, попадалъ въ рабство не только разнымъ верховнымъ Совѣтамъ, но даже простымъ придворнымъ фаворитамъ. Въ коллегіяхъ власть монаршихъ довѣренныхъ президентовъ возрастала все больше до значенія министерскаго. Все это дозрѣло до особенной ясности при Екатеринѣ II, которой учрежденія составляютъ какъ бы средній моментъ развитія между эпохами Петра и Александра I. Но обрисовывать подробно эту эволюцію революціонно введеннаго бюрократическаго типа учрежденій — излишне.

Должно лишь сказать, что постепенное вымираніе Петровской коллегіальности было неизбѣжно и даже полезно. Дѣйствительно, ужъ если монархія взяла на себя всѣ управительныя функціи, то какія же могли быть основанія отдавать Россію во власть чиновникамъ, до тѣхъ поръ, пока монархъ имѣлъ физическіе способы самъ усмотрѣть за ними? Петровскія же формы бюрократіи искуственно стѣсняли верховную власть въ непосредственномъ управленіи. Итакъ, процессъ вымиранія Петровскихъ учрежденій былъ естествененъ. Но, къ сожалѣнію, крѣпко заложенный бюрократическій типъ учрежденій все таки дѣлалъ свое дѣло. Верховная власть отрѣзывалась ими отъ народа, а одновременно проникалась европей-

скимъ духомъ абсолютизма. Этому послѣднему обстоятельству способствовало и то, что сами носители верховной власти за эту эпоху бывали нерѣдко даже не русскаго происхожденія, воспитаніе же тогда у всѣхъ вообще было не русское.

Подражательность управительнаго творчества продолжалась весь XVIII вѣкъ. Общій же духъ тогдашней монархической государственности характеризовался въ Европѣ «просвѣщеннымъ деспотизмомъ». Въ культурномъ смыслѣ, его характеризовала гуманность, забота о правахъ и свободѣ личности; въ государственномъ управленіи, идеаломъ была сильная просвѣщенная власть, централизація, бюрократизмъ. Это — общія свойства европейской монархіи наканунѣ французской революціи. Государственная власть была проникнута абсолютизмомъ, подъ которымъ ясно чувствовалась идея народнаго самодержавія, диктовавшаго монархамъ свои культурныя требованія.

Екатерина II, вполнѣ проникнутая этими культурными идеями, какъ свидѣтельствуетъ вся ея дѣятельность и въ частности «Наказъ», была однако достаточно самостоятельна, чтобы сообразовать свои идеалы съ русской дѣйствительностью, и, въ отличіе отъ Европы, сильнѣе всѣхъ русскихъ государей оперлась на дворянство. Ея учрежденія проникнуты централизаціей и бюрократизмомъ въ высшихъ областяхъ управленія, но внизу—въ провинціи—она стремилась развить дворянское самоуправленіе. Во всемъ этомъ было много практичности, сообразившей отвлеченную идею съ условіями жизни. Да и самое положеніе Екатерины II требовало поддержки наиболѣе сильнаго тогда сословія—дворянскаго,—а стало быть, вынуждало къ этой практичности.

Съ началомъ XIX вѣка Петровскія учрежденія окончательно рухнули. Уже наша собственная практика XVIII вѣка сводила постепенно къ нулю «коллегіальный принципъ». При Александрѣ I стройная французская бюрократическая централизація, созданная Наполеономъ на основѣ революціонныхъ идей, плѣнила русскій подражательный духъ. Для Россіи это явилось «послѣднимъ словомъ» совершенства, и Сперанскій, поклонникъ Наполеона, вмѣстѣ съ Императоромъ, поклонникомъ

республики, создали новый строй управленія, который въ существѣ своемъ прожилъ до Императора Александра II.

Учрежденія Александра I завершали абсолютистское построеніе правительственнаго механизма. До тѣхъ поръ, самое несовершенство управительныхъ учрежденій не дозволяло имъ освободиться отъ контроля. Верховная власть сохраняла характеръ направляющій и контролирующій. При Александрѣ I бюрократія была организована со всѣми усовершенствованіями. Создано строгое раздѣленіе властей. Учреждены независимый судъ, особый органъ законодательства—Государственный Совѣтъ, въ исполнительной власти созданы министерства, стройнымъ механизмомъ передаточныхъ органовъ дѣйствующія по всей странѣ. Способность бюрократическаго механизма къ дѣйствію была доведена до конца строжайшей системой централизаціи. Но гдѣ при этихъ учрежденіяхъ оказывалась нація и верховная власть?

Нація была подчинена правящему механизму. Верховная власть, по наружности, была поставлена въ сосредоточіи всѣхъ управительныхъ властей. Въ дѣйствительности, она была окружена высшими управительными властями и отрѣзана ими не только отъ націи, но и отъ остального управительнаго механизма. Съ превращеніемъ Сената въ высшій судебный органъ, верховная власть теряла въ немъ органъ контроля.

Идея управительныхъ учрежденій состоитъ въ томъ, чтобы достичь такого совершенства, при которомъ верховной власти нѣтъ надобности ни въ какомъ непосредственномъ управительномъ дѣйствіи. Какъ идеалъ — это правильно. Но фактически — тутъ же кроется источникъ постоянной узурпаціи властей управительныхъ въ отношеніи власти Верховной. Дѣло въ томъ, что наиболѣе совершенныя управительныя учрежденія дѣйствуютъ добропорядочно только при бдительномъ контролѣ верховной власти и постоянномъ съ ея стороны направленіи. Тамъ же, гдѣ подорваны контроль и направленіе верховной власти, бюрократія становится тѣмъ вреднѣе, чѣмъ она болѣе совершенно устроена. Она при этомъ получаетъ тенденцію фактически освободиться отъ верховной власти и даже подчинить ее себѣ.

Отстраненіе верховной власти отъ надзора за управительными властями особенно быстро проявилось при Александрѣ въ отношеніи суда. Повторилась исторія Петра Великаго. Жалобы на рѣшенія Сената (какъ высшаго судебнаго учрежденія) были воспрещены. Государь ихъ допустилъ только въ видѣ монаршаго милосердія, то-есть въ сущности на правахъ помилованія, а не правосудія. Къ счастью, какъ это бывало уже въ нашей исторіи, государь изъ получаемыхъ жалобъ скоро имѣлъ случай убѣдиться въ существованіи неправильныхъ рѣшеній даже и при «усовершенствованныхъ» учрежденіяхъ. Въ виду этого, въ 1810 году была учреждена Комиссія прошеній на Высочайшее Имя приносимыхъ, которая принимала жалобы и на рѣшенія Сената. Это было третье воскресеніе Челобитной избы, и замѣчательно, что оно совершилось силою вещей, въ полную противность теоріи, нахлынувшей къ намъ изъ Европы *).

Но если и въ отношеніи судебномъ верховная власть не была тогда вполнѣ отрѣзана отъ націи, то общая сложность усовершенствованныхъ бюрократическихъ учрежденій, при отсутствіи всякихъ учрежденій, единящихъ царя и народъ, отрѣзывала государя отъ народа своимъ «средостѣніемъ», облегчая деспотизмъ управительныхъ властей и низводя къ возможному минимуму свободу самой Верховной власти.

А. А. Кирѣевъ, отмѣчая опасный для самодержавія характеръ министерствъ, находящихся фактически почти внѣ конт-

*) Разсказывая объ этомъ, г. Хартулари выражаетъ убѣжденіе, что императоръ Александръ I, узаконяя право челобитчиковъ, „вполнѣ сознавалъ явную его несоотвѣтственность государственному принципу Петра (?), требовавшему абсолютнаго устраненія самодержавной власти отъ отправленія правосудія“ (стр. 114). Это вовсе не принципъ Петра I, а заблужденіе юридической науки, которая не проникласъ сознаніемъ той истины, что необходимое раздѣленіе властей управительныхъ не можетъ и не должно колебать единства и универсальности компетенціи власти верховной. Но какъ бы то ни было, императоръ Александръ I оговаривался, что „право челобитчиковъ сохраняется только впредь до окончательнаго образованія судебной части“ (стр. 114). Такимъ образомъ царское сознаніе побудило и его охранить право подданныхъ на исканіе справедливости предъ самимъ царемъ, а теорія, подсказываемая юристами, дѣлала оговорку, что это право существуетъ лишь до приведенія суда въ состояніе „совершенства“.

роля, приводитъ любопытное письмо гр. Воронцова, доказывавшаго эту опасность Кочубею въ 1803 году.

«Вамъ очень хочется увѣрить государя,—писалъ ему Воронцовъ, — что невозможенъ министерскій деспотизмъ, опасенія котораго вы называете химерой, потому что-де министры суть лица, избранныя верховной волей. Но вѣдь всѣ великіе визири въ Турціи и всѣ министры въ Персіи и Марокко суть равнымъ образомъ лица избранныя. Хорошо обезпеченіе противъ министерскаго деспотизма»!

«Сенатъ,—продолжалъ онъ,—уже не будетъ имѣть возможности доводить до свѣдѣнія государя о дѣлахъ, вершенныхъ незаконно, о злоупотребленіяхъ, совершаемыхъ съ умысломъ или по невѣдѣнію этими избранными лицами (т.-е. министрами). Государь останется въ невѣдѣніи о томъ, какъ управляются его подданные, ибо онъ будетъ получать доклады только отъ этихъ избранныхъ лицъ, которыя будутъ въ одно и то же время и судьями, и подсудимыми. Государю не будетъ даже способовъ узнать, хорошій ли онъ сдѣлалъ выборъ»...

А. А. Кирѣевъ замѣчаетъ на это отъ себя:

«Мнѣ кажется, можно сказать положительно, что люди, облеченные властью и не подчиненные никакому контролю, по самой силѣ вещей, по самому свойству ихъ дѣятельности, наталкиваются даже и тогда, когда они только и думаютъ объ общемъ благѣ, на путь вредный и незаконный, который иногда кажется имъ хорошимъ».

Но поправкой этому новому порядку могло бы явиться только возвращеніе къ московскому типу, при которомъ самодержавіе имѣло со стороны самой націи помощь въ контролѣ надъ учрежденіями. Смѣшеніе русской монархіи съ абсолютизмомъ — не допускало этого. Было и другое средство: конституціонное ограниченіе царской власти. Но до этого не допускало монархическое сознаніе народа и самихъ царей. Не имѣя, такимъ образомъ, никакихъ сдержекъ, развитіе бюрократической централизаціи съ тѣхъ поръ пошло неуклонно впередъ, все болѣе и болѣе распространяя дѣйствіе центральныхъ учрежденій въ самыя глубины національной жизни. Шагъ

за шагомъ «чиновникъ» овладѣвалъ страной, въ столицахъ, въ губерніяхъ, въ уѣздахъ. Сдержкой ему оставалось еще лишь крѣпостное право, не допускавшее его до массы порабощенныхъ крестьянъ, и огромное вліяніе дворянства при Дворѣ и въ личномъ составѣ бюрократическихъ учрежденій.

Съ такой управительной системой прошло царствованіе Александра I и Николая I. Во время Крымской кампаніи она страшно скомпрометировала себя, и вызвала всеобщій реформаторскій порывъ. Достойно вниманія, что при этомъ величайшее дѣло царствованія Александра II — освобожденіе крестьянъ — совершено было именно «внѣ вѣдомственнымъ» порядкомъ, на началахъ истинно самодержавно-національныхъ. Но эта реформа, въ способахъ вершенія своего, была единственная, при которой Россія вырвалась изъ бюрократическаго порядка. Самъ же по себѣ онъ остался незатронутымъ и взялъ въ свои руки совершеніе всѣхъ остальныхъ реформъ.

Въ результатѣ великаго порыва Россіи 1861 г. къ устроенію получилось нѣчто, колеблющееся во всѣхъ основаніяхъ съ той поры и до сего дня, то-есть уже цѣлое сорокалѣтіе.

XXXV.

Бюрократія въ Церкви.

Мы выше видѣли, какое могущественное средство единенія верховной власти съ націей составляло въ московскій періодъ церковное устройство, которое внизу было крѣпко связано съ народомъ, начиная съ прихода, а вверху — какъ въ своихъ соборахъ, такъ и въ патріаршествѣ, непосредственно связанное съ царемъ.

Петровская ломка Церкви все это разрушила, и поставила церковное управленіе на ту же бюрократическую колею, какъ и гражданское. Послѣдствія этого оказались едва ли не болѣе вредны, чѣмъ бюрократизмъ гражданскихъ управитель-

ныхъ властей, потому что — лишить Церковь живого духа— это значитъ подорвать въ народѣ самую основу, на которой держится монархическая власть.

Я не стану подробно слѣдить за послѣдующей эволюціей церковнаго управленія за петербургскій періодъ. Замѣчу только, что въ общемъ—она отчасти немного исправляла ломку Петра, отчасти же, напротивъ, еще ухудшала его дѣло.

Основная ненормальность положенія Церкви, сразу установленная петровскимъ «регламентомъ», состояла въ томъ, что государственной власти было присвоено прямое господство въ церковномъ управленіи. По «регламенту», «крайнимъ судьей» вновь учрежденнаго синода—признанъ императоръ *). А въ объясненіи самого Петра сказано: «Уставляемъ духовную коллегію, т.-е. духовное соборное правительство, которое, по слѣдующемъ здѣ регламентѣ, имѣетъ всякія духовныя дѣла во всероссійской Церкви управлять»**). Такимъ образомъ установляется принципъ, что императоръ есть крайній судья во всякихъ духовныхъ дѣлахъ Церкви Русской. Эта точка зрѣнія такъ и осталась неопровергнутой другими законами, и въ актѣ о престолонаслѣдіи 5 Апрѣля 1797 года императоръ прямо именуется «главою Церкви». Къ счастью, при кодификаціи основныхъ законовъ истинная мысль предыдущаго законодательства изъяснена нѣсколько болѣе правильно.

По 42 § Основныхъ законовъ «Императоръ, яко христіанскій государь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія». При этомъ пояснено, что именно лишь въ семъ смыслѣ императоръ былъ при Павлѣ I названъ «главою Церкви». Засимъ § 45-й гласитъ, что «въ управленіи церковномъ самодержавная власть дѣйствуетъ посредствомъ святѣйшаго правительствующаго синода, ею учрежденнаго».

---

*) Духовный регламентъ, Присяга членамъ духовной коллегіи. Напомню снова, что присягающимъ не оставлено даже возможности никакой іезуитской restriction mentale, ибо они должны были прибавить что это признаніе „*не ѥдиако толкую въ умѣ моемъ, яко провѣщеваю устами моими*“...

**) Тамъ же.

Должно ли изъ этого заключить, что въ церковномъ управленіи—высшая власть принадлежитъ только и исключительно императору, а синодъ есть лишь его орудіе, какъ сенатъ, министерства и другія управительныя учрежденія? Это ясно не подтверждено, и не опровергнуто, равно какъ не сказано нигдѣ, чтобы синодъ имѣлъ хоть какую нибудь степень самостоятельной власти.

Если наши государственно-церковныя отношенія, при такихъ законодательныхъ опредѣленіяхъ, пельзя назвать полнымъ «цезаропапизмомъ», то исключительно потому, что имѣются въ основныхъ законахъ статьи, какъ 13 и 41, постановляющія исповѣдываніе *православной вѣры* условіемъ для обладанія престоломъ Россійскимъ, а такъ какъ православіе признаетъ самостоятельность церковной власти, то отсюда можно, логическимъ умозаключеніемъ, вывести, что стало быть эта самостоятельность въ принципѣ признается и русскимъ государствомъ, а стало-быть — «цезаропапистскій» характеръ узаконеній должно объяснять лишь ихъ плохой редакціей.

Но это есть положеніе теоретическое. Практически же церковное управленіе поставлено съ Петра I-го такъ, какъ если бы Церковь никакой самостоятельной власти не имѣла. Отсюда воспослѣдовали результаты, распространившіе и на Церковь общій духъ бюрократизма управительныхъ учрежденій государства.

При различныхъ измѣненіяхъ, отчасти улучшавшихъ, отчасти ухудшавшихъ церковный строй за эти два столѣтія,— развитіе церковнаго управленія шло неуклонно въ направленіи все большаго развитія бюрократизма.

Во главѣ церковнаго управленія номинально стоитъ Синодъ, который составляется по правиламъ многократно мѣнявшимся, но во всякомъ случаѣ состоитъ изъ небольшого числа лицъ, приглашаемыхъ и увольняемыхъ по волѣ власти государственной, и въ своемъ составѣ постоянно мѣняющійся. При немъ состоитъ оберъ-прокуроръ.

---

*) Сводъ законовъ. Раздѣлъ I, VII.

Трудно сказать, чего больше: непониманія или сознательной фальши въ сложившейся системѣ.

По закону, права Синода опредѣляются, какъ «равно-патріаршескія». Ему присвоено по «Регламенту» общее наблюденіе за всей церковной жизнью клира и мірянъ, ему даны права наблюденія за епископами. При этомъ Синоду вмѣнено въ обязанность сообразоваться съ правилами Вселенскихъ Соборовъ. А между тѣмъ, ни малѣйшаго пониманія соборности нѣтъ въ «Регламентѣ», и всѣ его учрежденія нарушаютъ правила Вселенскихъ Соборовъ.

Составителямъ «Регламента» и ихъ потомкамъ до сего дня представляется, будто-бы соборность состоитъ въ «коллегіальности», въ томъ чтобы дѣла вершили нѣсколько человѣкъ, а не одинъ. Но церковная идея соборности выражаетъ совсѣмъ иное, она выражаетъ дѣятельность, направляемую по внушенію «совокупности всей Церкви», а не какихъ-нибудь кружковъ, коллегій, и тѣмъ паче не по волѣ мірскихъ начальствъ. По непониманію этого, Синодъ—«равнопатріаршій» опредѣляется у насъ такъ-же, какъ «постоянный соборъ». Помѣстные Соборы не собираются на этомъ основаніи уже двѣсти лѣтъ.

Синодъ долженъ замѣнить и Соборы, и патріарха. Но въ дѣйствительности власть собора и власть патріарха совершенно различны. Если Синодъ есть Соборъ—то онъ не патріархъ, если Синодъ есть патріархъ, то онъ не Соборъ. Въ дѣйствительности, Синодъ не есть ни то, ни другое, и не можетъ исполнять обязанностей ни собора, ни патріарха.

Безъ всякаго сомнѣнія, собраніе 12 епископовъ и «киновіарховъ», изъ коихъ Петръ хотѣлъ составить свой Синодъ, есть соборъ въ смыслѣ слова «собраніе». Но это не есть «Соборъ Помѣстный». А между тѣмъ, только Помѣстный Соборъ является верховной властью данной Церкви. Этой верховной власти Синоду никто не можетъ дать, ибо Помѣстный Соборъ есть собраніе *всѣхъ* епископовъ данной церкви, а вовсе не нѣсколькихъ изъ нихъ, вызванныхъ какой-либо властью. Объ этомъ говорятъ тѣ самыя правила Вселенскихъ Соборовъ, которыя долженъ, по Регламенту, хранить Синодъ. Таковы

правила: 5-ое Перваго Вселенскаго Собора, прав. 19-ое Четвертаго Собора, правило 8-ое Шестаго Собора, правила Карѳагенскаго Собора, принятыя въ канонъ. *).

Что касается патріарха, то по канонамъ, онъ есть власть исполнительная. Хотя онъ облекается широкими правами, но долженъ вести управленіе, сообразно съ указаніями высшей власти, Помѣстнаго Собора. Надъ Синодомъ же никогда не было производимо наблюденія Помѣстнаго Русскаго Собора, никогда онъ не получалъ никакихъ указаній со стороны Русскихъ Помѣстныхъ Соборовъ. Такимъ образомъ онъ не можетъ исполнять должности и патріарха. Вся сила патріарха въ Соборѣ, а если нѣтъ Соборовъ, то, стало-быть, нѣтъ и патріарха.

Но помимо этого, Синодъ уже по одной своей „коллегіальности› не способенъ замѣнить патріарха. Коллегіальность обре-

---

*) На эти недоразумѣнія въ пониманіи „соборности" Синода я указывалъ въ брошюрѣ „Запросы жизни и наше церковное управленіе" (1908 г.).

Пользуюсь случаемъ сдѣлать объясненіе на замѣчаніе по этому поводу проф. Н. Заозерскаго. Въ своемъ прекрасномъ трудѣ „О средствахъ усиленія власти нашего церковнаго управленія" онъ дѣлаетъ мнѣ замѣчаніе, котораго основательности я не могу признать. „Школьный катехизическій отвѣтъ на этотъ вопросъ, говоритъ онъ, (что такое Помѣстный Соборъ)—гласитъ „помѣстный соборъ есть собраніе пастырей помѣстной Церкви". Г. Л. Тихомировъ очевидно стоитъ на этой же точкѣ зрѣнія, когда говоритъ „соборъ какъ власть церковная, долженъ состоять изъ всѣхъ епископовъ данной церкви". Достопочтенный профессоръ не обратилъ вниманія на то что я говорю „соборъ какъ *власть* церковная". Я опредѣляю не составъ собора вообще, а составъ его *властной* части. Мнѣ, конечно, не могли быть неизвѣстны факты участія всѣхъ чиновъ вѣрующихъ въ соборахъ, хотя и не въ такомъ множествѣ примѣровъ, какое я имѣлъ удовольствіе найти въ высоко заинтересовавшей меня работѣ пр. Заозерскаго. Но дѣло въ томъ, что властью юридически называется тотъ институтъ, коему принадлежитъ *рѣшеніе*. А самъ пр. Заозерскій признаетъ, что *рѣшающіе* голоса на Соборахъ принадлежали лишь епископамъ. Прочіе присутствующіе на Соборѣ, имѣютъ голосъ лишь *совѣщательный* (стр. 23).

Посему то, да позволитъ мнѣ пр. Заозерскій и впредь, по прочтеніи его прекрасной статьи, сохранить юридическую точность формулировки и называть церковной *властью* собраніе всѣхъ епископовъ. Само собою, епископы не „произвольная" власть, они суть „свидѣтели вѣры" церковной. Такъ и Монархъ, въ дѣлахъ государственныхъ, не есть произвольная власть, а выразитель духа націи. Тѣмъ не менѣе *власть* у Монарха а не у націи.

каетъ его сама по себѣ на безсиліе и зависимость, тогда какъ патріархъ долженъ быть силенъ и независимъ.

Синодъ состоитъ изъ епископовъ, временно вызываемыхъ для «присутствія» и постоянно мѣняющихся въ своемъ составѣ. Ни одно его дѣйствіе не можетъ произойти безъ одобренія государственной Верховной Власти. А въ то-же время Синодъ лишенъ права непосредственнаго сношенія съ Верховной Властью, что незаконно даже по Русскимъ Основнымъ Законамъ. Статья 43 Осн. Законовъ положительно говоритъ, что Верховная Власть дѣйствуетъ въ церковномъ управленіи *черезъ Синодъ*. Но общее владычество бюрократіи проникло и въ Церковь. Фактически высшей властью Церкви является оберъ-прокуроръ, ибо онъ ведетъ всѣ сношенія съ Верховной Властью, онъ дѣлаетъ Государю доклады, всѣ совѣщанія Государя о дѣйствіяхъ по Церкви происходятъ только съ оберъ-прокуроромъ. Синодъ не можетъ обращаться къ Государю иначе, какъ черезъ оберъ-прокурора, который сдѣлался посредникомъ между Царемъ и Церковью, представителемъ Синода передъ Престоломъ.

Вслѣдствіе этого власть Синода фактически перешла въ руки оберъ-прокурора и канцелярій, его собственной и синодской, которая впрочемъ подчинена также оберъ-прокурору.

Оберъ-прокуроръ явился какъ выразитель государственнаго контроля государственной власти въ синодѣ. Но власть его постоянно росла. «Въ настоящее время, говоритъ проф. Доброклонскій, оберъ-прокуроръ есть какъ бы министръ церковныхъ дѣлъ»*).

Развитіе института оберъ-прокуратуры получило особую широту послѣ упраздненія недолго существовавшаго при Александрѣ I-мъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. По упраздненіи министерства, его обязанности, въ отношеніи Церкви, перешли къ оберъ-прокурору. «Получивъ въ свое вѣдѣніе названное отдѣленіе, говоритъ проф. Суворовъ, оберъ-прокуроръ пересталъ быть только стряпчимъ о дѣлахъ государственныхъ и вступилъ въ положеніе министра

*) Руководство къ Исторіи Русской Церкви. Синодальный періодъ, стр. 86.

или главноуправляющаго особымъ вѣдомствомъ... Въ 1835 г. указано было приглашать его, какъ представителя духовнаго вѣдомства въ государственный совѣтъ» *).

Такимъ образомъ, церковное управленіе стало государственнымъ вѣдомствомъ, на подобіе всѣхъ другихъ отраслей государственнаго управленія. Оберъ-прокуроръ есть не только представитель государственнаго закона при церковномъ синодѣ, но и представитель этого «собора» передъ государственной властью. Съ достиженіемъ этого фазиса эволюціи—непосредственнаго общенія церковной власти съ государственной верховной властью уже не могло быть, да и сама церковная власть сдѣлалась отвлеченностью.

Фактически—можно сказать, что высшее управленіе церкви перешло въ руки особаго «министра» (оберъ-прокурора) при консультаціи «коллегіи» или «собранія» церковныхъ іерарховъ. При этомъ власть оберъ-прокурора увеличивается тѣмъ, что назначеніе членовъ синода зависитъ отъ Государя Императора, а представитель Государя при синодѣ и синода при Государѣ — есть самъ оберъ-прокуроръ, т.-е. — фактически онъ имѣетъ если не абсолютное, то огромнѣйшее вліяніе на вызовъ епископовъ для присутствія въ синодѣ.

Составъ Синода всегда таковъ, какой желаетъ имѣть бюрократія такъ называемаго «духовнаго вѣдомства».

Мѣры, отъ имени Синода подносимыя на Высочайшее воззрѣніе, конечно, подписываются членами Синода. Но если бы какой-либо составъ Синода, паче чаянія, не соглашался на проводимую бюрократіей мѣру, то этотъ составъ всегда можетъ быть измѣненъ: одни члены отпущены на епархію, другіе, болѣе подходящіе, вызваны для «присутствія»—и бумага будетъ подписана.

Впрочемъ, и помимо такихъ способовъ дѣйствія, власть надъ Церковью совершенно неизбѣжно сосредоточивается у чиновниковъ. Архіереи Синода постоянно смѣняются. Если одинъ составъ намѣтитъ какую-либо мѣру, то у него нѣтъ времени

*) Н. Суворовъ. Курсъ церковнаго права, т. I, стр. 161.

довести ее до конца. Другой-же составъ можетъ имѣть уже иныя идеи. Да и положеніе дѣлъ смѣняющемуся составу Синода не можетъ быть извѣстно такъ хорошо, какъ чиновникамъ.

Канцеляріи и оберъ-прокуроръ ведутъ дѣла церковныя постоянно и спеціально, такъ что знаютъ ихъ лучше, чѣмъ архіереи; чиновники обдумываютъ мѣры, подготовляютъ дѣла и рѣшаютъ ихъ. А архіереи, въ лучшемъ случаѣ, превращаются въ простыхъ «консультантовъ», въ худшемъ-же, просто «рукоприкладствуютъ» къ мѣрамъ, выработаннымъ чиновниками.

Въ самомъ теченіи церковныхъ дѣлъ этому министру духовнаго вѣдомства принадлежитъ все. «Онъ просматриваетъ всѣ протоколы опредѣленій синода. Отъ его (синода) имени представляетъ доклады Государю и объявляетъ синоду Высочайшія повелѣнія, касающіяся духовнаго вѣдомства. По дѣламъ синодальнаго вѣдомства сносится съ центральными государственными учрежденіями, ежегодно представляя Государю отчеты по духовному вѣдомству. Завѣдываетъ вспомогательными синоду учрежденіями. Слѣдитъ за дѣлопроизводствомъ по епархіальному управленію и имѣетъ въ своемъ непосредственномъ вѣдѣніи секретарей епархіальныхъ консисторій. Опредѣляетъ и перемѣщаетъ, или только предлагаетъ и избираетъ кандидатовъ на чиновныя должности по духовному вѣдомству, распоряжается назначеніемъ пенсій и наградъ по духовному вѣдомству и пр.»*).

Сила власти оберъ-прокурора и его канцеляріи увеличивается еще тѣмъ, что это есть учрежденіе постоянное, ведущее всѣ дѣла изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, слѣдовательно знающее дѣла и установляющее извѣстные планы ихъ, равно какъ наблюдающее за дѣйствительнымъ осуществленіемъ ихъ. Между тѣмъ собраніе епископовъ состоитъ изъ членовъ постоянно перемѣняющихся, и даже безъ твердыхъ правилъ относительно того, кто долженъ быть вызванъ.

Такимъ образомъ — бюрократическій элементъ управленія Церковью имѣетъ огромную силу какъ по закону, такъ и по

*) Добровольскій, тамъ же, стр. 87.

знанію дѣла. Церковный же элементъ случаенъ и неосвѣдомленъ, не можетъ ни ставить себѣ какихъ либо прочныхъ цѣлей политики, ни доводить ихъ до исполненія, ибо каждый новый составъ епископальнаго присутствія естественно будетъ имѣть нѣсколько иные планы.

Между тѣмъ этому центральному управленію принадлежитъ огромная власть въ Церкви. Оно имѣетъ власть законодательную, судебную, административную. Епархіальные епископы подчинены ему не менѣе чѣмъ губернаторы—министру внутреннихъ дѣлъ. «Да вѣсть же всякъ епископъ, каковый онъ ни есть степенемъ, простой ли епископъ или архіепископъ или митрополитъ, что онъ духовному коллегіумъ, яко верховной власти, подчиненъ есть, указовъ онаго слушать, суду подлежать и опредѣленіемъ его довольствоваться долженъ»—гласитъ Духовный Регламентъ *).

Назначеніе, какъ и самое посвященіе епископовъ—принадлежитъ синоду, но съ непремѣнной санкціей верховной власти, а слѣдовательно съ непремѣннымъ участіемъ оберъ-прокуратуры. Можно безъ малѣйшаго преувеличенія сказать, что хиротонія епископа фактически невозможна, если противъ даннаго лица будетъ оберъ-прокуратура. Назначеніе и перемѣщеніе епископовъ на епархіи находится въ такомъ же положеніи. Въ управленіи епархіями епископы во всемъ подчинены синоду. Епископъ обязанъ повиноваться синоду, и представлять ему отчеты, и испрашивать у него же разрѣшенія возникающихъ недоумѣній. Синоду принадлежитъ надзоръ за епархіальнымъ управленіемъ. Власть епископа ограничена и въ назначеніи, и увольненіи различныхъ должностныхъ лицъ епархіальнаго управленія, въ открытіи приходовъ и монастырей, въ строеніи церквей, въ измѣненіи состава причтовъ, въ завѣдываніи учебными заведеніями и епархіальнымъ хозяйствомъ...

При такой страшной централизаціи — всѣ эти ограниченія власти епархіальнаго епископа фактически принадлежатъ тому

*) Духовн. регламентъ, стр. 41.

учрежденію, которое имѣетъ управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, т.-е. оберъ-прокуратурѣ, которая и по закону, и фактически составляетъ дѣйствительную пружину дѣйствія духовнаго вѣдомства.

Для веденія же дѣлъ епархіальнаго управленія при епископахъ находятся консисторіи, секретари которыхъ подчинены непосредственно оберъ-прокурору.

Вслѣдствіе всевластія бюрократіи въ Синодѣ, весь контроль надъ епархіальными епископами и управленіями, по буквѣ принадлежащій синоду, точно также переходитъ въ руки оберъ-прокурора съ секретарями консисторій. А между тѣмъ власть синода надъ епархіальными архіереями, по закону, чрезмѣрно велика, и далеко не «равно патріаршеская». Такую власть подобало-бы имѣть только Собору. По фактическому безсилію Синода, вся эта власть попадаетъ въ руки чиновниковъ.

Консисторія, которая должна-бы подчиняться архіерею, подчинена черезъ секретаря оберъ-прокурору. Да и епископъ подчиненъ ему-же черезъ посредство Синода. Въ силу общаго положенія вещей, не легко и попасть во епископы человѣку независимому. Такая самостоятельная личность еще задолго до вопроса о хиротоніи не можетъ не проявить своей самостоятельности, а слѣдовательно противъ нея заранѣе будутъ приняты достодолжныя мѣры предосторожности.

Можно-ли назвать злоупотребленіемъ такое стараніе избѣжать самостоятельныхъ епископовъ? Это скорѣе есть неизбѣжное послѣдствіе строя. По духу православія, нельзя назначить «министра Церкви», а между тѣмъ оберъ-прокуроръ фактически долженъ исполнять обязанности министра надъ Церковью. Онъ не можетъ дѣйствовать явно диктаторски и принужденъ постоянно сохранять видъ соборности управленія и уваженія къ духовному авторитету. Приказать епископу прямо, какъ министръ приказываетъ губернатору, оберъ-прокуроръ не можетъ, и потому принужденъ прибѣгать къ обходнымъ путямъ. Если при этомъ оказалось бы много независимыхъ и неуступчивыхъ архіереевъ, то управленіе Церковью

стало-бы для оберъ-прокурора невозможнымъ. Поэтому-то, даже не ставя себѣ прямо іезуитской системы подбирать епископатъ послабѣе, чиновничество неизбѣжно ведетъ къ этому результату, такъ какъ, при обсужденіи участи каждаго новаго кандидата, каждый разъ оно естественно будетъ отдавать предпочтеніе тому, который обѣщаетъ быть для него менѣе неудобнымъ.

А между тѣмъ, для блага Церкви, для авторитетной связи іерархіи съ пасомыми, для отстаиванія правъ Церкви, для борьбы съ волками, расхищающими стадо Христово, слѣдуетъ имѣть епископскій персоналъ возможно болѣе высокій, крѣпкій, самостоятельный. Благо Церкви здѣсь діаметрально расходится съ требованіями бюрократической системы...

Крѣпкая нравственная связь епископата съ пасомыми, авторитетъ епископа, любовь къ нему со стороны паствы и взаимное ихъ пониманіе подрывается не менѣе сильно обычаями, установившимися у насъ въ отношеніи пребыванія епископа на епархіи.

По духу епископскаго сана, связь архипастыря съ паствой нерасторжима. Посвященіе епископа на епархію подобно брачному союзу, и въ идеѣ епископъ долженъ бы вѣкъ свѣковать съ паствой своей. Но, конечно, по потребностямъ самой Церкви, это правило дозволительно нарушать по распоряженію высшей церковной власти. У насъ же, то, что допускается какъ исключеніе, стало правиломъ.

При господствѣ бюрократіи, замѣнившей высшую церковную власть, установилась система безпрерывнаго перемѣщенія епископовъ, вѣчный круговоротъ ихъ по каѳедрамъ. По подобію бюрократической службы, установился взглядъ, что необходимо поощрять службу епископа переводомъ на «лучшую» каѳедру, а иногда наказывать переводомъ на «худшую», причемъ лучшей считается, конечно, болѣе доходная. Это уже составляетъ полное извращеніе понятія о служеніи епископа. А до какихъ размѣровъ доходитъ этотъ круговоротъ «повышеній» и «пониженій», легко видѣть изъ послужныхъ списковъ епископовъ. Напримѣръ, по списку епархіальныхъ епи-

скоповъ за 1903 годъ *) видно, что, въ среднемъ, каждый изъ нихъ, за время служенія епископскаго, перемѣняетъ отъ трехъ до четырехъ каѳедръ. Изъ 62 архипастырей списка 1903 года только *одинъ* еще не успѣлъ перемѣнить каѳедры; но 5 перемѣнили по 5 каѳедръ, 2 по 6 паствъ, одинъ даже 7. Понятно, что при такой системѣ время пребыванія епископа съ пасомыми оказывается крайне недолгимъ. Если взять всѣхъ 104 епископовъ, служившихъ въ предѣлахъ Имперіи до 1903 года, то среднее пребываніе епископа на одной каѳедрѣ едва превышаетъ 4 года. Болѣе 5 лѣтъ изъ 104 епископовъ пробыли на одной каѳедрѣ только 23 человѣка. На 41 епископа приходится менѣе трехъ лѣтъ неразрывной связи съ паствой. Понятно, что тѣсная связь съ паствой становится невозможна при этомъ. Едва епископъ успѣваетъ сколько-нибудь ознакомиться съ дѣлами, условіями и личностями пасомыхъ, какъ уже его переводятъ въ другую епархію, гдѣ онъ чужой человѣкъ и ничего не знаетъ. Едва начавшія завязываться связи перерываются. Едва ознакомившаяся съ архипастыремъ епархія получаетъ новаго, котораго не знаетъ, и который ее также не знаетъ.

А консисторіи и чиновничество получаютъ отъ этого новую силу. На епархіяхъ происходитъ совершенно то же, что и въ Синодѣ. Епископы постоянно перемѣщаются, не успѣваютъ узнавать дѣлъ, не могутъ устанавливать связей и вліянія. А канцелярія все знаетъ, всѣ связи у нея. На нее надѣятся, ее боятся.

Такимъ образомъ, сѣть власти бюрократіи проникаетъ глубоко во всѣ сферы церковнаго управленія, и высшаго, и епархіальнаго. Дѣйствительной самостоятельности епископъ нигдѣ не можетъ имѣть. Но за то почетъ, выгоды, а равно и уступки его личнымъ симпатіямъ, или антипатіямъ—всегда могутъ быть допущены бюрократической «политикой». Поэтому деспотизмъ въ отношеніи подчиненнаго ему священства вполнѣ достижимъ для епископа; кумовство, изгоняе-

*) „Составъ Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода и россійской церковной іерархіи на 1903 г.“

мое въ государственной службѣ, широко допускается въ «духовномъ вѣдомствѣ». О дѣйствіяхъ консисторій ходятъ цѣлыя легенды.

При такомъ положеніи высшей и средней церковной власти—положеніе низшей, приходской, стало въ высшей степени ненормальнымъ. То христіанское единеніе всѣхъ вѣрующихъ, пастырей и пасомыхъ, которое есть основа Церкви, исчезаетъ и въ приходѣ. Еще по «Регламенту» у насъ допускались старинные выборы прихожанами своего клира, но фактически все это совершенно исчезло. Священникъ, на подобіе чиновника—назначается на приходъ властію, даже безъ вѣдома пасомыхъ, и въ случаяхъ самаго неудачнаго назначенія—прихожане не могутъ получить себѣ новаго пастыря по сердцу. Наоборотъ, возможны случаи смѣщенія священниковъ, вопреки единогласнымъ просьбамъ прихожанъ, любящихъ отнимаемаго у нихъ пастыря. Въ управленіи прихода, въ завѣдываніи имуществомъ его, міряне почти изгнаны, даже вопреки закону. Ихъ самостоятельное участіе въ церковной жизни упразднено, и отсюда рядъ послѣдствій, ярче всего сказывающихся въ отпаденіи сотенъ тысячъ православныхъ въ сектантство.

Завѣдующая духовной жизнью Церкви бюрократія употребляетъ много усилій для развитія внутренней миссіи, для повышенія, какъ ей кажется, уровня священниковъ. Но эта миссія держится на системѣ преслѣдованія инымыслящихъ, даже чрезъ посредство полиціи, а въ лучшемъ случаѣ, на системѣ теоретическихъ «доказательствъ» истины православія.

Повышеніе уровня священства достигается главнѣйше «матеріальнымъ обезпеченіемъ», да повышеніемъ его «образованія». Но въ успѣхахъ церковной жизни главное составляетъ не только не полиція, но даже не «доказательства», и не «матеріальное обезпеченіе», или «образованность». Духовная жизнь состоитъ въ тѣхъ дарахъ «святости», которые возможны лишь въ истинно-церковной жизни единенія, взаимной любви и уваженія «тѣла Церкви» и ея «пастырей».

Этого-то самаго главнаго не даетъ и не можетъ допустить бюрократическая система, которая, не уничтожаясь сама, не можетъ выпустить Церковь «на свободу», на жизнь по закону духа самой Церкви.

Этого крайняго развитія бюрократія достигла особенно въ послѣднее столѣтіе, когда окончательно охватила все церковное управленіе, «духовное вѣдомство». Управленіе это, совершенно подчиненное свѣтской власти, построено на канцелярскихъ началахъ, съ безконечной отчетностью, бумажнымъ дѣлопроизводствомъ. Духу, вдохновенію, голосу совѣсти—здѣсь оставлено меньше мѣста, нежели въ управленіяхъ напр. министерства внутреннихъ дѣлъ.

И въ тоже время, въ этомъ церковномъ управленіи — всѣ источники духа возможно болѣе отстранены. Самъ епископатъ занимаетъ второстепенное положеніе, а верховная власть — дѣйствуетъ лишь посредствомъ оберъ-прокуратуры, безъ всякаго прямого общенія съ Церковью, какъ цѣлымъ обществомъ вѣрующихъ. Наконецъ масса вѣрующихъ — совершенно не имѣетъ, ни на какой инстанціи, никакого участія въ этомъ управленіи. Даже въ приходахъ она не имѣетъ голоса въ избраніи священно и церковно-служителей. Это старинное право вѣрующихъ Московской Руси еще сохранялось при Петрѣ, но послѣдующей централистически - бюрократической эволюціей церковнаго управленія было постепенно уничтожено, и въ настоящее время стало считаться даже чѣмъ-то опаснымъ.

XXXVI.

Связь верховной власти съ націей. Элементъ идеократическій.

Такимъ образомъ вся система управительныхъ учрежденій, во всѣхъ отрасляхъ и вѣдомствахъ, особенно въ XIX в., была направлена къ тому, чтобы отрѣзать Верховную власть отъ націи. При этомъ можно было бы ожидать совершеннаго перерожденія нашей верховной власти въ абсолютизмъ. Въ дѣйстви-

тельности, однако, за 200 лѣтъ петербургскаго періода живыя силы націи постоянно привносили къ дѣйствію бюрократіи нѣкоторыя соціальныя поправки, а вліяніе православной вѣры—поправку идеократическую. Вмѣстѣ взятое, это до извѣстной степени парализовало тенденціи управительной системы.

Наконецъ и политическое самосознаніе, уже въ срединѣ петербургскаго періода, начало все болѣе говорить Россіи, что есть какое-то различіе между русской верховной властью и европейскимъ абсолютизмомъ. Уже въ началѣ XIX вѣка формулой русскаго строя было объявлено «православіе, самодержавіе и народность», и если это не выясняло еще намъ, какъ нужно дѣйствовать по-русски, то поддерживало увѣренность въ томъ, что нужно дѣйствовать какъ-то особенно, по своему. Это во всякомъ случаѣ мѣшало утвержденію полнаго смѣшенія самодержавія съ абсолютизмомъ.

Значеніе православія для самодержавной идеи особенно важно было въ періодъ подражательности. Вѣра оставалась жива въ народѣ—какъ въ низшихъ слояхъ его, такъ и въ высшихъ. Несмотря на умноженіе всякаго «вольтеріанства», высшіе слои въ общемъ оставались православными. Бывшіе вольнодумы, съ теченіемъ жизни, нерѣдко каялись, какъ фонъ-Визинъ, и возвращались къ вѣрѣ. Вліяніе религіозное, за это время, тѣмъ важнѣе, что вѣра одинаково говоритъ чувству всѣхъ народностей. При огромномъ наплывѣ иностранцевъ въ высшіе, вліятельные слои русскаго общества, религія быть можетъ, сильнѣе всего «русифицировала» ихъ міросозерцаніе. Извѣстно, какое искреннее благочестіе вырабатывали, напримѣръ, многія иноземныя принцессы, ставшія русскими императрицами.

Православная вѣра, поскольку она жила въ сердцахъ, подсказывала каждому не абсолютистскую, а именно самодержавную, царскую идею.

Учительство церковное никогда не забывало монархическаго идеала, который выставляло передъ властью и народомъ всегда, когда касалось этого предмета. Въ исторіи церкви нашей за синодальный періодъ бывали протесты іерарховъ противъ дѣйствій власти. Митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ остает-

ся навѣки такимъ примѣромъ смѣлаго обличенія*). Но самый принципъ царскій проповѣдывался церковными учителями искренне и постоянно.

Этотъ фактъ столь извѣстенъ, что не для доказательства, а лишь для образца, приведу нѣсколько извлеченій изъ поученій Филарета митрополита, рисующихъ, что Церковь стояла совершенно вдали отъ вторгающихся къ намъ идей абсолютизма.

Любимое опредѣленіе царской власти у митрополита Филарета—это сравненіе съ властью отеческой. Эта власть внѣдоговорная, и восходитъ къ законамъ самого Творца. «Какъ власть отца не сотворена самимъ отцомъ и не дарована ему сыномъ, а произошла вмѣстѣ съ человѣкомъ отъ Того, Кто сотворилъ человѣка, то открывается, что глубочайшій источникъ и высочайшее начало власти только въ Богѣ». Отъ Него же идетъ и власть царская. «Богъ по образу Своего небеснаго единоначалія устроилъ на землѣ царя, по образу Своего вседержительства—царя самодержавнаго, по образу Своего непреходящаго царствованія — царя наслѣдственнаго». «О, — говоритъ Филаретъ, — если бы цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и присоединяли къ этому требуемую отъ нихъ богоподобную правду и благость, чистоту мысли, святость намѣренія и дѣйствія! О если бы и народы довольно разумѣли небесное достоинство царя и постоянно ознаменовывали бы себя благоговѣніемъ и любовію къ царю, послушаніемъ его законамъ и т. д. Всѣ царства земныя были бы

*) Насколько вредили Верховной власти неправильныя отношенія къ Церкви, видно и изъ того, что, не смотря на объявленіе митрополита Арсенія тяжкимъ политическимъ преступникомъ, народное сознаніе, еще при мученической жизни его, придавало ему значеніе *святого*. Это чувство жило не въ однихъ массахъ, но и среди образованныхъ людей, живетъ и до сихъ поръ. Хотя С. М. Соловьевъ отнесся къ памяти митрополита очень сурово, но въ нашей литературѣ, не смотря на цензурныя затрудненія, былъ рядъ протестовъ въ защиту памяти его. Особенно нельзя не отмѣтить рефератъ Т. И. Филиппова (впослѣдствіи напечатанъ въ „Старинѣ и Новизнѣ“). См. тоже Барсовъ, „Русск. Старина“, 1876 г. № 4. Стурдзы „Русск. Старина, 1876 г. № 2. Подробнѣйшія изслѣдованія жизни митрополита Арсенія далъ Иконниковъ („Русская Старина“, 1879 г. №№ 4, 5, 8, 9, 10).

достойнымъ преддверіемъ царства небеснаго. Россія,—восклицаетъ митрополитъ, — ты имѣешь участіе въ этомъ благѣ больше многихъ царствъ и народовъ. Держи еже имаши, да никто же приметъ вѣнца твоего!».

Митрополитъ Филаретъ, разумѣется, указываетъ и на особое значеніе священнаго вѣнчанія на царство, и, вникая въ нравственно-религіозный смыслъ Самодержавнаго Помазанника, даетъ, какъ онъ выражается, всеобъемлющую государственную формулу: «Святость власти и союзъ любви между государемъ и народомъ».

«Самодержавіемъ Россія стоитъ твердо, говоритъ онъ. Царь, по истинному о немъ понятію, есть глава и душа царства. Законъ, мертвый въ книгахъ, оживаетъ въ дѣяніяхъ, а верховный государственный дѣятель и возбудитель и одушевитель подчиненныхъ дѣятелей есть царь». И этотъ верховный направитель, для церковнаго учителя, неразрывно связанъ съ осуществленіемъ воли Божіей. «Благо народу и государству, въ которомъ всеобщимъ свѣтлымъ средоточіемъ стоитъ царь, свободно ограничивающій свое самодержавіе волей Отца небеснаго». Такое подчиненіе царской власти Богу создаетъ союзъ Церкви и государства, которые дружно и въ одинаковомъ направленіи ведутъ народъ ко благу. «Православная Церковь и государство въ Россіи состоятъ въ единеніи и согласіи» *).

Таковъ былъ духъ ученія, въ которомъ церковная мысль и слово учительство воспитывали всѣхъ, на кого простиралось православное вліяніе.

XXXVII.

Значеніе дворянства.

Но помимо постояннаго вліянія идеократическаго элемента, который давало православное вѣроученіе, за петербургскій періодъ существовала и нѣкоторая соціальная поправка къ бю-

*) Эти выдержки я беру изъ „Государственнаго ученія Филарета, митрополита Московскаго", изданіе М. Н. Каткова.

рократическимъ учрежденіямъ — это тѣсная связь верховной власти съ дворянствомъ.

Весь этотъ періодъ дворянство дѣлало въ отношеніи верховной власти то, что должна была бы, нормально, дѣлать цѣлостная нація. Это, конечно, имѣло свои очень вредныя стороны и послѣдствія, но спасало отъ еще худшихъ.

Петръ Великій, въ задачѣ усвоенія Россіей европейской культуры, не разграничивалъ лицъ разныхъ сословій, но фактически оперся преимущественно на тѣ служилые слои *), которые, въ совокупности, быстро усвоили общее названіе сначала шляхетства, а затѣмъ дворянства.

Уже въ Московской Руси служилые слои существенно отличались отъ людей приказныхъ—зародышей бюрократіи. Служилые были люди земскіе. Дворяне блестяще заявили себя земскою силою еще при возстановленіи монархіи въ Смутное время. Составляя главнымъ образомъ военную и административную силу, дворяне были въ то же время землевладѣльцами и земледѣльцами и стояли близко къ народу, жили съ нимъ, управляли имъ, и защищали его, а по своему міровоззрѣнію ничѣмъ отъ него не отличались.

Эти-то служилые слои, это дворянство, Петръ по преимуществу призвалъ къ сотрудничеству въ великой миссіи пріобщенія государства къ культурѣ и его укрѣпленія. Дворяне были къ этому наиболѣе способны, да притомъ высшіе слои еще до Петра стремились къ просвѣщенію.

Напрягая всѣ силы страны къ одной цѣли, Петръ видоизмѣнилъ прежній характеръ службы. «Служба дворянина дѣлается постоянной: отъ нея избавляются только за дряхлость и увѣчья... До Петра служилый человѣкъ отбывалъ службу какъ бы за помѣстья, съ Петра Великаго онъ начинаетъ нести ее, какъ членъ особаго сословія — благороднаго дворянства» **). Помѣстья дѣлаются собственностью. Если жалуются новыя, то въ качествѣ награды, на правахъ собственности.

---

*) Они были очень разнообразны.

**) Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи, стр. 117 и сл.

За службу полагается денежное жалованье. Но жалованье было незначительно, и правительство вполнѣ сознавало, что дворянство можетъ жить и служить ему только при помощи доходовъ съ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ. Поэтому крѣпостное право расширяется и количественно, и въ смыслѣ усиленія подчиненности крестьянъ.

Дворянство было при этомъ тоже, въ своемъ родѣ, закрѣпощено за государствомъ: оно обязано было вѣчно служить на военной или гражданской службѣ, какъ начальство укажетъ. Сверхъ того, «кромѣ службы, какъ главной повинности шляхетства, на него налагается другая обязанность—учиться, непосредственно вытекающая изъ первой. Служба по европейскимъ образцамъ требовала научной подготовки. Вотъ почему великій преобразователь служилаго класса отождествляетъ понятіе благородства съ понятіемъ службы государству и образованія».

«Дворянинъ сдѣлался человѣкомъ служащимъ, служащій долженъ сдѣлаться образованнымъ, въ силу этого онъ становился благороднымъ» *).

Эта «наука», поставленная дворянству въ обязанность, была очень не легка. Безпрерывно, свыше раздавались требованія: «отобрать изъ школьниковъ лучшихъ дворянскихъ дѣтей и привезти» туда-то, а оттуда отправить на корабляхъ въ Англію, Францію, Венецію и т. п. Легко себѣ представить, каково это было для семействъ. Но, отправляя дворянскихъ дѣтей за границу—ихъ такъ же усердно обучали и дома. Въ провинціи посылали учителей для обученія дворянъ. Въ архіерейскихъ домахъ приказывали для нихъ же учреждать школы. Начали возникать спеціальныя школы въ Петербургѣ. Дворянину безъ свидѣтельства объ окончаніи курса школы не дозволено было вѣнчаться. Дѣти знатныхъ дворянъ съ 10 лѣтъ возраста высылались обязательно въ школы въ Петербургъ, а если родители укрывали ихъ—то наказывались жестокимъ штрафомъ. Молодыхъ дворянъ періодически созывали на экзамены, а затѣмъ брали на службу.

---

*) Тамъ же.

Такимъ образомъ дворянинъ, съ дѣтства и по смерть, былъ въ распоряженіи государства, такъ же, какъ крестьяне у него самого.

Само собою—и отъ такой тяжкой «науки», и отъ «службы» множество дворянъ старались по возможности уклоняться такъ же, какъ крестьяне отъ боярскихъ работъ. Но уклоняться было не легко, и «пѣтчиковъ», не являвшихся на учебныя или служебныя переклички, преслѣдовали жестоко. Съ другой стороны, дворяне во множествѣ шли въ ученье охотно и достигали на этомъ поприщѣ гораздо бо́льшаго, чѣмъ требовало правительство. На службѣ же они, по закону, не имѣли никакихъ привилегій: служить всѣ начинали, независимо отъ «породы», съ солдатовъ и вообще низшихъ чиновъ. Гвардія первоначально даже сплошь состояла изъ дворянъ. Еще Державинъ (поэтъ) въ молодости, какъ солдатъ, заколачивалъ въ Петербургѣ сваи. Служба, какъ и ученье, были строги и тяжелы, требуя самопожертвованія государству всего человѣка...

Само собою, что дворяне старались по возможности искать облегченій, протекцій, записывали иногда дѣтей на службу съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Но всѣ эти беззаконія могли удаваться не многимъ, да и обходились тоже не даромъ (взятки—«барашекъ въ бумажкѣ», какъ тогда выражались). Общій же фонъ отношеній къ государству оставался, можно сказать, полонъ непреклоннаго долга.

Новое сословіе составилось изъ очень разнообразныхъ слоевъ. Были тутъ и князья Рюриковичи, были чуть не пахари изъ порубежнаго служилаго люда. На службу, сверхъ того, принимали и брали всѣхъ вольныхъ людей, еще не закрѣпощенныхъ въ какой-нибудь другой формѣ. А засимъ всѣ они могли достигать чиновъ. Чинъ же давалъ во всемъ преимущество и быстро открывалъ дорогу въ дворянство. Такимъ образомъ дворянство первоначально составлялось изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ. Но всѣ эти люди объединялись одинаковой службой, одинаковой миссіей историческаго дѣла, указаннаго Петромъ, общимъ образованіемъ, привилегіями, а скоро и сословной организаціей. У нихъ быстро развился сословный духъ и сознаніе своего «благородства».

При этомъ должно замѣтить, что, несмотря на обязательную вѣчную службу, дворянство все-таки осталось сословіемъ земскимъ. Даже Петръ сознавалъ, что дворянству необходимо поддерживать хозяйство въ деревняхъ, и не отрывалъ ихъ отъ этого поголовно. Послѣ же него, пребываніе на службѣ и въ деревнѣ было систематизировано по подобію казачьей службы. Дворяне должны были отдавать часть дѣтей на службу, военную или гражданскую, между которыми, въ числѣ «новобранцевъ», соблюдалась извѣстная пропорція, но сверхъ того они и получали правильные «абшиды»—отпуски: нѣсколько лѣтъ службы смѣнялись нѣсколькими годами отпуска въ деревню.

Правила эти измѣнялись въ частностяхъ, но въ общемъ сохраняли одинъ духъ. Что касается дворянскихъ владѣній, то ихъ размѣры непрерывно возрастали отъ Петра до самаго Александра I.

Дворянамъ жаловалась масса уже не «земель», не «четвертей», а «душъ» или «дворовъ» крестьянскихъ. Количество крѣпостныхъ крестьянъ непрерывно возрастало. Въ крѣпостные отдавали также множество людей неопредѣленнаго общественнаго положенія, не приносящихъ «пользы государству»: незаконнорожденныхъ, нищихъ, бродягъ, церковниковъ безъ мѣстъ, нерѣдко плѣнныхъ и т. д. Въ то же время права ихъ владѣльцевъ все увеличивались, такъ что крестьяне вполнѣ слились съ прежними «холопями». Скоро дворянство получило исключительное право владѣть крѣпостными.

Прежде, въ Московской Руси, крѣпостное состояніе не было сословнымъ. Сами крѣпостные имѣли право въ свою очередь владѣть крѣпостными. Съ Петровскихъ временъ все это постепенно уничтожается: крѣпостные дѣлаются особымъ сословіемъ, а дворянство получаетъ въ концѣ-концовъ исключительную привилегію владѣть крѣпостными.

Итакъ дворянство, въ общемъ, осталось могущественнымъ земскимъ сословіемъ, тѣсно связаннымъ съ остальными сословіями. Оно, при всякой возможности, привлекалось и къ мѣстной службѣ. Такимъ образомъ дворянство представляло сословіе, съ одной стороны, кровно заинтересованное въ мѣст-

ной жизни, съ другой стороны, державшее въ своихъ рукахъ всѣ отрасли управленія.

По табели о рангахъ, служебныя преимущества давалъ, правда, чинъ. Но дворянство, по образованію и службѣ, добывало чины быстрѣе разночинцевъ. Фактически — всѣ крупнѣйшія должности въ государствѣ занимались дворянами, всѣ могущественные люди въ правительствѣ выходили изъ дворянства. Дворянскія семьи и роды частью своихъ представителей, такимъ образомъ, коренились въ деревнѣ, другой частью — въ губерніи, третьей частью—при дворѣ и въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Армія же, можно сказать, жила и дышала дворянами. Они тамъ были — все, такъ какъ военная служба даже считалась наиболѣе благородной и приличной дворянину.

Богатства страны также сосредоточивались наиболѣе въ рукахъ дворянства а просвѣщеніе почти слилось съ понятіемъ о дворянствѣ.

Вотъ сформированіе этого-то могущественнаго сословія и послужило «соціальнымъ коррективомъ» для бюрократическихъ по духу управительныхъ учрежденій петербургскаго періода. Россія въ цѣломъ, какъ пація, была отрѣзана ими отъ верховной власти. Но дворянство явилось какъ бы представителемъ Россіи передъ верховной властью.

Дворянство находилось съ монархіей въ полномъ единеніи. Оно приняло и вело ту же культурную миссію, какую повела монархія съ Петра Великаго. Дворянство глубоко и сознательно вошло въ эту миссію и даже защищало ее, какъ защищало и интересы русской національности, въ иныя минуты, когда это оказывалось нужнымъ. Вліяніе его было огромно. Трудно сказать, какъ бы пережила Россія первую половину XVIII вѣка, послѣ Петра, если бы не существовало дворянской гвардіи, не разъ наполнявшей страхомъ иноземныхъ узурпаторовъ...

При такомъ положеніи, несмотря на свою обязательную службу, дворяне не были рабами, а истыми гражданами петербургскаго государственнаго періода, и если бюрократія за-

хватывала въ свои руки другія сословія, то дворяне держали въ рукахъ саму бюрократію. Дворянство стояло такъ близко около верховной власти, такъ было съ нею солидарно, такъ интимно общалось, что независимость верховной власти въ отношеніи бюрократіи охранялась въ значительной мѣрѣ, пока существовало крѣпостное право и господствующее положеніе дворянства.

Черезъ дворянство верховная власть оставалась въ непрерывномъ общеніи со страной... Правда—это была лишь часть страны, и притомъ въ далеко не нормальномъ отношеніи къ массѣ народа. Но въ отношеніи бюрократіи дворянство стояло на стражѣ, какъ передъ верховной властью, такъ и передъ Россіей. Охраняя себя, оно охраняло волей-неволей всю страну отъ владычества «приказнаго сѣмени», «чернильныхъ душъ» и т. п.

XXXVIII.

Сохраненіе типа верховной власти.

Нѣтъ сомнѣнія, что представительство націи дворянствомъ не могло не имѣть извѣстной степени вреднаго вліянія на государственный типъ. Постоянно вырабатываясь въ сознаніи своего владычества, дворянство начало придавать нашему государству какъ бы нѣкоторый феодальный духъ. Верховная власть, окруженная дворянской атмосферой, не могла не отрѣзываться отъ народа. Однако, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «таинственная связь между царемъ и народомъ», по выраженію И. Аксакова, не была подорвана за періодъ крѣпостничества.

На это былъ рядъ причинъ. Прежде всего, привилегіи дворянства и крѣпостное безправіе крестьянъ, съ перваго момента и до послѣдняго, сознавались народомъ, какъ явленіе временное, обусловленное потребностями государства.

Власть дворянства была создана царемъ и могла держаться только царемъ. Это былъ явный и очевидный фактъ. Мужикъ,

погруженный въ безправіе, говорилъ о себѣ: «Душа—Божья, тѣло царское, а спина барская». Мужикъ служилъ барину потому, что баринъ служилъ царю. Правда, манифестъ о вольности дворянства, уничтоживъ обязательную службу дворянъ, тѣмъ самымъ логически требовалъ уничтоженія также и крѣпостного права. Эта логика вещей не осталась чужда Пугачовщинѣ, которая была заявленіемъ нравственной незаконности крѣпостного права послѣ манифеста 1762 г. Но должно замѣтить, что въ сущности—дворянство и послѣ манифеста осталось все таки служилымъ сословіемъ, и, по остротѣ Лохвицкаго, лишь было перечислено изъ военнаго министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Его обязательная служба стала мѣстною. Если это не оправдывало тяжкихъ жертвъ, налагаемыхъ на крестьянъ, то все же поддерживало идею о томъ, что всѣ служатъ государству и что крестьяне, служа господину, служатъ царской надобности.

Сверхъ того, хотя у дворянства иногда и проявлялась идея феодальная, фразы о «бѣлой кости» и «синей крови», то это были идеи занесенныя. Въ общемъ, въ крѣпостномъ правѣ преобладала идея отношеній патріархальныхъ. Лучшіе дворяне осуществляли ее и на практикѣ. Эта идея не была чужда и самимъ крестьянамъ, которые создали пословицу: «Казаку просторнѣе, а крѣпостному спокойнѣе». Баринъ, въ лучшемъ толкованіи своей соціальной идеи, являлся въ отношеніи «подданныхъ»—попечителемъ, опекуномъ «темнаго народа», и его «просвѣтителемъ».

А насколько всенародная просвѣтительная роль дѣйствительно лежала въ самой идеѣ дворянства, видно изъ того, напримѣръ, что при основаніи Московскаго Университета прямо предвидѣлась возможность, что дворяне будутъ отдавать въ этотъ храмъ науки и своихъ крѣпостныхъ, сопровождая это ихъ освобожденіемъ.

«Понеже науки не терпятъ принужденія,—сказано въ уставѣ университета,—и между благороднѣйшими упражненіями человѣческими справедливо считаются, того ради какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназію не принимать никакихъ крѣпостныхъ

и помѣщиковыхъ людей. Однако, ежели который дворянинъ, имѣя у себя крѣпостного человѣка сына, въ которомъ усмотритъ особливую остроту, пожелаетъ его обучить свободнымъ наукамъ, оный долженъ напередъ того молодого человѣка объявить вольнымъ и дать ему увольнительное письмо за своею рукою и за подписями свидѣтелей, и за себя и за наслѣдниковъ обязаться давать оному ученику пристойное содержаніе, доколѣ онъ въ университетѣ будетъ и до окончанія науки никуда отъ нея не отлучать. Отпускную ту хранить въ университетѣ и по окончаніи курса выдавать ее ученику; если же имѣвъ волю и пользуясь одинмъ тѣмъ, замѣченъ будетъ въ худыхъ поступкахъ, то выписывать его вопъ отдавая какъ его, такъ и отпускную, помѣщику» *).

Эту просвѣтительную роль въ отношеніи крѣпостныхъ дворянство исполняло и фактически. Оно создало много школъ, и въ высшіе слои просвѣщенія выдвинуло не мало бывшихъ крѣпостныхъ. Яркимъ образчикомъ этого является Т. Г. Шевченко...

Правительство, со своей стороны, никогда не забывало, что и крѣпостные имѣютъ свои права. Законодательство, вооружая помѣщика огромными правами, давая дозволяя ему сдавать непослушныхъ крестьянъ въ рекруты и даже ссылать на каторгу (Указъ 1765 г.), все-таки не признавало крестьянъ безправными, и на помѣщиковъ налагало извѣстныя обязанности въ отношеніи ихъ. Вопросъ о продажѣ крестьянъ много разъ обсуждался правительствомъ, и неоднократно права помѣщиковъ въ этомъ отношеніи ограничивались. Для власти остались, никогда вполнѣ не забытымъ, завѣщаніемъ слова Петра Великаго:

«Обычай есть въ Россіи, что крестьянъ и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, какъ скотовъ,—кто похочетъ купить, чего во всемъ свѣтѣ не водится.. И Его Величество указалъ оную продажу людей пресѣчь, а

*) Выписки изъ Полнаго Собранія Законовъ. Уставъ Моск. Университета, параграфы 26—27. Янв. 24 1755 г.

ежели невозможно будетъ вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями, или семьями, а не порознь»…..

Для правильной оцѣнки крѣпостного права должно помнить, что въ Московской Руси личность была не высоко развита, не высоко и цѣнилась, такъ что крѣпостное право возникло на почвѣ, вовсе не возмущавшейся насиліемъ и безправіемъ. А за извѣстной охраной крестьянъ правительство все-таки слѣдило. Въ 1734 г. помѣщикамъ было указано стараться о пропитаніи крестьянъ, снабженіе ихъ сѣменами хорошими, и губернаторамъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за этимъ. Съ того же 1734 года законъ обязываетъ помѣщиковъ снабжать крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли. Законъ этотъ видоизмѣнялся, но никогда не исчезъ. За жестокое обращеніе съ крестьянами помѣщики подлежали и наказанію, и опекѣ даже въ XVIII столѣтіи. Такъ, въ 1762 г. помѣщикъ Нестеровъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе за жестокіе побои, причинившіе смерть дворовому человѣку.

Въ XIX вѣкѣ гораздо болѣе бдительно слѣдили за злоупотребленіями помѣщиковъ. Въ 1836 году взяты въ опеку за жестокое управленіе имѣнія помѣщика Измайлова. Въ 1837 г. нѣсколько помѣщиковъ за злоупотребленія преданы суду. Въ 1838 г. за то же наложено на помѣщиковъ 140 опекъ. Въ 1840 г. состояло въ опекунскомъ управленіи за жестокое управленіе 159 имѣній. Неоднократно, за то же время, дѣлались выговоры губернаторамъ, виновнымъ въ недостаточномъ наблюденіи за злоупотребленіями владѣльцевъ. Были случаи преданію властей за это суду. Въ 1841 г. взято въ опеку имѣніе Чулковыхъ, съ высылкой отца семьи и воспрещеніемъ жительства въ имѣніи всѣмъ дворянамъ Чулковымъ. Въ 1842 году правительство обращало вниманіе предводителей дворянства на тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобъ не было помѣщичьихъ злоупотребленій. Въ 1846 г. калужскій предводитель преданъ суду за допущеніе помѣщика Хитрово до насилій надъ крестьянками. Ярославская помѣщица Леонтьева выслана изъ имѣнія со взятіемъ въ опеку. Въ Тульской губерніи помѣщикъ Тру-

бицынъ преданъ суду, а имѣніе взято въ опеку. Помѣщики Трубецкіе посажены подъ арестъ, со взятіемъ имѣнія въ опеку. По тому же дѣлу предводителю дворянства данъ выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ; два уѣздные предводителя отданы подъ судъ. Въ Минской губерніи (за дѣйствительно страшныя звѣрства) помѣщики Стоцкіе подвергнуты тюремному заключенію. Въ 1847 г. нѣсколько имѣній взяты въ опеку, а четыремъ предводителямъ объявленъ Высочайшій выговоръ, 3 предводителя и 2 наиболѣе виновные изъ помѣщиковъ преданы суду. Въ 1848 году помѣщикъ Лагановскій преданъ военному суду, а имѣніе взято въ опеку. Противъ другихъ принимались менѣе энергическія мѣры,—одинъ управляющій посаженъ въ тюрьму, а нѣсколько прогнаны. Въ 1849 г. 5 имѣній взяты въ опеку. Въ 1853 г. усилены мѣры къ устраненію отъ проживанія въ деревняхъ помѣщиковъ, которыхъ обвиняли въ злоупотребленіяхъ. Всего въ этомъ году состояло въ опекѣ 193 имѣнія *).

Безъ всякаго сомнѣнія, Верховная Власть фактически не могла вполнѣ защитить крѣпостныхъ такими мѣрами, но принципіально признавала эту защиту своей обязанностью. Поэтому и народъ со своей стороны, не находя правды, жаловался лишь на то, что «до Бога высоко, до царя далеко», а надежды на царя никогда не терялъ.

По мѣрѣ исполненія той основной миссіи, къ которой дворянство было призвано, то-есть по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія Россіи, исключительныя права дворянства и тяжкія обязанности крѣпостныхъ крестьянъ начинали всѣмъ казаться все болѣе отжившими, стали представляться уже не государственной необходимостью, а злоупотребленіемъ.

Эта мысль раздѣлялась даже самимъ дворянствомъ, то-есть его лучшей частью, той, которая именно и исполняла историческую миссію петербургскаго періода.

Увижу ль я народъ неугнетенный
И рабство, павшее по манію царя?

*) „Матеріалы для Исторіи крѣпостного права въ Россіи". (Извлеченія изъ секретныхъ отчетовъ Мин. Вн. Дѣлъ). Берлинъ, 1872 г.

Эта мечта Пушкина была мечтой всей лучшей части дворянства, которая въ XIX вѣкѣ совершила огромный подвигъ: установила высокое понятіе о *личности человѣка*, указала человѣка въ крестьянинѣ, и тѣмъ подорвала всякую нравственную возможность дальнѣйшаго существованія крѣпостного безправія.

Вся лучшая литература наша—представляетъ сплошной документъ этого подвига дворянства.

Верховная власть вполнѣ стояла на той же точкѣ зрѣнія. Екатерининскій наказъ осуждалъ «рабство крестьянъ». Александръ I старался его уничтожить, Николай I всю жизнь подготовлялъ практическія къ этому средства. Если крѣпостное право пережило у насъ на сто лѣтъ манифестъ о вольности дворянства, то причины этого составляла крайняя трудность разрубить гордіевъ узелъ крѣпостничества, столь сильно завязавшійся за XVIII столѣтіе. Населеніе страны казалось правительству слишкомъ неразвитымъ для того, чтобы управленіе государства могло обойтись безъ дворянства, а дворянство почерпало средства къ своей государственно-культурной роли только изъ крѣпостного права. Отсюда колебанія власти и даже лучшихъ людей дворянства. Масса дворянства, съ естественнымъ сословнымъ эгоизмомъ, и не хотѣла отказаться отъ выгоднаго положенія, созданнаго для нея Исторіей. Въ отношеніи же крестьянъ въ правительствѣ жила вѣчная боязнь, какъ бы всякій шагъ къ освобожденію ихъ не превратился, вмѣсто разумной реформы, въ кровавую Пугачовщину.

Насколько справедливы были эти опасенія—вопросъ иной. Насколько они раздувались всѣмъ множествомъ людей, лично заинтересованныхъ въ возможно долгомъ сохраненіи выгоднаго для нихъ строя — это опять вопросъ иной. Понятно — что все это было. Должно еще прибавить, что самый фактъ дворянскаго представительства за всю націю отрѣзывалъ верховную власть отъ народа и мѣшалъ ей понимать его истинное положеніе и настроеніе. Но при всемъ томъ—несомнѣнно, что Верховная Власть все XIX столѣтіе подготовляла уничтоженіе крѣпостного права, а временность этого учрежденія сознавала и раньше.

Сознавали это и дворяне, и сами крѣпостные крестьяне. Посошковъ говорилъ это еще при Петрѣ. Никогда крестьяне не теряли увѣренности, что царь—есть также и ихъ царь, общій, всенародный, а не дворянскій *).

Въ общей сложности нельзя не признать несомнѣннаго историческаго факта, что за петербургскій періодъ, несмотря на бюрократическія тенденціи управительной системы и феодальныя тенденціи соціальнаго строя а, быть можетъ, отчасти по самой идейной противоположности этихъ двухъ строевъ—самодержавный идеалъ не былъ подорванъ въ сознаніи націи, т.-е. ни у царя, ни у народа.

Съ сознаніемъ верховенства царской власти Россія вступила при Петрѣ въ тяжкій періодъ своего ученичества, и съ тѣмъ же сознаніемъ вышла, при Александрѣ II, къ жизни самостоятельной культурной страны... Такимъ моментомъ, по крайней мѣрѣ, казался 1861 г., годъ одного изъ величайшихъ подвиговъ царскаго самодержавія.

Если можно ставить даты великимъ историческимъ періодамъ въ жизни націи, то 1861 годъ ставилъ точку петербургскому періоду. Самодержавіе отмѣнило то закрѣпощеніе Россіи, которое оно же когда-то сочло необходимымъ для спасенія націи. Съ паденіемъ этого послѣдняго остатка общаго закрѣпощенія, передъ Россіей открылся нѣкоторый новый періодъ устроенія. Можно было вести устроеніе на тѣхъ или иныхъ началахъ, хорошо или плохо, но — приходилось давать *новый строй*. Съ этого момента Россія вступила въ современный періодъ, въ которомъ и по настоящее время находится.

---

*) Случайныя выраженія, какъ Екатерины II, назвавшей себя „Казанской помѣщицей“, или Николая I („первый дворянинъ“) — нельзя, конечно, брать въ серіозный счетъ.

ОТДѢЛЪ VI.

Современный моментъ русской государственности.

XXXIX.

Неясность момента.

Точное и объективное разсмотрѣніе судебъ Русской государственности должно, въ настоящее время, оканчиваться на 1861 годѣ. До этого момента, съ Рюрика до Александра II, мы имѣемъ передъ собою законченные факты, которые совершили кругъ эволюціи и обнаружили себя въ ясности. Ихъ можно анализировать и приводить въ ту или иную классификацію. Можно изъ нихъ дѣлать выводы, совершенно независимо отъ того, какъ сложатся политическіе факты въ будущемъ.

Какова бы ни была дальнѣйшая судьба русской государственности — это нимало не измѣняетъ смысла прошлыхъ до сего десяти вѣковъ. Монархическое начало вполнѣ обнаружило, въ теченіи ихъ, свой ходъ развитія, свой смыслъ и различныя стороны своей силы и слабости. Ихъ можно наблюдать sine ira et studio, столь же спокойно, какъ прошлыя судьбы Рима или Византіи. Ихъ можно констатировать, при добросовѣстности мысли, совершенно независимо отъ личныхъ политическихъ убѣжденій.

Но съ 1861 года начинается новый періодъ, въ которомъ для современника трудно сохранить объективность, и въ которомъ точность оцѣнокъ становится гораздо болѣе спорною. Опредѣлять смыслъ и характеръ періода незакопченнаго, еще невыяснившаго себя фактически,—несравненно трудпѣе, главнымъ образомъ по трудности различить вліянія *случайныхъ* и *коренныхъ условій*.

Въ прошломъ—это легко. Случайныя явленія, какъ, напримѣръ, дѣйствіе личныхъ талантовъ или недостатка ихъ, производятъ, на взглядъ, огромное дѣйствіе, кажущимся блескомъ или мракомъ поражающее современниковъ, и заслоняющее передъ ними тихое, безшумное дѣйствіе органическихъ условій. Въ прошломъ — все это взаимодѣйствіе случайныхъ и постоянныхъ факторовъ само уже сложилось въ ясные итоги. Шумное или страшное, но случайное, явленіе уже успѣло показать свою истинную скромную цѣну. Безшумныя, но органическія условія уже обнаружили свою рѣшающую роль.

Но для наблюдателя текущихъ событій—различить случайное отъ коренного—въ высшей степени трудно.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется невозможнымъ совершенно отказаться отъ этого, не столько въ цѣляхъ предвидѣнія будущаго, сколько въ видахъ окончательныхъ итоговъ прошедшаго. Это прошлое тоже было бы не вполнѣ понятно, если бы мы совсѣмъ не знали, къ чему оно привело. Поэтому мы взглянемъ, въ заключеніе, и на современный моментъ русской государственности, при чемъ должно напомнить, что «всѣ три типа монархіи (самодержавный, абсолютистскій и деспотическій) суть типы собственно *идеальные*. Въ дѣйствительности они никогда не являлись съ полной чистотой своей, а всегда въ нѣкоторомъ смѣшеніи чертъ различныхъ типовъ, лишь съ преобладаніемъ какого либо одного основного». Это обстоятельство всегда чревато послѣдствіями какъ для прогрессивнаго развитія, такъ и для регрессивнаго движенія. Напомню также, какую малую степень политической сознательности всегда представляла русская государственная мысль, а

при недостаткѣ политической сознательности, какъ сказано раньше, «государственность даннаго типа — не умѣя развить своихъ силъ, нерѣдко подготовляетъ сама торжество другихъ формъ верховной власти» («Мон. Гос.», часть I-я, стр. 80). Наконецъ, должно еще вспомнить, что судьбы государственности связаны съ эволюціей самаго національнаго самосознанія.

XL.

Историческая идея Россіи въ концѣ ученическаго періода.

По самому существу монархіи, какъ выразительницы нравственнаго идеала націи, судьбы ея находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣмъ, что называется исторической идеей націи, или ея исторической миссіей. Эта историческая идея есть эволюція психическаго содержанія націи во внѣшнемъ осуществленіи, въ реальномъ достиженіи націей того, что въ началѣ своего историческаго бытія она сознала, какъ основу своей природы и, стало-быть, какъ исходный пунктъ своего дальнѣйшаго творчества.

На пути этого творчества, передъ націей являются задачи выработки силы, внутренняго устроенія, требуемаго цѣлью развитія, борьба съ препятствіями, воздвигающимися противъ этихъ цѣлей, созданіе, наконецъ, до послѣднихъ выводовъ всего того, что заключается потенціально во внутреннемъ ея содержаніи.

Когда это творчество исчерпано—историческое существованіе націи заканчивается. Но оно заканчивается и въ томъ случаѣ, если нація, хотя бы и не дойдя до осуществленія цѣли, почувствовала себя не въ силахъ реализировать свое внутреннее содержаніе, и сама передъ собой сознала свое безсиліе стать тѣмъ, что ей диктуетъ основа ея бытія. Этотъ

моментъ разочарованія,—канунъ смерти націи. Тогда она можетъ еще остаться этнографическимъ матеріаломъ, средой, въ которой разовьется, быть можетъ, какой-нибудь новый зародышъ эволюціи, новая идея. Но эта новая идея начнетъ вырабатывать уже другую, новую націю, съ новыми формами. Это будетъ не прежняя нація, не прежнее государство, а нѣчто иное по всему характеру, задачамъ, строю, культурѣ, даже, можетъ быть, по языку.

Въ этомъ процессѣ исторической жизни какой-либо націи—что можемъ мы ждать отъ монархіи, стоящей на всей высотѣ своей миссіи? Самое большее, что она можетъ сдѣлать—это прожить съ націей въ теченіе ея исторической эволюціи, постоянно, во всѣхъ многоразличныхъ задачахъ этого сложнаго историческаго пути—оставаясь во главѣ потребностей націи, умѣя воспринять и сосредоточить въ себѣ все ея вдохновеніе, умѣя, поэтому, указать ей путь, помочь въ преодолѣніи препятствій и т. д. во всемъ входящемъ въ область мощи государственности.

Больше этого—самая великая монархія не можетъ сдѣлать. Если нація умираетъ—государство какой бы то ни было формы не спасетъ ее отъ смерти. Если въ націи изсякли духовныя силы, и она приходитъ въ состояніе дѣйствительнаго банкротства—монархія и никакая государственная сила не можетъ ее возродить. Діоклетіанъ не могъ спасти Рима. Если Константинъ былъ счастливѣе его, то лишь потому, что убѣдился въ смерти Рима, и, оставивъ мертвымъ хоронить мертвыхъ, поддержалъ жизнь новаго зародыша эволюціи, который и выросъ въ Византіи. Это было новое творчество. Византійцы, хотя и называли себя «римлянами» (ромеями), но и названіе это произносили уже не по латыни.

Что же сдѣлала доселѣ русская монархія для русской націи? Если брать многовѣковую жизнь ея до 1861 года, то она представляетъ одинъ изъ величайшихъ типовъ монархіи, и, даже, величайшій. Она родилась съ націей, жила съ нею, росла совмѣстно съ ней, возвеличивалась, падала, находила пути общаго воскресенія, и во всѣхъ историческихъ задачахъ

стояла неизмѣнно во главѣ національной жизни. Создать больше того, что есть въ націи, она не могла, но это по существу невозможно. Государственная власть—можетъ лишь, хорошо или худо, полно или не полно,—реализировать то, что имѣется въ націи. Творить изъ ничего она не можетъ. Русская монархія, за рядъ долгихъ вѣковъ—исполняла эту реализацію національнаго содержанія съ энергіей, искренностью и умѣлостью, которыя доказываются самими послѣдствіями: успѣшнымъ освобожденіемъ отъ татарскаго ига, дѣйствительно исполненнымъ собираніемъ Руси, расширеніемъ территоріи до предѣловъ, обезпечивающихъ міровую роль, стремленіемъ къ европейскому просвѣщенію уже съ Іоанна Грознаго. Возставши изъ паденія послѣ «лихолѣтья», монархія Романовыхъ дѣйствительно возсоздала и укрѣпила страну, а затѣмъ съ Петромъ поняла величайшую задачу времени, и за XVIII и XIX вѣка ея достигла. Наконецъ, по достиженіи націей должной мѣры культурности, монархія же, во главѣ всѣхъ лучшихъ людей страны, приступила къ великому акту—уничтоженію того крѣпостного строя, который, изъ нѣкогда необходимаго средства къ движенію впередъ, превратился потомъ въ язву и помѣху для дальнѣйшаго развитія.

Этотъ великій актъ, который былъ болѣе труденъ, чѣмъ установка Петровскаго закрѣпощенія—монархія, въ основахъ разрѣшила съ энергіей и быстротой, успѣхъ которыхъ признанъ былъ всѣмъ міромъ и самой русской націей.

И вотъ тутъ наступаетъ новѣйшій періодъ, въ которомъ мы, живущіе въ 1905 году, видимъ себя въ такой смутѣ, среди такихъ тяжкихъ усложненій внѣшнихъ и внутреннихъ, что будущее страны покрылось для многихъ непроглядным чернымъ туманомъ....

Какъ это случилось? Для опредѣленія этого, намъ недостаточно было бы разсуждать о *собственно монархіи*, а необходимо вдуматься въ исторію самой націи, въ эволюцію ея внутренняго содержанія.

Вспомнимъ состояніе націи наканунѣ Петровскаго переворота, подробно характеризованное въ главахъ о кризисѣ московскаго міросозерцанія...

Россія тогда порѣшила свой «кризисъ», устремившись со страстной энергіей на усвоеніе европейскаго просвѣщенія, и, какъ бы ни были посредственны успѣхи ея, во всякомъ случаѣ—она черезъ 200 лѣтъ уже принята Европою какъ несомнѣнный членъ культурнаго міра. Среди народовъ этого міра—не мало такихъ, которые уже не могутъ считать себя выше русскихъ по обладанію средствами къ культурной жизни, и сама Россія уже не признаетъ, чтобы поляки, испанцы, итальянцы стояли въ этомъ выше ея. Итакъ, средства существованія выработаны и усвоены. Но цѣль? Въ этомъ отношеніи московскій кризисъ оказался не разрѣшеннымъ.

Вспомнимъ, что основой русской психологіи былъ, несомнѣнно, элементъ религіозный. Съ нимъ связана народная этика не въ однихъ правилахъ личнаго поведенія, а въ самомъ характерѣ національной жизни. Это не подлежитъ сомнѣнію. Русскіе могутъ нести упрекъ въ томъ, что ихъ правила поведенія мало соотвѣтствуютъ тому, къ чему влечетъ ихъ этическій элементъ, но этотъ этическій элементъ чисто религіозенъ по характеру. Онъ чуждъ утилитарности. Онъ—поскольку лежитъ въ душѣ вѣрующихъ и невѣрующихъ русскихъ, проникнутъ абсолютнымъ этическимъ началомъ.

Не общественная польза, не интересы Отечества, не приличіе и удобство жизни диктуютъ русскому его правила поведенія, а абсолютный этическій элементъ, который вѣрующіе прямо связываютъ съ Богомъ, а невѣрующіе, ни съ чѣмъ не связывая — чтутъ безсознательно. Въ этой высотѣ основного элемента націи—лежитъ трудность его реализаціи, а трудность реализаціи грозитъ разочарованіемъ, упадкомъ и смертью націи, оказавшейся безсильной провести въ міръ слишкомъ высоко взятый идеалъ.

И вотъ тутъ кроется множество опасностей для монархіи, ибо этическій религіозный элементъ выдвинулъ ее въ качествѣ власти верховной, и онъ же опредѣляетъ нормы жизни, способные удовлетворить русское чувство и сознаніе.

Противорѣчія и недоумѣнія, которыя Россія ощутила въ примѣненіи этого начала къ своей жизни—создали «кризисъ»,

сдѣлавшій необходимою Петровскую эпоху. Съ тѣхъ поръ прошло 200 лѣтъ. Россія достигла многаго въ смыслѣ знаній, культурности, техники. Но въ отношеніи самой основы своей жизни не почувствовала себя достигшей большей стройности, чѣмъ при Михаилѣ и Алексѣѣ.

И чѣмъ ближе подходилъ къ концу періодъ ученичества, тѣмъ сильнѣе русскіе начинали ощущать, что въ *сущности* ничего не достигли. Въ XVIII вѣкѣ русскіе были спокойны и вѣрили въ себя, видя свои успѣхи въ роли учениковъ. Но въ XIX вѣкѣ снова начинается внутренній разладъ, тотъ самый что былъ до Петра.

Такой чуткій русскій человѣкъ, какъ Владиміръ Соловьевъ, типъ очень національный, въ концѣ жизни прямо заявилъ, что «основной вопросъ, надъ которымъ пришлось *и нынѣ* работать религіознымъ мыслителямъ Россіи, былъ поставленъ здѣсь уже *болѣе двухъ вѣковъ назадъ*». Это вопросъ о томъ—что есть церковь? А вопросъ этотъ могъ возникнуть только потому, что существовалъ вопросъ болѣе общій: что есть христіанство, а это другими словами значитъ: что есть *правда?*

При характерѣ психологическаго русскаго типа—этотъ вопросъ составляетъ «единое на потребу», безъ рѣшенія котораго русскій не способенъ устраиваться. Съ нимъ же, самымъ тѣснѣйшимъ образомъ, связана и монархія. Іоаннъ Грозный могъ не исполнять правды, но онъ всегда зналъ—былъ увѣренъ, что знаетъ, что такое правда. И весь народъ зналъ это совершенно также, какъ самъ царь. Но потомъ возникло сомнѣніе.

Растерявшись въ точномъ пониманіи правды, Петровская Россія пошла на завоеваніе культуры, искать «аленькій цвѣточекъ» правды, и черезъ 200 лѣтъ исторической страды говоритъ себѣ какъ Фаустъ: изучена медицина, и философія съ правами и многое другое,

А что же вышло изъ всего?
Одно обидное сознанье,
Что я не знаю ничего,
Что точно стоило бы знанья..

Вотъ страшная психологическая особенность новой Россіи, выходящей изъ періода ученичества. Но какъ же устраивать свою жизнь, въ такомъ состояніи, людямъ, способнымъ получать энергію и охоту къ работѣ лишь при увѣренности въ томъ, что существуетъ правда, и въ то же время, послѣ 200 лѣтъ исканія, не успѣвшимъ познать того, что для нихъ «точно стоило бы знанья?»

Положеніе вышло хуже до Петровскаго. Тогда, растерявшись въ пониманіи правды, русскіе успокоились на рѣшеніи, что нужно учиться. Ученье свѣтъ—и приводитъ къ познанію. Но теперь, послѣ двухъ сотъ лѣтъ трудовъ, все-таки не узнать искомой правды, и въ этомъ отношеніи раздробиться и растеряться даже болѣе, чѣмъ при Алексѣѣ и Ѳедорѣ—это состояніе, несомнѣнно, крайне тяжкое и опасное для такой націи, которая по психологіи своей непремѣнно нуждается въ знаніи правды, и безъ того чувствуетъ себя самой ничтожной изъ всѣхъ дѣтей ничтожныхъ міра.

При этомъ разстраивается всякое творчество: семейное, соціальное и государственное.

Что можетъ сдѣлать монархія въ такомъ состояніи націи? Она сама есть власть правды, признанной народомъ. Если пропало національное сознаніе правды—дѣло монархіи совершенно спутывается.

Вотъ эту національно психологическую почву мы должны помнить при сужденіи о нашей государственности въ современной Россіи. Тягость почувствовалась уже въ началѣ XIX вѣка, и достигла апогея послѣ 1861 года. Освобожденіе крестьянъ—это былъ, кажется, единственный актъ, въ которомъ вопросъ о правдѣ былъ для всѣхъ безусловно ясенъ, и въ которомъ монархія шла объ руку съ всенароднымъ нравственнымъ сознаніемъ.

Но съ уничтоженіемъ крѣпостного права пришлось перестраивать всѣ другія отношенія въ государствѣ. А безспорное мѣрило правды исчезло, и вся страна разбилась въ пониманіи ея.

При этомъ инстинктивный путь дѣйствія затруднялся во всей мѣрѣ того, насколько въ умахъ затуманилось ощущеніе

правды. Для поправки этого требовалось бы очень ясная сознательность государственной идеи. Но ея именно и не выработалось, и къ новымъ берегамъ пришлось плыть «безъ руля и безъ вѣтрилъ».

XLI.

Революціонный духъ новаго періода.

Разсматривая судьбы самодержавной идеи въ Петербургскій періодъ—періодъ подражанія Европейской культурѣ съ слабо развитымъ и падающимъ монархическамъ началомъ — мы пришли однако къ заключенію, что весь рядъ неблагопріятныхъ условій этого періода не подорвалъ въ Россіи самодержавнаго идеала.

Съ 1861 года у насъ наступила эпоха, повидимому, блестящаго творчества, обновленія народныхъ силъ, по внѣшности—эпоха величайшаго проявленія самодержавнаго принципа. Но именно въ этой эпохѣ передъ монархіей открылась опасность, которой она избѣжала за предшествовавшій періодъ.

Самый фактъ опасности едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Въ Россіи, уже въ началѣ XIX вѣка, стали являться отдѣльные случаи отреченія отъ монархической идеи. Самъ Александръ I-й признавалъ себя по убѣжденіямъ «республиканцемъ». Были еще раньше попытки ограниченія самодержавія въ пользу аристократіи (во времена «верховниковъ»). Требованіе «конституціи», въ смыслѣ ограниченія самодержавной власти народнымъ представительствомъ, заявляли декабристы въ 1825 году съ оружіемъ въ рукахъ. Но все это были движенія слабыя, очевидно, не захватывающія сколько нибудь глубоко національнаго цѣлаго. Проблески конституціоннаго движенія въ первой половинѣ XIX вѣка важны лишь въ смыслѣ указанія того, что въ націи усиливался элементъ, уже не способный представить себѣ *этическаго начала въ основѣ политическихъ отношеній.*

Но съ 1861 года, доказавшаго, повидимому, все могущество этого верховнаго этическаго начало, конституціонное движеніе заявилось несравненно сильнѣе, и шло въ общемъ—постоянно усиливаясь. Въ немъ соединились самые разнородные элементы непониманія монархіи. Въ самомъ дворянствѣ проявилась идея, будто бы освобожденіе крестьянъ отъ власти помѣщиковъ тѣмъ самымъ предполагаетъ уничтоженіе самодержавія. Это ярко показывало успѣхи феодальной мысли въ дворянствѣ крѣпостного періода. Многимъ начало казаться, будто бы самодержецъ есть какъ бы «первый дворянинъ», который имѣетъ надо всей Россіей тѣ права, которыя крѣпостные владѣльцы имѣютъ въ отношеніи своихъ «подданныхъ» крестьянъ, такъ что онъ логически долженъ потерять и свои права, коль скоро они отняты у дворянства. Съ другой стороны фактъ «освобожденія народа» въ сознаніи многихъ представлялся лишь первымъ шагомъ къ тому окончательному «освобожденію», какимъ они считали народное верховенство въ государствѣ. Если сдѣланъ первый шагъ—то нужно идти, быстро или постепенно—по этому же пути далѣе, и дойти до «увѣнчанія зданія», до «конституціи», до ограниченія самодержавія волею народа. Въ этомъ проявилось воззрѣніе на царя какъ на нѣкотораго «диктатора», носителя «абсолютной власти», которая, можетъ быть, была прежде необходима и неизбѣжна, но стала излишней съ минуты, когда «народъ дорослъ до гражданской свободы». Власть монарха, признаваемая лишь делегаціей народнаго самодержавія, при этомъ казалась уже «отжившей», а стало быть превращалась въ «узурпацію». Нормальный ходъ дальнѣйшаго развитія государственности, съ этой точки зрѣнія, долженъ вести къ упраздненію, къ постепенному или быстрому ограниченію власти царя властью народа, въ лицѣ его «представителей».

Короче—всѣ формы непониманія самодержавнаго принципа, все смѣшеніе его съ «абсолютизмомъ», съ единоличной и наслѣдственной делегаціей народной воли, проявилось съ періода реформъ со страшной силой.

Проповѣдь идеи народнаго самодержавія, естественно, усилилась до неизвѣстной дотолѣ степени. Огромное большинство

періодическихъ изданій, огромное количество тайныхъ обществъ, наконецъ личная пропаганда большинства образованнаго класса—несли идею народной воли и народнаго самодержавія во всѣ слои Русскаго народа.

Въ такихъ же возрастающихъ размѣрахъ началась и неуклонно шла впередъ, за всѣ 40 лѣтъ новаго періода, пропаганда анти-православная — во всѣхъ видахъ ея, начиная отъ полнаго отрицанія религіи и кончая множествомъ формъ раціоналистическаго христіанства, или даже мистическаго, но всегда анти-православнаго. Это движеніе, подрывая православіе, подрывало одновременно съ этимъ и идею царскаго самодержавія, такъ какъ уничтожало ту психологическую настроенность, которая давала въ результатѣ охотную, добровольную склонность къ самодержавному царскому принципу въ политикѣ.

Къ этому общему движенію постепенно сталъ присоединяться, въ размѣрахъ также все болѣе усиливающихся, соціализмъ. Долгое время оставаясь достояніемъ по преимуществу образованныхъ слоевъ, онъ началъ затѣмъ проникать и въ народъ, особенно въ массы городскихъ рабочихъ. Созданіе демократической Европы, онъ несъ съ собой идею крайней демократіи, соединенную съ полнымъ отрицаніемъ религіи.

Обрисовывать подробно всѣ эти явленія,—нѣтъ надобности. Это предметъ болѣе или менѣе общензвѣстный современникамъ. Но причины его требуютъ выясненія.

XLII.

Соціальныя условія новаго періода.

Въ самый послѣдній моментъ современности, когда, подъ вліяніемъ ряда общихъ и случайныхъ причинъ, государственный механизмъ сталъ приходить почти къ самоупраздненію, покойный В. К. Плеве, несомнѣнно одинъ изъ крупнѣйшихъ

представителей нашей бюрократіи, писалъ о современномъ конституціонномъ движеніи:

«Причины (его) заключаются въ нѣкоторыхъ явленіяхъ нашего гражданскаго развитія за послѣднія полъ-столѣтія. Ростъ общественнаго сознанія, какъ естественное послѣдствіе преобразованій, раскрѣпостившихъ и личность, совпалъ съ глубокими измѣненіями бытовыхъ условій, съ коренной ломкой народно-хозяйственнаго уклада. Быстро развернувшаяся соціальная эволюція опередила работу государства по упорядоченію вновь возникающихъ отношеній. Отсюда пошло сомнѣніе въ пригодности государственнаго аппарата для выполненія надвинувшихся задачъ управленія. Отсюда возникло стремленіе въ извѣстной части общества къ государственному строю, основанному на политической свободѣ. Таковы общественныя теченія, питающія конституціонныя вожделѣнія изъ источника чистаго. Но есть и мутные источники въ видѣ работы политическихъ карьеристовъ всякаго рода, которые пользуются всѣми подходящими случаями, чтобы устраивать нѣчто въ родѣ общественныхъ протестовъ, и происковъ разныхъ центробѣжныхъ силъ стремленій на инородческой подкладкѣ» *).

Въ этомъ опредѣленіи много правды. Но почему же «быстро развернувшаяся соціальная эволюція» опередила работу государства? В. К. Плеве выражаетъ при этомъ признаніе, между прочимъ, и въ томъ, что «способы управленія обветшали и нуждаются въ значительномъ улучшеніи». Но дѣло не въ томъ, что «способы» «обветшали», а въ томъ, что они состоятъ въ полной бюрократизаціи пореформенной Россіи.

Дѣйствительно, условія государственнаго творчества въ настоящее время очень сложны. Послѣднія два столѣтія, пережитыя Россіей и всѣмъ культурнымъ міромъ, къ судьбамъ котораго она присоединилась, создали чрезвычайное усложненіе міровой и національной жизни. Усложнились задачи общества, усложнились требованія личности. Въ огромныхъ размѣрахъ произошло то, что Спенсеръ называетъ «прогрессомъ», т.-е. «дифференціація» соціальныхъ элементовъ. Это не есть «прогрессъ» въ баналь-

*) „Памяти Вячеслава Константиновича Плеве". Спб. 1904 г., стр. 41—42.

номъ смыслѣ слова, какъ его понимаетъ образованная толпа т.-е. не непремѣнно «улучшеніе», которое во многихъ случаяхъ весьма спорно, но это именно—«дифференціація».

Для того, чтобы она не превратилась въ разложеніе и гніеніе силъ—необходима «интегрирующая» соціально-государственная дѣятельность, а стало-быть и идея. Ея исканіе, ея пробы—составляютъ причины тѣхъ политическихъ переворотовъ и новыхъ политическихъ формъ, которые ознаменовали собою исторію народовъ за это двухсотлѣтіе.

Этотъ «прогрессъ», «дифференціація»—проявились въ Россіи даже замѣтнѣе, чѣмъ въ другихъ культурныхъ странахъ. Не говорю «больше», но «замѣтнѣе», чувствительнѣе, потому что въ Россіи, двѣсти лѣтъ назадъ, все было несравненно проще, чѣмъ въ культурныхъ странахъ. Требованія личности, строеніе соціальныхъ силъ—все было, сравнительно, крайне просто, и проще удовлетворялось. За двѣсти лѣтъ, въ этомъ отношеніи, произошла перемѣна, которая для насъ гораздо болѣе замѣтна и чувствительна, нежели для старыхъ культурныхъ странъ.

Поддержаніе крѣпостного строя поэтому, между прочимъ, и стало невозможнымъ, что процессъ усложненія жизни, развитіе личности, развитіе экономическое, разслоеніе соціальныхъ силъ—совершалось и подъ покровомъ крѣпостного строя. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, въ этомъ процессѣ, выдающаяся роль принадлежитъ самому дворянству, не какъ сословію крѣпостническому, а какъ носителю Петровскаго дѣла просвѣщенія и культуры. Такъ, именно дворянство высоко развило понятіе о личности человѣка и въ своей собственной средѣ показало націи человѣка въ идеальныхъ образчикахъ. Оно могущественно содѣйствовало просвѣщенію, сдѣлавши въ этомъ многое даже для своихъ крѣпостныхъ. Дворянское меценатство выдвинуло изъ разночинцевъ, и прямо изъ крѣпостныхъ людей, не мало силъ для развитой жизни.

Что касается развитія русской личности къ серединѣ XIX вѣка, то одно изъ любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ этого далъ Герценъ, который заявляетъ, что, будучи знакомъ съ наиболѣе вы-

дающимися представителями образованной Европы своего времени—онъ не видалъ слоя такихъ блестящихъ представителей развитой личности, какъ среди московскихъ славянофильскихъ и западническихъ кружковъ.Высокое состояніе личности къ концу крѣпостного періода—свидѣтельствуется впрочемъ блестящимъ творчествомъ его во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности. Первая половина XIX вѣка—выдвинула столько необычайныхъ талантовъ, какъ никогда не выдвигала Россія, и у всѣхъ нихъ поражаетъ именно необычайная сила личности въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Ихъ, можетъ быть, сравнительно меньше въ государственной области, хотя и тутъ такія личности, какъ Сперанскій, Киселевъ, Канкринъ, Уваровъ, Муравьевъ-Амурскій и т. д., представляютъ образчики рѣдкіе у насъ. Въ церковной области довольно назвать такія силы, какъ Филаретъ Московскій и Иннокентій Херсонскій. Въ области художественной — Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Глинка. Даже въ области критики—никто до сихъ поръ не превзошелъ Бѣлинскаго. Цѣлая плеяда публицистовъ-философовъ—какъ А. Хомяковъ, И. Кирѣевскій,А. Герценъ, множество силъ въ разныхъ отрасляхъ знанія обнаруживаютъ уже не признаки *учениковъ*, но творческую самостоятельность.

Вообще, къ концу петербургскаго періода, Россія увидѣла себя сложной культурной страной. Потребности личности, сознаніе своихъ правъ, потребность свободы — все это въ дворянскомъ слоѣ и выработанной имъ образованной Россіи стали чутки и напряженны. Но этотъ процессъ выработки личности имѣлъ въ Россіи и слабую сторону: слой дѣйствительно культурный былъ крайне малъ, и сосредоточивался почти исключительно въ дворянствѣ. Значительное количество образованныхъ людей издавна вырабатывало наше духовенство, но всѣ они—если не оставались въ изолированномъ кругу своего природнаго сословія,—сливались съ бюрократіей или тѣмъ же дворянствомъ. Культурный типъ вырабатывался дворянствомъ.

Но съ реформой 1861 года дворянство настолько расшаталось, что, казалось, должно было совсѣмъ рухнуть. Оно обѣднѣло и, выбитое изъ привычной колеи, не могло давать тона жизни.

Между тѣмъ на всѣ отрасли службы и образованныхъ профессій хлынула масса «разночинцевъ» всѣхъ возможныхъ сословій и племенъ, имѣвшихъ между собой только ту общую черту, что всѣ они отбились отъ своихъ соціальныхъ слоевъ и вошли въ слой «образованный»,—въ «интеллигенцію», какъ они стали себя называть черезъ десятка полтора лѣтъ.

Весь этотъ новый общественный слой, «интеллигентный», численно постоянно растущій, имѣлъ, вообще говоря, не глубокое образованіе, и еще меньше культурнаго воспитанія. Даже обѣднѣвшія и опустившіяся дворянскія семьи уже не имѣли силъ его давать своимъ членамъ, а настоящіе «разночинцы» развивались еще при худшихъ условіяхъ. Разночинская интеллигенція нерѣдко могла подсказать поэту страшное своею искренностью признаніе и жалобу:

Въ насъ подъ кровлею отеческой,
Ни запало ни одно
Жизни чистой, человѣческой
Плодотворное зерно...

Эта новая «интеллигенція» унаслѣдовала у старо-дворянской всю ея требовательность въ отношеніи правъ личности, но не имѣла ни силы, ни самостоятельности, ни тонкости личности старо-дворянскаго времени. Элементовъ устойчивости въ ней поэтому было меньше, элементовъ самоувѣренности и требовательности стало еще больше.

Первая же эпоха появленія этой разночинской интеллигенціи прославилась «нигилизмомъ», крайнимъ отрицаніемъ всего существующаго, и рѣзкимъ революціоннымъ характеромъ своимъ.

Отмѣна или крайнее ослабленіе привилегій, дающихъ доступъ въ область «интеллигентныхъ» профессій, и огромное расширеніе этой области—создало еще новый соціальный фактъ.

Въ эту область хлынуло множество *не русскихъ* элементовъ, все болѣе увеличивающихся въ составѣ «интеллигенціи». Среди нихъ особенно должны быть отмѣчены евреи, которыхъ прежде почти не знала Россія въ средѣ своихъ высшихъ, правящихъ классовъ. Въ новый періодъ они стали быстро за-

хватывать самую вліятельную роль во всѣхъ областяхъ умственнаго труда и либеральныхъ профессій.

Самъ по себѣ приливъ чужихъ элементовъ хорошо знакомъ Россіи, но прежде русскіе сохраняли достаточно силы для того, чтобы русифицировать приходящіе извнѣ элементы. Въ новой Россіи—пришлые «интеллигенты» брали уже верхъ надъ коренными. Разночинская интеллигенція была внутренне слишкомъ слаба, какъ культурная сила, и по своему сбродному сложенію, легче всего сплачивалась на отрицаніи. Естественно, лица, выходящія изъ разнородныхъ по типу слоевъ,—свободнѣе всего сходятся при отбрасываніи каждымъ своего органическаго прошлаго, и при постановкѣ общей цѣли на какихъ-либо чисто отвлеченныхъ началахъ, имѣющихъ видъ «общечеловѣческихъ».

Такимъ «общечеловѣческимъ» казалось «европейское», «общекультурное», и притомъ въ тѣхъ крайнихъ побѣгахъ, которые и въ Европѣ отрицали все «старое», органическое.

Наша новая революціонная интеллигенція, поэтому, связала себя традиціонно съ прежнимъ западническимъ направленіемъ, съ которымъ, въ дѣйствительности, имѣла немного общаго. Со страстностью вспыхнула въ ней старая наша подражательность, отъ которой стали было излечиваться культурные слои дворянской образованной Россіи. Никогда никакіе «выжники» Меньшиковы временъ Петра не были такими страстными поклонниками «послѣдняго слова развитія», которое на сей разъ стали искать въ революціонной Европѣ.

Этотъ отрицательный, космополитическій, внѣорганическій, а потому революціонный духъ—тяжко налегъ на новую Россію.

Само собою разумѣется, что «національная интеллигенція», прямые преемники 200-лѣтія культурной работы Россіи—не исчезли. Напротивъ, въ этотъ же новѣйшій періодъ создано почти все, въ чемъ русское самосознаніе дошло до высшихъ предѣловъ, до сихъ поръ имъ достигнутыхъ. Этотъ новый періодъ есть періодъ Достоевскаго, Н. Данилевскаго, Л. Толстого, И. Аксакова, М. Н. Каткова, обоихъ Соловьевыхъ (отца и сына), М. Салтыкова (Щедрина) и множество другихъ

дѣятелей, раскрывавшихъ разныя стороны содержанія русскаго духа и болѣе или менѣе формулировавшихъ плоды русскаго самосознанія.

Но вся эта работа происходила въ котлѣ кипѣнія интеллигентной революціонности, заливалась ею со всѣхъ сторонъ, не имѣла силъ подвести какого-нибудь *общенаціональнаго итога*.

Это состояніе мысли образованныхъ слоевъ тѣмъ болѣе, сложно, что интеллигенція явно и сознательно «революціонная» тѣсно переплеталась съ интеллигенціей «національной», выражающей органическую умственную работу Россіи. Ихъ коренное различіе сказывается иногда очень ясно при переходѣ въ политической дѣятельности, но въ области культурнаго дѣла— оба элемента смѣшиваются нерѣдко даже *въ одной и той же личности*.

Л. Толстой—съ одной стороны крайній отрицатель и даже революціонеръ; но онъ же—великій работникъ національнаго самосознанія. Немногіе Русскіе такъ ярко доказали невозможность для себя отрѣшаться отъ *верховенства этическаго начала*. То же приходится сказать о Салтыковѣ-Щедринѣ, да и о множествѣ другихъ. Что такое Владиміръ Соловьевъ? Что такое Глѣбъ Успенскій? У всѣхъ нихъ отрицаніе современности держится на чисто русскомъ же психологическомъ началѣ. Въ среднихъ слояхъ интеллигенціи эти элементы отрицанія и утвержденія смѣшиваются еще болѣе неразложимо. Въ высшей степени бунтовское «народничество», въ то же время, родственно славянофильству по усиліямъ держаться на почвѣ органическихъ явленій. Внутренній разладъ интеллигенціи доходитъ до страшной путаницы, которую такъ неподражаемо изобразилъ Достоевскій.

Тотъ вопросъ объ *истинѣ*, который поставила себѣ Россія еще передъ реформой Петра, при такихъ условіяхъ, обострился и запутался сильнѣе, чѣмъ при Петрѣ. Онъ послѣ 200-лѣтней работы явился предъ Россіей въ такой сложности, какъ она не могла себѣ и представить въ московскія времена. Между тѣмъ подводить итоги пришлось въ такое время, когда въ «интеллигенцію» вливалось огромное количество но-

mines novi, почти чуждыхъ культурной работы Россіи за эти 200 лѣтъ, и — въ огромномъ процентѣ иноплеменныхъ, чуждыхъ самой русской психологіи, и даже, по внутреннему своему содержанію, ей враждебныхъ.

Я не хочу обвинять никакихъ «чужаковъ» за то, что они люди иной природы, чѣмъ русскіе и этимъ волей неволей усиливаютъ наши элементы отрицанія. Совершенно естественно, что они имѣютъ *свое* содержаніе. Быть можетъ ихъ вторженіе, какъ ни тяжко оно для русскаго развитія, даже провиденціально необходимо для окончательнаго выясненія русскаго же идеала, по существу универсальнаго, а потому обязаннаго найти способы примирить съ собою и подчинить себѣ даже вавилонское столпотвореніе этой разношерстной «интеллигенціи». Но — когда это еще совершится, а, въ ожиданіи, является тотъ фактъ, что при устроеніи Россіи, освобожденной отъ крѣпостного строя, созидающая власть встрѣтила передъ собою заготовленный прошлымъ, но только тутъ выросшій во всю силу, огромный слой революціонной интеллигенціи, которая страшно затрудняла національныя задачи.

Эта интеллигенція—не только въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ,—но и въ умѣренныхъ, такъ-называемыхъ либеральныхъ, отрицала не частности строенія, а самую *строющую силу*, требовала отъ нея не тѣхъ или иныхъ мѣръ, а того, чтобы она—устранила самую себя, отдала Россію имъ. Но на такой почвѣ возможна только борьба, полное торжество побѣдителя, полное уничтоженіе побѣжденнаго.

Тяжкій смыслъ этого положенія едва ли у насъ сознавался властью, которая, будучи, основана на нравственномъ единеніи съ націей, съ трудомъ представляла себѣ, чтобы среди «своихъ» могли передъ ней стать принципіальные враги.

Но за то сама революціонная интеллигенція, какъ «мирная», такъ и «боевая», вполнѣ понимала положеніе и систематически направляла всѣ свои усилія къ тому, чтобы всѣ устроительныя мѣры власти, всякій шагъ развитія страны, обратить въ орудіе борьбы противъ даннаго строя. А эта

интеллигенція была повсюду — и многочисленная въ рядахъ самой же бюрократіи, какъ слоя наиболѣе отрѣшеннаго отъ всѣхъ органическихъ элементовъ націи, она нерѣдко сама же и вырабатывала мѣропріятія правительства, прямо противныя Самодержавной идеѣ. Что касается интеллигенціи чисто революціонной, то она скоро дошла до самой ярой борьбы, помощью политическихъ убійствъ, создавъ тактику «террора».

XLIII.

Состояніе народной массы.

Уничтоженіе крѣпостного права произвело глубокія измѣненія и въ положеніи массы русскаго народа.

Крѣпостное право держало массу крестьянства въ сравнительно однообразномъ состояніи. Правда, въ ней были издавна многочисленные слои, вродѣ однодворцевъ, бѣлопашцевъ, ямщиковъ и т. п., которыхъ насчитывалось даже нѣсколько десятковъ группъ. Но всѣ эти слои—остатки старины, различались между собою не столько по существу, не по образу жизни, занятіямъ, интересамъ, какъ по случайной исторической разницѣ въ правахъ. Притомъ же политика XIX вѣка, особенно Императора Николая Павловича, въ виду подготовляемаго уничтоженія крѣпостного права, систематически стремилась слить всѣ эти группы въ одинъ слой казенныхъ крестьянъ для того, чтобы имѣть удобство потомъ уже сразу ко всѣмъ одинаково приложить новый свободный строй. Лишь немногія группы, вродѣ малороссійскихъ казаковъ, имѣли дѣйствительно своеобразную соціальную физіономію. Въ общемъ же, четыре пятыхъ русскаго народа составляли одно сплошное крестьянское сословіе, раздѣленное на крѣпостныхъ и казенныхъ, приблизительно, пополамъ. Но различаясь тѣмъ, что одна половина была лично свободна (хотя и въ завѣдываніи казны), а другая подчинялась помѣщикамъ—оба слоя представляли

въ соціально экономическомъ отношеніи массу почти однородную.

Отсутствіе свободы труда поддерживало эту однородность, такъ какъ не давало возможности сильнаго развитія капиталистической промышленности. Фабрики и заводы были мало развиты, и рабочій промышленный слой состоялъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ кустарей, а фабрично заводское населеніе, въ большинствѣ, состояло изъ временныхъ рабочихъ—тѣхъ же крестьянъ, шедшихъ на фабрики лишь такъ, какъ они шли въ извозъ или на другіе сторонніе промыслы, въ свободное время—«на заработки», для того, чтобы прихватить денегъ для своего коренного основного промысла—крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства.

Эти сорокъ милліоновъ населенія жили сравнительно изолированно отъ верхнихъ «образованныхъ» слоевъ, которые были для нихъ не столько «образованные», какъ «баре», «господа», нѣчто привилегированное и эксплуатирующее... Хотя помѣщики имѣли большое значеніе для просвѣщенія народа, но разница въ соціальномъ положеніи обоихъ классовъ сама по себѣ препятствовала крестьянству поддаваться слишкомъ сильно тѣмъ умственнымъ вѣяніямъ, которыя кипѣли сверху, у «господъ». Да и сами господа, умствуя для себя, всегда остерегались, чтобы ихъ умствованія не захватили «мужиковъ», и не вызвали среди нихъ разныхъ «бунтовъ», которые въ первую голову обрушивались на самихъ «господъ».

Все это положеніе рѣзко измѣнилось съ освобожденіемъ крестьянъ.

При томъ живомъ общеніи, которое явилось въ освобожденной Россіи между всѣми слоями населенія, умственное состояніе верхнихъ классовъ начало быстро передаваться въ народную массу, даже помимо преднамѣренной пропаганды,—а она также была, и шла все болѣе энергично. Распространеніе просвѣщенія, которое, какъ бы ни было оно жалко или даже фальшиво, во всякомъ случаѣ заставляло работать мысль народа,—перенесло къ нему тѣ запросы, тѣ споры, тѣ идеи, которые волновали верхніе образованные слои.

Сами крестьяне стали въ большомъ числѣ пробиваться къ высшему образованію и къ разнымъ высшимъ промышленнымъ или свободнымъ профессіямъ. Эти лица, хотя уже откалывались отъ своей прежней крестьянской среды, но не сразу утрачивали съ ней связи, или даже продолжали ихъ поддерживать, служа волей-неволей проводниками въ массу народа множества новыхъ идей и потребностей. Если такимъ путемъ масса народа теряла много талантливыхъ и энергичныхъ людей, то во всякомъ случаѣ получала сильные толчки къ своему развитію.

Отсюда, при многихъ благихъ послѣдствіяхъ, развилось также много очаговъ какъ сектантско-религіознаго движенія, такъ и соціально-революціоннаго.

Народная масса вовсе не обнаружила при этомъ умственной или нравственной беззащитности. Она имѣла свои вѣрованія и убѣжденія, и въ нихъ, вообще говоря, оказалась гораздо болѣе стойка, нежели высшіе классы.

Но, помимо какого-нибудь революціоннаго, т. е. политически отрицательнаго, или сектантскаго, т. е. церковно отрицательнаго, движенія—въ массѣ освобожденнаго народа не могли не проснуться стремленія къ сознательной религіозной и гражданской жизни.

Тѣ вопросы, которые волновали Московскую Русь въ XVII вѣкѣ и привели къ Петровской миссіи просвѣщенія, тѣ вопросы, которые закипѣли среди образованной Россіи въ концѣ XIX,—не могли быть чужды массѣ русскаго народа. Неся свою тяжкую страду порабощенія во имя миссіи Петра, масса народа еще могла не мыслить: за нее думали какіе-то другія лица... Но и тутъ она все-таки думала, искала правды. Какъ же этому исканію было не явиться у народа освобожденнаго, съ той минуты, когда верховная власть, нѣкогда всѣхъ закрѣпостившая на службѣ Петровской миссіи, признала, что надобность закрѣпощенія миновала, и что русскій народъ можетъ, съ успѣшными средствами, снова начать свободное существованіе?

Итакъ, вовсе не возставая противъ царя и напротивъ—

полный глубокой благодарности царю, приведшему народъ, черезъ тяготу рабства, къ возможности новой жизни, народъ все-таки имѣлъ передъ собою запросы этой *новой жизни*.

Московская Русь, свободное созданіе народнаго генія, на 200 лѣтъ прекратила *свое* національное строеніе, во имя Петровской миссіи просвѣщенія. Эта эпоха кончилась въ 1861 году. И тутъ передъ всѣми русскими, у кого была русская душа и русскій историческій инстинктъ—не могъ не явиться вопросъ: какъ же *теперь* продолжать свое прерванное строеніе? Какъ жить по правдѣ свободнаго русскаго народа?

Что отвѣчало на это современное государство даже коренному крестьянину, оставшемуся при землѣ и общинѣ? Не много яснаго могъ онъ услышать. Но зато онъ услышалъ очень много отъ тѣхъ, которые отрицали это старое русское государство, и утверждали, что свободной жизни въ немъ не можетъ существовать...

Нельзя удивляться, что до нѣкоторой степени эти отрицанія нашли отголосокъ даже и въ крестьянствѣ, хотя доселѣ очень малый, такъ что, должно признать, изъ всѣхъ сословій крестьянство оказалось наиболѣе твердо помнящимъ свои русскія основы, и наиболѣе готовымъ твердо ихъ поддержать.

Но съ 1861 года масса народа уже неизбѣжно должна была все болѣе терять свой прежній, крѣпко сложенный, однообразный составъ.

Въ соціально-экономическомъ положеніи народа начались глубокія измѣненія. Даже и среда крестьянъ-земледѣльцевъ начала разслоиваться; выдѣляя фактически безземельный слой. Но особенно важно было развитіе фабрично-заводской промышленности, привлекшей къ себѣ постепенно милліоны народа.

Это огромное населеніе фабрично-заводскихъ рабочихъ, при разумной устроительной миссіи, могло бы стать въ высшей степени полезной связью между верхнимъ культурнымъ слоемъ и деревенскимъ. Но, къ сожалѣнію, оно развивалось внѣ всякихъ рамокъ какого бы то ни было соціальнаго строя.

Нашихъ рабочихъ воспитывала деревня, поскольку они не порывали съ ней связи. Но сама фабрика для нихъ не давала въ соціальномъ отношеніи ничего, кромѣ деморализаціи. Даже семейная жизнь здѣсь не находила опоры, а находила множество разлагающихъ вліяній. Жизни общинной и корпоративной не было. Общественному міросозерцанію человѣка здѣсь грозило только разложеніе. А между тѣмъ фабричное населеніе, умственно болѣе развитое, несло свое вліяніе и въ деревню.

И вотъ здѣсь-то, на фабрикѣ, среди населенія, лишеннаго всякихъ соціальныхъ устоевъ, особенно нашла себѣ почву отрицательная и соціалистическая пропаганда. Даже сектантство часто начиналось съ фабрикъ, революціонная же пропаганда почти исключительно черезъ нихъ проникла въ народную массу.

Деревня не только исторически помнила, но и на текущей практикѣ видѣла связь народа съ высшей властью; крестьянинъ могъ быть бѣденъ или обиженъ, но чувствовалъ себя гражданиномъ Русскаго государства. Фабричный, сколько бы онъ ни зарабатывалъ, именно и не развивалъ сознанія своего гражданства въ государствѣ. Онъ какъ бы не членъ общества, а только рабочій; если онъ и не лишенъ защиты закона, то не больше, чѣмъ иностранецъ въ Россіи или чѣмъ русскій въ Германіи или Америкѣ. Но такое положеніе цѣлаго класса есть по существу революціонное, и не можетъ не отрывать нравственно народъ отъ государственной власти.

Этотъ огромный новый слой населенія «пореформенной» Россіи былъ и остается лишенъ внутренней организаціи. Но и остальная Россія на каждомъ шагу не могла не чувствовать себя организованной, по малой мѣрѣ, не соотвѣтственно потребностямъ новаго времени.

Это проявлялось рѣшительно во всѣхъ отношеніяхъ. Но, быть можетъ, нигдѣ не бросалось это такъ рѣзко въ глаза, какъ въ отношеніи духовно-религіознаго строя, т. е. въ отношеніяхъ церковныхъ.

Передъ всей Россіей, какъ сказано, сталъ въ жгучемъ

напряженіи вопросъ—что есть основная правда жизни. Но достаточно вспомнить положеніе церкви, только что характеризованное, чтобы видѣть, въ какихъ неестественныхъ условіяхъ почувствовала себя новая Россія въ своей духовной жизни, которая даетъ отвѣтъ на этотъ жгучій вопросъ.

Въ виду крайне оживленнаго умственнаго движенія, проникавшаго въ народъ, ощущалась на каждомъ шагу потребность религіозной организаціи, т.-е. необходимость крѣпкаго церковнаго общенія. Въ этомъ же отношеніи новая, пореформенная Россія увидѣла себя еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостная, и, конечно, крѣпостные крестьяне чувствовали себя ближе къ «батюшкѣ», чѣмъ освобожденные. Прежде ихъ роднило даже общее притѣсненное положеніе, и приходское безправіе если и существовало юридически, то мало замѣчалось на практикѣ. Съ освобожденіемъ народа оно стало совершенно ясно.

Высшіе классы въ этомъ отношеніи чувствовали себя тоже не болѣе живыми членами церковной организаціи.

У однихъ старообрядцевъ сохранилось древнее единство клира и мірянъ въ дѣлахъ церкви, но зато же они и признавались «раскольниками»...

XLIV.

Историческій моментъ. Разобщеніе верховной власти и народа.

Не стану впрочемъ, останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этихъ усложненій. Намъ нужно схватить самую сущность положенія Россіи и задачъ монархіи послѣ 1861 года.

Политическая сущность бытія русскаго народа состоитъ въ томъ, что онъ создалъ свою особую концепцію государственности, которая ставитъ выше всего, выше юридическихъ отношеній, начало этическое.

Этимъ создана русская монархія, какъ верховенство національнаго нравственнаго идеала, и она много вѣковъ вела на-

родъ къ развитію и преуспѣянію, ко всемірной роли, къ первой роли среди народовъ земныхъ—именно на основѣ такого характера государства.

Но вотъ, въ концѣ перваго періода строенія, въ XVII вѣкѣ, явился кризисъ, явилась неспособность націи опредѣлить себѣ, въ чемъ суть той правды, которую государственная идея требуетъ прилагать къ строенію соціальному и политическому Если бы это осталось неяснымъ для русской націи, если бы работа по уясненію этого, оказалась для нея непреодолимою, то это угрожало бы существованію монархіи. Дѣйствительно, если государственная идея русскаго народа есть вообще фантазія и ошибка, и ему должно усвоить обычную (Римскую) идею государства, какъ построенія чисто юридическаго, или же если идея русская хотя и высока, но не по сламъ самому русскому народу, то въ обоихъ случаяхъ—эта идея для Россіи сама собою упраздняется.

Вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняется и міровая миссія Россіи, ибо въ сферѣ построенія государства на основѣ юридической рѣшительно всѣ народы доказали свое превосходство передъ русскимъ.

Стало быть, если, за банкротствомъ русской идеи, кто нибудь долженъ устраивать государство на пространствѣ Русской Имперіи—то ужъ во всякомъ случаѣ не русскіе, а поляки, нѣмцы, татары, или даже евреи, и кто бы то ни было, только не русскіе, которые во имя справедливости, во имя правды, должны отказаться отъ господства, и перейти честно на роль народности подчиненной, не устраивающей другихъ, а принимающей устройство отъ тѣхъ кто поумнѣе...

Такова историческая диллема. И всѣ русскіе это прекрасно чувствуютъ. Это видно даже изъ преклоненія передъ другими народами всѣхъ «западниковъ», всѣхъ потерявшихъ вѣру въ русскія начала.

Растерявшись въ своихъ началахъ и концахъ, русскіе XVII вѣка, получили однако тогда отсрочку рѣшенія своей исторической судьбы. Они не признали себя банкротами, но сказали себѣ, что ихъ несостоятельность—лишь временная, про-

исходящая отъ недостатка просвѣщенія. Нужно пріобрѣсти просвѣщеніе и тогда все будетъ устроено... Ощущеніе это и разсужденіе совершенно правильныя, и они дали Россіи смыслъ существованія еще на двѣсти лѣтъ.

Монархія, какъ и въ предыдущіе вѣка, стала во главѣ этого національнаго рѣшенія и въ исполненіи той задачи просвѣщенія, которая вытекала изъ историческаго рѣшенія конца XVII вѣка.

Но вотъ отсрочка истекла. Задачи просвѣщенія признаны достигнутыми, и выступаетъ снова нерѣшенный вопросъ XVII вѣка.

Что есть правда? Какую правду несетъ Россія народамъ и государствамъ земли, во имя чего русскій народъ господствуетъ, а слѣдовательно какой смыслъ существованія созданной имъ верховной власти?

Очевидно, въ минуту этого возобновившагося кризиса—передъ верховною властью первой и главной задачей было: помочь націи, воплотить въ себѣ ея силы для рѣшенія вопроса о томъ, какія основы положить въ организацію выучившейся и свободной Россіи, для того чтобы въ ея строѣ былъ осуществленъ ея историческій государственный идеалъ.

Рядомъ съ этимъ основнымъ вопросомъ, конечно, продолжало стоять не мало другихъ обычныхъ вопросовъ. Понятно, что міровая нація должна обладать средствами для мірового существованія, развить силы экономически, пріобрѣсти все необходимое ей территоріально и т. д. Но все это—второстепенно. Прежде всего нужно было устроить тѣ государственныя отношенія, во имя которыхъ Россія способна имѣть значеніе міровой націи.

Въ этомъ коренномъ вопросѣ, передъ верховной властью открывалась задача духовнаго сліянія съ націей, задача стать центромъ объединенія національной мысли о способахъ осуществленія всего того, при чемъ верховная власть этическаго начала способна организовывать государственныя отношенія. Чѣмъ труднѣе этотъ вопросъ рѣшался самой націей—тѣмъ настоятельнѣе верховная власть должна была помочь его рѣшенію всѣми зависящими отъ нея способами.

Способы эти, конечно, сводятся преимущественно къ тому, чтобы духовно нравственная работа націи не была заглушаема и замедляема. Свобода Церкви, свобода мысли, свобода науки—тутъ выдвигались на первый планъ, точно такъ же, какъ возможно близкое общеніе самой верховной власти съ національной Россіей. Все это требовалось съ 1861 г. и для русской націи, и особенно для самой верховной власти, которая могла продолжать существованіе лишь въ томъ случаѣ, если бы русская государственная идея оказалась справедливою.

Казалось бы, что такого новаго историческаго оправданія русской идеи и должно было ожидать.

Всѣ сложности, борьба соціальныхъ элементовъ, племенъ, идей, появившаяся въ современной Россіи, не только не упраздняютъ самодержавія, а напротивъ—требуютъ его.

Чѣмъ сложнѣе внутреннія отношенія и споры въ Имперіи, среди ея 70 племенъ, множества вѣръ и невѣрія, борьбы экономическихъ, классовыхъ и всякихъ прочихъ интересовъ—тѣмъ необходимѣе выдвигается единоличная власть, которая подходитъ къ рѣшенію этихъ споровъ съ точки зрѣнія этической. По самой природѣ соціальнаго міра, лишь этическое начало можетъ быть признано одинаково всѣми, какъ высшее. Люди не уступаютъ своего интереса чужому, но принуждены умолкать передъ требованіемъ этическаго начала.

Итакъ, русскій типъ государственности, казалось бы, наиболѣе долженъ былъ укрѣпиться съ 1861 года. Но для этого монарху необходимо было быть съ народомъ, въ мысли, въ сердцѣ, въ общеніи. Монарху необходимо было вливать въ свою личность всю живую работу народнаго духа. А между тѣмъ въ этотъ моментъ, самый важный, самый рѣшительный, самый критическій, какой только былъ въ исторіи Россіи—на монархію тяжко налегло антимонархическое управительное построеніе, выросшее въ предшествовавшій періодъ.

Вотъ тутъ-то и сказались всѣ вредныя послѣдствія насажденной съ Петра и усиленной съ Александра I бюрократіи.

До тѣхъ поръ чрезмѣрный ростъ и вредное значеніе бюрократическаго управленія было нѣсколько ослабляемо вліяніемъ

дворянства, которое находилось въ тѣсной и непосредственной связи съ верховной властью. Но дворянство потеряло возможность исполнять прежнюю роль связи между верховной властью и націей.

А на мѣсто этой связи ничего не было создано. Съ упраздненіемъ соціально-исторической роли дворянства, около верховной власти остались только ея бюрократическіе служебные органы.

Это было роковое обстоятельство, которое разъединило Царя и народъ въ тотъ самый моментъ, когда ихъ единеніе было наиболѣе необходимо. Задача устроенія новой Россіи была бы достаточно сложна даже въ томъ случаѣ, если бы верховная власть находилась при этомъ въ тѣснѣйшей связи съ мыслью и чувствомъ націи. Но, въ эпоху такъ называемыхъ «великихъ реформъ», эта связь не поддерживалась ничѣмъ.

При освобожденіи крестьянъ верховная власть работала, по крайней мѣрѣ, въ тѣсной связи хоть съ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, то-есть съ дворянствомъ. Крестьянъ не спросили, что имъ нужно. Но зато работали дворяне, которые въ лучшихъ представителяхъ своихъ умѣли развить этическій духъ, характеризующій націю, и до извѣстной степени подняться выше классовыхъ интересовъ.

Но, съ признаніемъ крестьянства и всѣхъ русскихъ подданныхъ свободными гражданами, открывалась потребность въ созданіи учрежденій, которыя бы заполнили пустоты, образующіяся между властью и націей при паденіи крѣпостныхъ основъ. Эта огромная работа была выполнена уже внѣ всякой непосредственной связи верховной власти съ устрояемой ею націей.

Въ такой глубокой реформѣ—равной цѣлому перевороту—верховная власть должна бы была работать лѣтъ 20 въ непрерывнѣйшемъ общеніи съ націей, какъ это было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ 1612 года. Только такой работой могли сложиться новые органы связи между верховной властью и націей. Но ничего подобнаго не было.

Послѣ 1861 года около верховной власти осталась только

бюрократія. Она все дѣлала. Она вдохновляла верховную власть. Она все рѣшала за Россію. И вотъ, въ теченіе 40 лѣтъ, она успѣла вырыть такую яму между царемъ и народомъ, какой никогда не было за всѣ предыдущіе 1000 лѣтъ существованія Россіи.

Если бы у насъ теперь оказалась подорванною монархическая власть—это былъ бы для государственной науки замѣчательнѣйшій въ Исторіи образецъ того страшнаго зла, которое составляетъ для монархической власти эта ея болѣзнь—переходъ въ бюрократическое правленіе.

Все устроеніе Россіи съ 1861 г. составляло работу бюрократическихъ учрежденій.

Хорошо или плохо она была исполнена, во всякомъ случаѣ такой способъ устроенія имѣлъ самое вредное вліяніе на отношенія подданныхъ и верховной власти. Въ правильномъ ходѣ соціальной и политической жизни важнѣе всего взаимное довѣріе и пониманіе Верховной власти и націи. Учрежденія дѣйствуютъ не одной формой, а духомъ. Одно и то же учрежденіе можетъ дѣйствовать прекрасно или очень плохо, въ зависимости отъ того, вѣрятъ ли въ него. Политическія отношенія власти и подданныхъ въ Московской Россіи были хороши именно тѣмъ, что всегда хранили драгоцѣнное качество единенія между ними, а учрежденія «пореформенной Россіи» именно его и не получили.

Дѣйствіе ихъ осуждалось на неудовлетворительность уже по одному тому, что при устройствѣ ихъ царь и народъ не находились въ общеніи. Образчикъ этого даютъ земскія учрежденія.

Нельзя не сказать, что постановка общественныхъ управленій была совершена съ какимъ-то безплоднѣйшимъ мудрствованіемъ, чисто чиновничьимъ, теоретическимъ и въ то же время съ глубокимъ опасеніемъ передъ націей, которое характеризуетъ бюрократію. Ни земства, ни города не были организованы на дѣйствительно русскихъ народныхъ основахъ. Огромное большинство народа было совершенно не впущено въ нихъ, и притомъ повсюду оттирались по преимуществу орга-

дворянства, которое находилось въ тѣсной и непосредственной связи съ верховной властью. Но дворянство потеряло возможность исполнять прежнюю роль связи между верховной властью и націей.

А на мѣсто этой связи ничего не было создано. Съ упраздненіемъ соціально-исторической роли дворянства, около верховной власти остались только ея бюрократическіе служебные органы.

Это было роковое обстоятельство, которое разъединило Царя и народъ въ тотъ самый моментъ, когда ихъ единеніе было наиболѣе необходимо. Задача устроенія новой Россіи была бы достаточно сложна даже въ томъ случаѣ, если бы верховная власть находилась при этомъ въ тѣснѣйшей связи съ мыслью и чувствомъ націи. Но, въ эпоху такъ называемыхъ «великихъ реформъ», эта связь не поддерживалась ничѣмъ.

При освобожденіи крестьянъ верховная власть работала, по крайней мѣрѣ, въ тѣсной связи хоть съ одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, то-есть съ дворянствомъ. Крестьянъ не спросили, что имъ нужно. Но зато работали дворяне, которые въ лучшихъ представителяхъ своихъ умѣли развить этическій духъ, характеризующій націю, и до извѣстной степени подняться выше классовыхъ интересовъ.

Но, съ признаніемъ крестьянства и всѣхъ русскихъ подданныхъ свободными гражданами, открывалась потребность въ созданіи учрежденій, которыя бы заполнили пустоты, образующіяся между властью и націей при паденіи крѣпостныхъ основъ. Эта огромная работа была выполнена уже внѣ всякой непосредственной связи верховной власти съ устрояемой ею націей.

Въ такой глубокой реформѣ—равной цѣлому перевороту—верховная власть должна бы была работать лѣтъ 20 въ непрерывнѣйшемъ общеніи съ націей, какъ это было при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ 1612 года. Только такой работой могли сложиться новые органы связи между верховной властью и націей. Но ничего подобнаго не было.

Послѣ 1861 года около верховной власти осталась только

бюрократія. Она все дѣлала. Она вдохновляла верховную власть. Она все рѣшала за Россію. И вотъ, въ теченіе 40 лѣтъ, она успѣла вырыть такую яму между царемъ и народомъ, какой никогда не было за всѣ предыдущіе 1000 лѣтъ существованія Россіи.

Если бы у насъ теперь оказалась подорванною монархическая власть—это былъ бы для государственной науки замѣчательнѣйшій въ Исторіи образецъ того страшнаго зла, которое составляетъ для монархической власти эта ея болѣзнь—переходъ въ бюрократическое правленіе.

Все устроеніе Россіи съ 1861 г. составляло работу бюрократическихъ учрежденій.

Хорошо или плохо она была исполнена, во всякомъ случаѣ такой способъ устроенія имѣлъ самое вредное вліяніе на отношенія подданныхъ и верховной власти. Въ правильномъ ходѣ соціальной и политической жизни важнѣе всего взаимное довѣріе и пониманіе Верховной власти и націи. Учрежденія дѣйствуютъ не одной формой, а духомъ. Одно и то же учрежденіе можетъ дѣйствовать прекрасно или очень плохо, въ зависимости отъ того, вѣрятъ ли въ него. Политическія отношенія власти и подданныхъ въ Московской Россіи были хороши именно тѣмъ, что всегда хранили драгоцѣнное качество единенія между ними, а учрежденія «пореформенной Россіи» именно его и не получили.

Дѣйствіе ихъ осуждалось на неудовлетворительность уже по одному тому, что при устройствѣ ихъ царь и народъ не находились въ общеніи. Образчикъ этого даютъ земскія учрежденія.

Нельзя не сказать, что постановка общественныхъ управленій была совершена съ какимъ-то безплоднѣйшимъ мудрствованіемъ, чисто чиновничьимъ, теоретическимъ и въ то же время съ глубокимъ опасеніемъ передъ націей, которое характеризуетъ бюрократію. Ни земства, ни города не были организованы на дѣйствительно русскихъ народныхъ основахъ. Огромное большинство народа было совершенно не впущено въ нихъ, и притомъ повсюду оттирались по преимуществу орга-

ническіе слои націи. Посмотря на явную войну «интеллигенціи» противъ самодержавія, общественныя учрежденія организованы такъ, чтобы дать власть именно интеллигенціи.

Эволюція строя общественныхъ учрежденій шла въ этомъ отношеніи все хуже, все вреднѣе для Царя и народа, все выгоднѣе для власти интеллигенціи. Такой, напримѣръ, городъ, какъ Москва, съ 1.200,000 населенія, съ громадной территоріей, съ отдѣльными частями, живущими весьма неодинаковой жизнью, находится подъ управленіемъ единой Думы, безъ всякихъ общинныхъ «мерій», а Дума эта избирается всего 8,000 человѣкъ, которымъ почему-то даны права надъ всѣми 1.200,000 населенія города.

Настоящій составъ Думы (1905 года), напримѣръ, избранъ всего 1,200 жителями Москвы, т.-е. ровно $^1/_{1000}$ долей жителей, причемъ большинство гласныхъ, искуственнымъ цензомъ, выдвинуты изъ интеллигенціи. Понятно, что тутъ нѣтъ и тѣни московскаго *общественнаго* управленія.

Въ земствахъ, участіе крестьянъ до смѣшного было понижено, въ пользу яко бы «дворянства», а на самомъ дѣлѣ —въ пользу политиканствующей интеллигенціи.

Компетенція общественныхъ учрежденій была опредѣлена узко, совершенно безъ всякой разумной соціальной идеи.

Плохо поставленное дѣло мѣстнаго и общественнаго самоуправленія и въ дальнѣйшемъ развитіи не только не улучшилось, но все болѣе запутывалось взаимной борьбой и взаимнымъ недовѣріемъ власти и мѣстныхъ силъ. Отсюда вѣчная оппозиція земства, думавшаго больше о своемъ политическомъ укрѣпленіи, чѣмъ о своей земской работѣ. Въ свою очередь, правительство должно было постоянно смотрѣть съ недовѣріемъ на малѣйшее стремленіе земскихъ учрежденій къ расширенію компетенціи.

Какое бы то ни было присутствіе народа при собственно правительственныхъ учрежденіяхъ совершенно исчезло съ опубликованія манифеста 19 Февраля 1861 года. Министерства вызывали иногда экспертовъ изъ населенія, но голосъ ихъ слышали только канцеляріи, обыкновенно не обращавшія на

него вниманія. Верховная власть отходитъ передъ народомъ за бюрократическія ширмы. Благія намѣренія императора Александра II всѣ видѣли и всѣ имъ вѣрили. Едва ли и Императоръ, давшій подданнымъ столько благъ, могъ не вѣрить въ ихъ любовь и преданность. Но въ самомъ правительственномъ дѣйствіи ни царь, ни народъ не видѣли другъ друга, не наблюдали, въ какой мѣрѣ гармонично проявляется въ совершающихся фактахъ правленія воля царя и потребности или желанія народа.

На такой почвѣ отрѣзанности верховной власти отъ націи т.-е. при раздѣленности того, что въ государственной жизни непремѣнно должно быть тѣснѣйше связано, находило въ высшей степени благопріятную почву политическое міросозерцаніе современной Европы, отрицающей способность самодержавія быть «интегрирующимъ» принципомъ современной сложной жизни народовъ. Какъ бы ни сильна была идеократическая подкладка нашего самодержавія, какъ ни глубоко коренилась потребность въ немъ въ самой психологіи русскаго человѣка, — но его разсудокъ начиналъ проникаться сомнѣніемъ въ справедливости голоса чувства, когда народъ не находитъ въ государственномъ дѣлѣ отзвука своихъ стремленій, или даже замѣчаетъ въ немъ какіе-то чуждые себѣ оттѣнки.

Но не будучи въ непосредственномъ общеніи съ народомъ, носитель верховной власти дѣйствительно теряетъ способы являться отзвукомъ народныхъ стремленій, не можетъ устранить и разницы въ тонѣ государственныхъ и народныхъ стремленій. Если бы онъ даже ставилъ себѣ это цѣлью сознательно, то не имѣетъ способовъ достичь этого фактически, когда уничтожены пути непосредственнаго общенія между нимъ и народомъ.

Со временъ же Петра, учрежденія, этого достигавшія, были упразднены. Земскіе соборы исчезли. Непосредственное обращеніе народныхъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ къ верховной власти сокращено или упразднено. Московскіе люди могли просить, напримѣръ, объ удаленіи отъ нихъ воеводы и назначеніи на его мѣсто ихъ излюбленнаго человѣка. Для

пынѣшней «губерніи» это невозможно, незаконно и было бы сочтено чуть не бунтомъ. Да губернія не имѣетъ для этого и органовъ, ибо даже то «общественное» управленіе, какое имѣется повсюду — вовсе не народное, а отдано вездѣсущему «образованному» человѣку, природному кандидату въ политиканы, члены будущаго, какъ ему мечтается, парламента. Въ Московской Россіи огромное пособіе единенія царя съ народомъ давала церковная іерархія. Въ Петербургской Россіи она сама была отрѣзана отъ верховной власти, съ подчиненіемъ той же бюрократіи, какъ вся нація.

Нравственное единеніе при этомъ становилось крайне затруднено. А монархическій принципъ великъ и силенъ только нравственнымъ единеніемъ. Когда оно не поддерживается, не доказывается, не проявляется, въ народѣ неизбѣжно начинаютъ шевелиться сомнѣнія въ реальности такой формы верховной власти, и получаетъ успѣхи проповѣдь другихъ принциповъ государственнаго строя.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается одновременное разслабленіе и національныхъ силъ и самаго государственнаго управленія.

XLV.

Разслабленіе національныхъ силъ.

Въ крупныхъ историческихъ событіяхъ не только безполезно, но и несправедливо обвинять кого-либо въ отдѣльности. Эти событія создаются всѣми людьми и цѣлой массой условій. Выше подробно отмѣчено, какъ при множествѣ крупнѣйшихъ, даже геніальныхъ работниковъ мысли, Россія все-таки не обнаружила достаточной степени познанія самой себя и своихъ основъ, для выработки сознательной системы ихъ осуществленія. Въ этомъ, конечно, никто не виноватъ. Это просто историческій фактъ. Но знать его—необходимо. Если мы можемъ получить надежду пойти впередъ, совершенствоваться, то лишь при томъ условіи, если будемъ знать, что у

насъ оказывается слабо, чѣмъ обусловлены неудачи проявленія и того, что само по себѣ сильно...

То обстоятельство, что въ дѣлѣ устроенія новой Россіи царь и народъ были разобщены болѣе, чѣмъ когда бы то ни было, дѣлало совершенно невозможнымъ фактическое развитіе нашей монархіи въ направленіи, требуемомъ ея сущностью и ея исторіей. Это обстоятельство, въ свою очередь, крайне затрудняло развитіе національной теоретической мысли, ибо она развивается сильнѣе всего изъ фактовъ самой жизни, изъ практики. Создавать схемы государственныхъ отношеній отвлеченнымъ путемъ недоступно даже самому великому уму. Теоретическую мысль оплодотворяютъ лишь факты. А въ новомъ періодѣ нашей исторіи именно и были исключены факты совмѣстнаго творчества царя и народа. Этого достаточно для того, чтобы монархическая политическая мысль не развивалась даже и теоретически.

Но если идея этическаго начала безмолвствовала въ политикѣ, то старый вопросъ нашъ «о правдѣ» непремѣнно долженъ былъ обостриться, какъ и оказалось. Въ жизни человѣческой все связано. Религія объясняетъ этику, но и этика объясняетъ религію. Этика объясняетъ политику, но и политика—этику. Если какой бы то ни было принципъ абсолютнаго характера оказывается бездѣйствующимъ, несуществующимъ, въ какой-либо области, то намъ или онъ самъ начинаетъ казаться ложью, или та область отношеній, которая его въ себя не вмѣщаетъ.

Этимъ объясняется тотъ общій упадокъ духа, обостреніе пессимизма, разочарованія въ себѣ, проявившіеся въ новой освобожденной Россіи за какіе-нибудь 30—40 лѣтъ.

Съ другой стороны, бездѣйствіе русскихъ началъ неизбѣжно выдвигало на первое мѣсто начала не русскія. Работа политическая не могла остановиться, и, по засоренности и непроходимости русскаго русла, пошла въ направленіи европейскихъ идей.

Съ 1861 года Россія впервые представила тотъ типъ бюрократическаго «полицейскаго государства», который господствовалъ въ доконституціонной Европѣ XVIII вѣка.

Но такъ какъ европейская эволюція этого абсолютистскаго типа уже у всѣхъ была передъ глазами, то естественно являлось убѣжденіе, что это и у насъ только переходный періодъ къ «конституціи».

Толки объ «увѣнчаніи зданія» реформъ сводились у насъ исключительно къ требованіямъ парламентарнымъ. «Увѣнчаніемъ» казалось только ограниченіе царской власти народнымъ представительствомъ. Эти требованія, естественно, отвергались свыше. Но помимо ихъ никто, кромѣ славянофиловъ, не видѣлъ способовъ связи верховной власти съ націей, и пустота между ними оставалась незаполненной.

Что же творило государство новѣйшаго періода?

Славянофильскія идеи указывали на необходимость мѣстнаго самоуправленія. Это совершенно основательное требованіе— значащееся и въ «западническихъ» теоріяхъ, было принято, въ извѣстной степени, въ соображеніе, но совершенно неудачно, ибо дѣйствительно самоуправленія невозможно установить, не ограничивъ власти бюрократіи, а этого бюрократія не допускала. Западническія требованія указывали съ особенной настойчивостью на права личности, а общее историческое направленіе имперіи указывало распространеніе народнаго просвѣщенія. Въ различномъ осуществленіи этихъ задачъ и пошло особенно усердно творчество новѣйшаго періода, но созидателемъ всего явилась *бюрократія*. Она работала за Русскую націю.

Естественно, что при этомъ задача организаціи самоуправленія не только не была достигнута, но въ общемъ заглушена. Все же остальное и не могло быть достигнуто бюрократическимъ путемъ, ибо возможность личныхъ правъ и просвѣщенія тѣснѣйше связана съ соціальной самостоятельностью народа.

Права личности въ анархически разстроенномъ обществѣ—есть мечта. Личность внѣ общества можетъ, получая права, становиться только революціонной силой. Просвѣщеніе, внѣ связи съ воздѣйствіемъ общества—есть также химера. Между тѣмъ творчество новаго періода допускало только нѣ-

которую свободу личности, ея самостоятельность, но о самостоятельности общественныхъ слоевъ даже и не помышляло.

Въ дѣйствительности, свободной личности безъ самостоятельнаго общества не можетъ быть, и такая свобода даже не удовлетворяетъ личности. Новый же періодъ этого совершенно не сознавалъ. Онъ допускалъ напр. личную свободу вѣры, но ни въ какомъ случаѣ не свободу церкви, тогда какъ для вѣрующаго человѣка свобода его церкви важнѣе всякой личной свободы. Новый періодъ допускалъ содѣйствіе общественныхъ силъ въ видѣ напримѣръ «печатнаго слова». Но это нерѣдко лишь отрѣзывало властъ отъ народа, потому что печатное слово—выражаетъ мнѣніе вовсе не народа, а лишь того слоя, который имѣетъ матеріальныя средства и умѣнье пользоваться расширенной свободой печати. Судить о мнѣніяхъ народа по голосу печати—это значитъ сдѣлать интеллигенцію представительницей всего народа, и отдать мысль правительства во власть стремленій интеллигенціи. На той же почвѣ возникло огромное вліяніе разныхъ заѣзжихъ иностранцевъ, обзаведшихся журналами, или евреевъ, или наконецъ просто спекуляторовъ, ни съ какими слоями народа ничего общаго не имѣющихъ...

Вмѣсто того, чтобы прямо и непосредственно слышать мнѣнія общества и народа, мы прибѣгали къ фонографу печати, который заряжался піесами ни чуть не по выбору народа. Извѣстно огромное участіе и самой бюрократіи въ этомъ якобы «отзвукѣ общественнаго мнѣнія».

Такимъ образомъ, во всемъ—прямая связь государства съ народомъ отстранялась, и государственное строеніе, съ 1861 года, въ общемъ характеризовалось тѣмъ, что изъ году въ годъ, почти безъ моментовъ передышки, бюрократія развивала все большую централизацію и вмѣшательство чиновничьей власти рѣшительно во все, чѣмъ только живетъ нація. Область вѣдѣнія управительныхъ учрежденій безпрерывно расширяется. Контроль частныхъ гражданъ и общественныхъ учрежденій за дѣйствіемъ бюрократическихъ учрежденій — постоянно суживается. Контроль бюрократіи за каждымъ малѣй-

шимъ дѣйствіемъ личности и общественныхъ слоевъ непрерывно растетъ.

Эта безпрерывно и безконечно возрастающая административно-бюрократическая опека, превзошедшая всѣ примѣры, бывшіе дотолѣ, приводитъ общественныя силы къ разслабленію. Онѣ почти отрицаются, если не въ теоріи, то на фактѣ. Все за всѣхъ долженъ дѣлать чиновникъ и подлежащая власть. Такимъ путемъ правительственныя учрежденія разрастаются болѣе и болѣе. Силы національныя—не только не развиваютъ и не укрѣпляютъ своей организованности, но постоянно разслабляются безконечной опекой, указкой, воспрещеніемъ и приказомъ.

Нація пріучается все меньше дѣлать что-либо собственными силами, и удовлетворенія всякой своей потребности ждетъ отъ «начальства». Это истинное политическое развращеніе взрослыхъ людей, превращаемыхъ въ дѣтей, сопровождается отсутствіемъ возможности ихъ контроля за дѣйствіями опекателей—чиновниковъ, порождая въ общественномъ мнѣніи, вмѣсто разумнаго обсужденія дѣйствій администраціи, царство сплетни, въ которой уже и разумному человѣку невозможно отличить фантастическихъ или злостныхъ выдумокъ отъ дѣйствительныхъ злоупотребленій.

Само собою—что такъ воспитываемая нація не можетъ не терять постепенно политическаго смысла, и должна превращаться все болѣе въ «толпу».

Въ толпѣ же непремѣнно возобладаютъ демократическія понятія о верховенствѣ.

Не только болѣе высокій этическій принципъ заглушается у политически приниженнаго народа, но даже аристократическое довѣріе къ силѣ лучшихъ исчезаетъ, ибо ихъ уже не видно: толпа сѣра и однообразна, въ ней нѣтъ ни худшихъ, ни лучшихъ, есть только численность—большинство и меньшинство.

Вотъ какія чувства и настроенія воспитываются бюрократіей и ея централизаціей въ націи. Ея дѣйствіе было вполнѣ солидарно съ тенденціями революціонной интеллигенціи.

XLVI.

Разслабленіе Государственнаго управленія.

Производя такое деморализующее дѣйствіе на народъ, господство бюрократіи тяжело отражалась и на высшей власти.

Будучи связана только съ управительными учрежденіями и не находясь въ непосредственной связи съ націей, верховная власть теряетъ возможность исполненія своихъ важнѣйшихъ функцій: наблюденія, контроля и общаго направленія дѣлъ съ національной точки зрѣнія. Она погружается бюрократіей исключительно въ дѣло управленія, какъ простой центральный органъ бюрократическихъ учрежденій.

Но и это положеніе фиктивно. При безмѣрномъ количествѣ «дѣлъ» всепроникающаго бюрократическаго строя, упраздняющаго самостоятельную работу гражданъ и націи,—сознательное участіе во всѣхъ этихъ милліонахъ дѣлъ—фактически совершенно невозможно. Въ дѣйствительности, верховная власть не можетъ ни знать, ни обсудить, ни провѣрить почти ничего. Поэтому ея управительная роль дѣлается лишь кажущейся. Поглощенная же лично въ эти милліоны мелкихъ управительныхъ дѣлъ—она не имѣетъ возможности ихъ контролировать. Въ результатѣ, единственной дѣйствительной властью страны является канцелярія.

Но этимъ еще не заканчивается гибельный процессъ бюрократическаго всевластія. Въ довершеніе всего—это 50-лѣтнее владычество бюрократіи очень быстро произвело вредное воздѣйствіе и на ея собственный персоналъ. Это явленіе—обычное, причины котораго должны быть разсмотрѣны въ четвертой части книги. Но за новый періодъ нашей исторіи оно сказалось необыкновенно быстро, вслѣдствіе того упадка выработки образованнаго слоя, которое отмѣчено выше.

Вредное вліяніе внутренней логики бюрократическаго всевластія соединилось съ вреднымъ вліяніемъ соціальной расшатанности страны. Въ общемъ получилось то явленіе, что всевластный правящій классъ бюрократіи, по личнымъ

качествамъ, началъ становится гораздо ниже «управляемыхъ» *).

При всякомъ опасномъ или сложномъ случаѣ — бюрократія неизмѣнно начала оказываться «безъ людей»: ни знаній, ни способности разсудить, ни энергіи дѣйствія въ ней не стало оказываться... Это начало проявляться одинаково во всѣхъ сферахъ: гражданской, духовной, даже военной.

Такимъ образомъ, въ эволюціи государственности за 50 лѣтъ новѣйшаго періода явилось нѣчто весьма опасное.

Чѣмъ менѣе внушительной становится національная идея, остающаяся гдѣ-то въ книжкахъ, а въ дѣйствительности совершенно непроявляющаяся, тѣмъ сильнѣе и смѣлѣе развиваются идеи «европейскія», парламентарныя и революціонныя.

---

*) Генералъ А. А. Киреевъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ произведеній („Россія въ началѣ XX столѣтія" Спб, 1903, стр. 19), говоритъ:

„У самой администраціи проявляется недостатокъ выдающихся властныхъ людей, способныхъ защитать интересы общества, государства, церкви.. Постоянно увеличивающійся недочетъ такихъ сильныхъ, но вмѣстѣ и культурныхъ людей на сторонѣ правительства и порядка—очень серьезное явленіе давно подмѣченное иностранными наблюдательными людьми. Объ этомъ говоритъ въ первой части своихъ писемъ Бисмаркъ. Крайняя малочисленность культурныхъ людей, стоящихъ у кормила правленія, поразила его во время перваго его пріѣзда въ Россію. Русскіе высоко образованные люди вымираютъ, говоритъ онъ, и замѣняются людьми, конечно преданными государю и не глупыми, но уже мало культурными. О тѣхъ же людяхъ, которые намѣчались тогда, какъ государственные дѣятели будущаго времени, онъ отзывается еще гораздо „сдержаннѣе". Въ томъ же смыслѣ высказывался при мнѣ тоже замѣчательно умный и наблюдательный человѣкъ, лордъ Нэпиръ. Въ то время только что начинались волненія, приведшія впослѣдствіи къ катастрофѣ 1 Марта. Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что революціонная волна не сильна и не опасна. „Полагаете ли вы, замѣтилъ на это дальновидный англичанинъ, что сдерживающая плотина построена изъ твердыхъ элементовъ"? Приведу третье мнѣніе, человѣка, хорошо изучившаго Россію, француза графа Вогюэ. Онъ сравниваетъ борющіяся силы то-есть силы правительственныя и силы крамолы.

„D'un coté, говоритъ онъ, des hommes excellents, dévoués à leur maitre, mais irrésolus sur la route à suivre, incertains sur la valeur de leur propre action, avec peu d'idées, ou des idées molles, contradictoires... De l'autre—une idée fausse et folle—mais fixe! D'un coté—et c'est là le grand point, les meilleurs de ces hommes sont tendus vers la recherche de leurs interets, de l'autre—des miserables ayant abdiqués tout interet personnel... c'est là leur terrible force, qui pourrait presque égaliser cette lutte disproportionnée". Это писалъ гр. Вогюэ, лѣтъ 15 тому назадъ.

Это совершенно естественно. Въ то же время не русскія народности Имперіи, которыхъ ослабленіе національной Россіи можетъ лишь ободрять на захватъ власти, начинаютъ сплачиваться, хотя бы и внѣзаконными путями, и объединяются съ русскими революціонерами и всѣми отчаявшимися въ своемъ національномъ строѣ, и окончательно на него махнувшими рукой. Эта коалиція силъ, стоящихъ за строй парламентарный, который каждой изъ нихъ для чего-нибудь нуженъ, составляетъ союзъ, можетъ быть, временный, но переходящій къ тѣмъ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, чѣмъ слабѣе ему кажется самодержавная монархія. Начинаются, наконецъ, и попытки переворота...

Нѣкоторое время этотъ процессъ ослабленія государства былъ задержанъ рѣдкими личными управительными качествами Императора Александра III. Его способность надзора за бюрократическимъ механизмомъ, его замѣчательно русская личная натура—достигли возможности не только парализовать вредныя стороны «пореформеннаго» положенія, а даже вызвать подъемъ національнаго духа и творчества. Но это личное воздѣйствіе самого носителя верховной власти продолжалось недолго, а въ отношеніи системы управленія—не успѣло ничего создать. И вотъ, очень скоро Россія снова увидала еще большее обостреніе тѣхъ золъ, которыя кроются въ характерѣ «пореформеннаго» строя. Всѣ анти-монархическія, анти-русскія силы снова воспрянули, и начался рядъ тягостныхъ лѣтъ, завершившихся, наконецъ, военными разгромами 1904—1905 годовъ...

Этотъ военный позоръ, скомпрометировавшій даже тѣ вѣдомства, отъ доброкачественности которыхъ зависитъ внѣшняя безопасность и независимость Россіи—произвелъ окончательное разстройство духа Россіи, и далъ анти-русскимъ элементамъ такую смѣлость что они рѣшились выступить съ планами ниспроверженія правительства даже передъ лицемъ непріятельскаго нашествія... И это оказалось возможнымъ дѣлать въ союзѣ съ *Русскими* же людьми! Бо́льшаго паденія духа, кажется, нельзя уже и представить...

А что же дѣлаетъ въ это время та бюрократія, которая присвоила себѣ власть надъ всей Россіей и ставъ посредницей между царемъ и народомъ, не допускала никакой общественной самодѣятельности?

Какъ повела она себя въ отношеніи верховной власти и націи въ минуту опасности?

Она совершенно напомнила по своему духовному состоянію византійскую бюрократію временъ нашествія крестоносцевъ*)...

---

*) Вотъ какъ характеризуетъ кн. Мещерскій чиновничество, въ началѣ 1905 года.

„Какъ-то разъ покойный Т. И. Филипповъ, разсказываетъ кн. Мещерскій, приходитъ къ К. П. Побѣдоносцеву и спрашиваетъ его:

— Правда ли, что вы берете къ себѣ XX?

— А что? спрашиваетъ его К. П. Побѣдоносцевъ.

— Да вѣдь онъ подлецъ.

— А кто нынче не подлецъ? возразилъ государственный мудрецъ.

„Т. И. Филипповъ окаменѣлъ передъ такимъ изреченіемъ долголѣтняго опыта сношеній съ государственными людьми.

„Будемъ думать, оговаривается князь, для чести нашего сановнаго отечества, что это изреченіе ужъ черезчуръ преувеличенное, но все же отбавивъ отъ него извѣстную часть, придется признать, что нынче подлецовъ куда больше, чѣмъ честныхъ людей, между нашими бюрократами.

„Сейчасъ приведенный эпизодъ имѣлъ характерное продолженіе. Отъ К. П. Побѣдоносцева Т. И. Филипповъ отправился къ графу Делянову и разсказываетъ ему сейчасъ приключившійся между нимъ и Побѣдоносцевымъ діалогъ.

„Графъ Деляновъ, со свойственною ему добродушною ироніей, усмѣхнулся:

— Ну, говоритъ онъ,—зачѣмъ же такъ сразу и подлецъ, просто—двоедушный человѣкъ.

„Оба разсмѣялись на тему: какая-де разница между подлецомъ и двоедушнымъ?

„Въ отвлеченномъ смыслѣ, можетъ-быть, есть оттѣнокъ, но въ проявленіяхъ на практикѣ того и другого—никакой разницы.

„Это было болѣе 10-ти лѣтъ назадъ.

„Ну, а теперь, по совѣсти говоря, подлецовъ стало гораздо болѣе именно между бюрократами.

„Въ клубѣ, послѣ 18 февраля, одинъ директоръ департамента говоритъ громко: Знаете, когда я утромъ прочиталъ Манифестъ, я умеръ: опять Самодержавіе!.. И я былъ мертвъ до вечера. Вечеромъ я ожилъ отъ Рескрипта: отъ него запахло концомъ Самодержавія!

„Какъ вы назовете такого директора департамента?

„Намедни одинъ высокопревосходительный сановникъ поднимаетъ бокалъ за обѣдомъ, довольно многолюднымъ,—за *конституцію!*

„Какъ вы назовете такого высокопревосходительнаго сановника?

Гражданинъ, 1905 г. № 17 „Нѣчто о подлости".

Чѣмъ бы ни кончилась современная эпоха смуты, измѣны, безсилія и позора, ясно одно—что общее устройство, полученное Россіей въ «пореформенную эпоху»—въ будущемъ *невозможно*.

Оно привело къ такимъ страшнымъ послѣдствіямъ потому, что противуестественно по существу.

Государство, въ существѣ своемъ, состоитъ изъ верховной власти и націи. Строй управительный—административный—есть лишь служебный и подчиненный. Онъ можетъ быть хорошъ только въ томъ случаѣ, если верховная власть заставляетъ его служить именно такъ и тому, какъ и кому это требуется по нуждамъ государства. Тенденція новѣйшаго періода состоитъ въ полновластіи служебнаго элемента, и фактическомъ подчиненіи бюрократическому средостѣнію именно основныхъ элементовъ государства, которые онъ успѣлъ разобщить, и со всѣхъ сторонъ облечь собою.

Это положеніе, конечно, *невозможное*. Оно противно природѣ государственныхъ явленій, и такъ или иначе неизбѣжно *должно исчезнуть*. Вопросъ будущаго состоитъ лишь въ томъ—*какая* власть это произведетъ.

XLVII.

Заключеніе.

Въ настоящее время (1905 г.) мы видимъ Россію въ самомъ смутномъ положеніи. Среди войны, которая грозитъ подорвать все историческое будущее Россіи, среди неслыханной слабости учрежденій, среди самыхъ смѣлыхъ попытокъ государственнаго переворота, среди попытокъ инородческихъ элементовъ ниспровергнуть руководящую роль Русскаго племени въ Имперіи, русскими созданной, среди хаоса мысли и раздоровъ самихъ русскихъ, растерявшихся, не знающихъ, на какую силу можно положиться, а потому ищущихъ созданія такихъ силъ, и тѣмъ невольно потрясающихъ существующую государственность, на этомъ фонѣ отчасти революціонномъ, отчасти

имѣющимъ видъ какого то разложенія Россіи—заявленъ рядъ реформъ рѣшительно по всѣмъ отраслямъ управленія.

Всѣ учрежденія подвергнуты пересмотру, ни власть, ни народъ не знаютъ, на кого можно положиться среди слугъ правительства, а страна полна всевозможныхъ безпорядковъ и бунтовъ. Выдвинулась было даже страшно спѣшная реформа Церкви *)... Все это «реформаторство» является въ такое время, когда наиболѣе преданные отечеству люди—не способны оторваться отъ спасенія международной роли Россіи для внимательнаго участія въ работахъ по внутреннимъ реформамъ.

Чѣмъ разрѣшится смутное современное положеніе въ *ближайшемъ* будущемъ—это зависитъ, какъ всегда, не только отъ глубокихъ органическихъ причинъ, создающихъ ту или иную верховную власть государства, но также отъ множества причинъ случайныхъ. Въ такихъ смутныхъ положеніяхъ какое нибудь случайное событіе или случайное присутствіе или отсутствіе двухъ трехъ талантливыхъ и энергическихъ людей, въ той или другой изъ борющихся «партій», могутъ имѣть временно огромныя кажущіяся послѣдствія. Одна случайная блестящая побѣда на востокѣ, даже зависящая отъ промаха японцевъ, уже могла бы въ теченіе послѣдняго года не разъ измѣнить внутреннія дѣла Россіи.

Но каковы бы ни оказывались въ ближайшемъ будущемъ сочетанія этихъ случайныхъ условій—судьбы монархіи въ смыслѣ основы будущаго строя—рѣшаются не ими. Въ «лихолѣтье» XVII вѣка множество случайныхъ условій были противъ монархіи. Она, казалось, исчезла не только фактически, но была даже несомнѣнно скомпрометирована своими личными представителями. И однако же дѣйствіе органическихъ условій—привело въ концѣ концовъ къ полной реставраціи, какъ *верховной власти*, такъ и *управительной системы*.

Въ настоящемъ обзорѣ русской государственности насъ можетъ интересовать лишь дѣйствіе этихъ органическихъ ус-

---

*) Къ счастью, задача возрожденія устройства Церкви была быстро поставлена на правильную почву Высочайшей резолюціей 31 марта 1905 г.

ловій, ибо только они имѣють въ исторіи рѣшающій голосъ. Какія же можно выразить предположенія въ этомъ отношеніи, то есть не въ смыслѣ того, что будетъ въ Россіи завтра или послѣ завтра, а въ смыслѣ того, что представитъ русская государственность въ *заключительномъ* моментѣ современной смуты?

Въ противность смутѣ XVII вѣка—не можетъ подлежать сомнѣнію, что *управительная система* современной государственности не можетъ быть возстановлена. Въ XVII вѣкѣ монархія была реставрирована вмѣстѣ съ прежнимъ управительнымъ строемъ. Теперь этого очевидно не можетъ быть. Бюрократизмъ долженъ неизбѣжно пасть, ибо если бы онъ не палъ—то долженъ бы былъ вести къ паденію саму монархію. Для дальнѣйшаго существованія системы бюрократіи, которая есть система государственной узурпаціи управительныхъ властей, ей—необходимо было бы овладѣть также и народомъ посредствомъ организованныхъ партій, а для этого требуется замѣна монархіи парламентомъ. Если же монархія удержится—то, наоборотъ, паденіе бюрократизма совершенно неизбѣжно. Ибо ни монархія не имѣетъ основаній вредить себѣ поддержкой уже явному для нея злу, создавшему современный кризисъ, ни самъ народъ не можетъ болѣе терпѣть власти, столь ясно заявившей свою неспособность и вредоносность.

Итакъ, можно сказать, что система управительныхъ властей въ будущей Россіи непремѣнно такъ или иначе измѣнится. Она должна принять или характеръ парламентарный, или истинно монархическій, то есть представить единеніе верховной власти съ націей не только идейно, но и въ системѣ управительныхъ учрежденій.

Но что касается *верховной* власти, то едва ли возможно сомнѣніе въ томъ, что современная смута, подобно смутѣ XVII вѣка, завершится полной реставраціей монархіи. Она конечно была бы возстановлена даже въ томъ случаѣ, если бы, какимъ либо стеченіемъ случайныхъ обстоятельствъ, была временно разрушена.

Дѣло въ томъ, что коренныя условія современной государственности несомнѣнно—всѣ за монархію.

Изъ коренныхъ условій нашихъ, въ опасныхъ сторонахъ нынѣшняго положенія, играетъ серьезную роль только политическая безсознательность, которая всегда такъ много вредила Россіи. Но и она въ настоящее время стала меньше чѣмъ была прежде. Русскіе современнаго періода все таки менѣе прежняго ошибаются относительно истиннаго достоинства парламентарныхъ учрежденій, болѣе прежняго вспоминаютъ политическую практику Московскаго періода.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ началѣ XIX, парламентаризмъ могъ казаться великой идеей, великимъ открытіемъ политическаго разума, а потому могъ фанатизировать народы, какъ общенаціональный идеалъ. Въ настоящее время это невозможно. Парламентаризмъ обнаружилъ на практикѣ свою малоцѣнность. Увлекать сколько нибудь развитые умы онъ не можетъ. Наше конституціонное движеніе горячо поддерживается только тѣми, кто заинтересованъ въ немъ, какъ въ своемъ *классовомъ* орудіи господства надъ страной. Его сторонниками являются: адвокаты, журналисты, мелкая интеллигенція, наименѣе научная часть профессуры, наиболѣе спекуляторская часть промышленниковъ, т. е. всѣ кандидаты въ политиканскую роль. Но націю, въ широкомъ смыслѣ, столь явно скомпрометированное учрежденіе—уже нигдѣ не можетъ горячо увлекать.

Болѣе притягательной силой теперь способенъ обладать, конечно, соціализмъ.

Но непримѣнимость соціалистическаго строя къ русскимъ современнымъ экономическимъ условіямъ слишкомъ ясна. На будущее же время, несомнѣнно, сама европейская практика покажетъ на фактахъ то, что уже и теперь ясно для знающихъ, т. е. что дѣйствительное разрѣшеніе «рабочаго вопроса» дается вовсе не соціализмомъ, а системой профессіональной организаціи.

Такимъ образомъ, совершенно невозможно представить себѣ, какой великій идеалъ могъ бы составить серьезное противодѣйствіе коренному русскому идеалу самодержавія, какъ только

оно возстановитъ свои необходимыя средства общенія съ націей. Противъ этого идеала можетъ, для многихъ, говорить его неизбѣжная связь съ религіей. Но въ настоящее время замѣтно паденіе не столько религіознаго чувства, какъ собственно православнаго міросозерцанія, изъ котораго вытекаетъ царская идея. Однако расшатанность православія составляетъ явленіе, котораго смыслъ очень споренъ.

Въ его появленіи играетъ огромную роль не паденіе самой идеи, а неправославное состояніе церковности. Имъ компрометируется православный идеалъ. Но искаженіе церковности обусловливается у насъ не столько паденіемъ самаго чувства вѣры, какъ недостаточной сознательностью, которой пользуются разные своекорыстные интересы. Однакоже едва ли когда нибудь по-Петровская Россія достигала такой степени повышенія церковной сознательности, какъ въ настоящее время. Достаточно указать непрекращающіеся толки о Церковныхъ Соборахъ, патріаршествѣ, о возрожденіи прихода и т. д. чтобы видѣть близость уничтоженія тѣхъ неправильностей церковнаго строя, которые больше всего роняютъ православіе.

Съ измѣненіемъ же этого неправильнаго положенія, способность православія къ вліянію на умы и совѣсти несомнѣнно возрастетъ до чрезвычайной степени.

Что касается самой психики русскаго человѣка, то ея религіозный характеръ и теперь столь же несомнѣненъ, какъ прежде. Чистый холодный раціонализмъ не обнаруживаетъ и теперь способности ужиться даже въ тѣхъ сектахъ, которыя возникли на раціоналистической основѣ. Въ этомъ отношеніи сектанскія сумасбродства въ Павловкахъ, или духоборовъ въ Америкѣ патологически обнаруживаютъ характеръ здороваго религіознаго чувства русскаго человѣка. Онъ и теперь, по прежнему, неспособенъ обходиться безъ Бога, безъ сердечнаго съ Нимъ общенія. Само отступленіе отъ рамокъ православія сплошь и рядомъ свидѣтельствуетъ, въ дѣйствительности, лишь о живомъ состояніи православнаго религіознаго чувства въ русской душѣ.

Должно сверхъ того замѣтить, что къ политическому прин-

ципу людей приводитъ не непосредственно вѣра, въ смыслѣ догматическаго вѣрованія, а то нравственное настроеніе, которое ею порождается. Это же настроеніе современнаго русскаго, повидимому, совершенно такое же какъ было прежде. Въ этомъ отношеніи даже огромная примѣсь нерусскихъ элементовъ къ современной интеллигенціи—не получаетъ особаго значенія, ибо люди вообще легче всего «руссирфируются» на почвѣ этическаго настроенія.

«Этическое» же настроеніе, т. е. предрасположеніе всѣ явленія жизни подчинять этикѣ—характеризуетъ современнаго русскаго ничуть не меньше, чѣмъ его отцовъ и дѣдовъ.

Современные русскіе, несомнѣнно, крайне развращены, такъ что объ ихъ «этикѣ» можетъ казаться стыдно и говорить. Но должно вспомнить, что это состояніе «грѣховное» а не возведенное въ норму. Русскій—сбился съ пути, потерялъ рамки жизни необходимыя для воспитанія, и вотъ почему онъ сталъ такъ деморализованъ. Но этическое начало въ этомъ развратномъ человѣкѣ остается все таки единственнымъ, которое онъ въ глубинѣ сердца своего уважаетъ.

Простую нравственную «дисциплину», «дрессировку», которую столь искренне цѣнятъ другіе народы, онъ не уважаетъ, и доходитъ до современной деморализаціи именно потому, что въ существѣ своей души онъ «этиченъ», хочетъ непремѣнно истиннаго чувства, и если его не находятъ, то отворачивается отъ всякихъ утилитарныхъ поддѣлокъ.

Но пока душа русскаго такова—онъ не можетъ быть способенъ искренне подчиниться какой либо верховной власти, основанной не на этическомъ началѣ, а потому онъ неспособенъ признать надъ собою власть ни аристократіи, ни демократіи.

Русскій—по характеру своей души, можетъ быть только монархистомъ или—анархистомъ. Если онъ почему нибудь утратилъ вѣру въ монархію—то дѣлается или политическимъ индифферентистомъ или анархистомъ.

Можетъ быть наша интеллигенція, или даже вообще русскіе, этого сами не понимаютъ. Но психологія руководитъ нами независимо отъ нашего пониманія, и русскаго она ведетъ ни къ

чему иному, какъ къ монархіи, по той причинѣ, что онъ не способенъ честно и охотно подчиниться ни какой другой власти, кромѣ единоличной.

А потому было бы невѣроятнымъ увидѣть въ Россіи— по крайней мѣрѣ теперь, до чрезвычайнаго измѣненія самой души народной, не только республику, но даже сколько нибудь прочную конституцію, ограничивающую царскую власть. Можно себѣ представить у насъ, какъ вездѣ, смуты, перевороты, узурпаціи, но какъ прочный строй въ—Россіи возможна только монархія, и думаю, что она теперь возродилась бы изъ самыхъ тяжкихъ смутъ столь же самодержавною какъ въ 1612 г.

Но если этотъ діагнозъ вѣренъ—то указанныя выше ненормальныя построенія управительныхъ учрежденій, и запутанныя отношенія верховной власти и націи, должны быть въ концѣ концовъ измѣнены не какою другою властью, какъ властью русскаго самодержца.

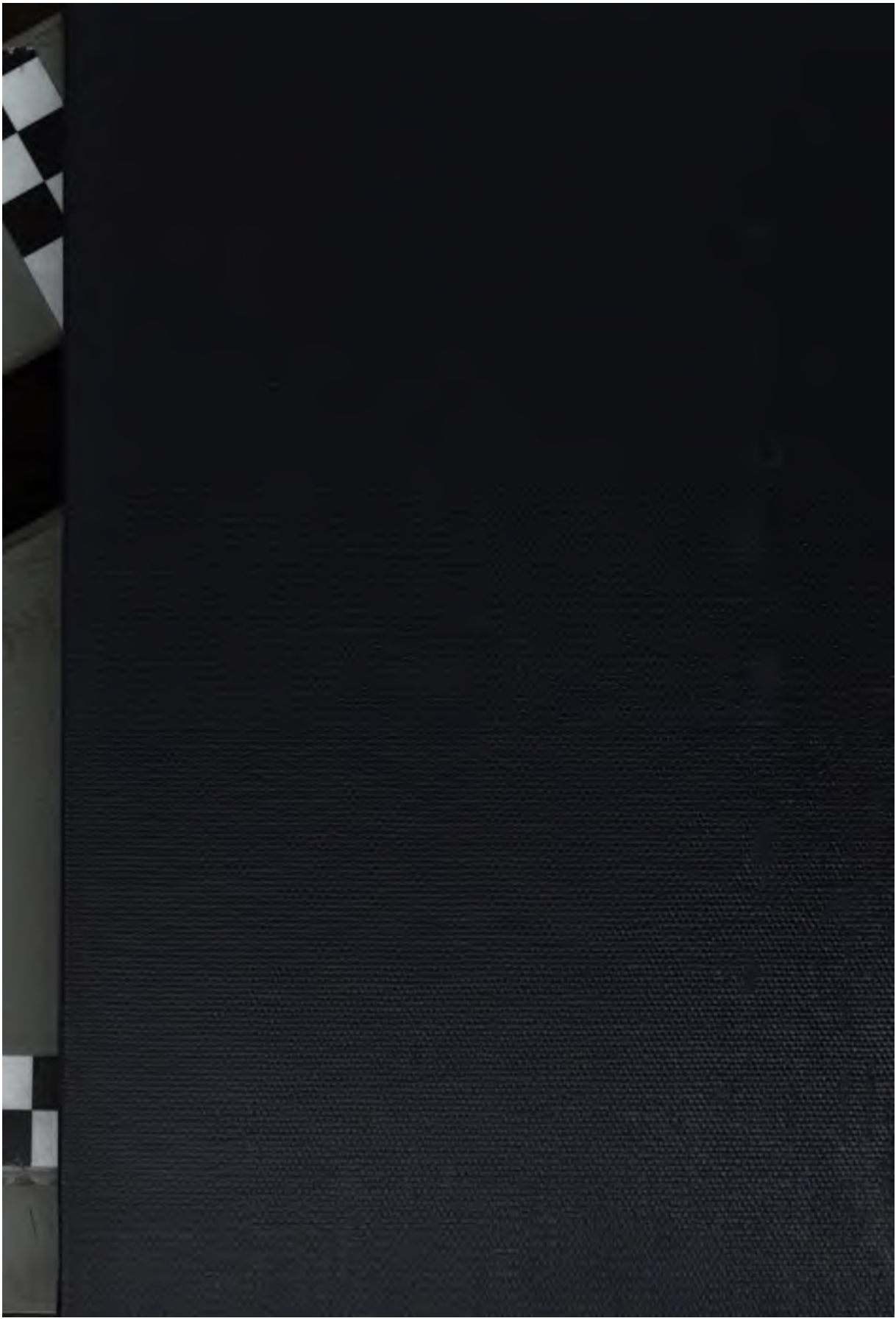
Можно очень удивляться, что эти вопіющія ненормальности способны такъ долго держаться, и что съ 1861 года недостающія связи между верховной властью и націей доселѣ не заполнены. Но нельзя будетъ удивляться, когда мы увидимъ, что монархія восполнитъ очевидный и вредный пробѣлъ, ибо это будетъ съ ея стороны актомъ только естественнымъ.

Левъ Тихомировъ.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ.

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

Русская государственность.

МОСКВА.
Университетская типографія, на Страстномъ бульварѣ.
1905.